

Поход Суворова в 1799 г.

По запискам Грязева

ПОХОДЪ СУВОРОВА

въ 1799 г.

По запискамъ Грязева.

Составилъ ординарный профессоръ военного искусства

Генеральнаго Штаба Полковникъ

Н. А. Орловъ.

(СЪ ПОРТРЕТАМИ, РИСУНКАМИ И ПЛАНАМИ).

Цена 2 руб.

Складъ у В. А. Березовскаго.

С.-Петербургъ, Колокольная ул., д. № 14.

1898.

Составил ординарный профессор военного искусства
Генеральнаго Штаба Полковникъ

Н. А. Орловъ.

(С ПОРТРЕТАМИ, РИСУНКАМИ И ПЛАНАМИ).

Цена 2 руб.

Склад у В. А. Березовскаго.

С.-Петербургъ, Колокольная ул., д. № 14.

1898.

Дозв. ценз. С.-Петербург. 12 Февраля 1898 г.
Столичная Скоропечатня. Гороховая ул., д. №12.

© сканирование - проект "Восточная литература" <http://vostlit.info>

© OCR, web-публикация - военно-исторический проект "Адъютант!" <http://adjutant.ru>

Содержание

Предисловие.....	3
Жизнеописание Суворова.....	4
Итальянский поход Суворова в 1799 году.....	11
I. Завоевание Ломбардии.....	11
II. Занятие Пьемонта и сражение на Треббии.....	16
III. Сражение при Нови и конец итальянского похода Суворова.....	22
Швейцарский поход Суворова в 1799 г.....	29
I. Выступление из Италии.....	29
II. По Швейцарии до Мутенталя.....	31
III. Выступление из Швейцарии.....	36
Возвращение Суворовских войск из Швейцарии, в 1799г.....	46
I. На квартирах в окрестностях Линдау.....	46
II. В Баварии.....	49
III. Марш на квартиры в Богемию.....	52
IV. В Богемии.....	55
V. В Россию.....	61
Суворовская Пражка в Тульчине.....	67
Посещение пути Суворова через Альпы.....	69
Немцы о Суворове.....	72
Иллюстрации, приложенные к изданию.....	75

Предисловие.

[I] Поход Суворова в Италию и Швейцарию в 1799 г. представляет огромный интерес, а между тем многое, относящееся к этому замечательному событию остается до сих пор мало разработанным; иностранные архивы (напр. парижский) почти не тронуты. Давно уже занимаясь исследованием боевых подвигов Суворова, я с крайним любопытством принялся за чтение случайно напавшейся мне старинной рукописи Грязева, служившего в Московском гренадерском полку при Екатерине II и Павле I.

Рукопись, в четвертку, переплетена в 2 тома, носит название «Мой Журнал» и заключает подробный дневник с 1793 г. по 1800 г.

Грязев родился в 1772 г. в Калуге, в 1774 г. (ему было всего один год и 5 месяцев) записан в армейскую службу (по обычаю того времени, «якобы под Браиловым») в Московский гренадерский полк, в 1781 г. переведен в Преображенский полк подпрапорщиком, в 1787 г. в Семеновский — каптенармусом, в 1791 г. произведен в сержанты и поступил на действительную службу так называемым «уборным». 1-го января 1793 г. произведен в поручики армии в Белозерский мушкетерский полк, а в сентябре переведен в Московский гренадерский полк, с которым отправился в 1799 г. уже в чине капитана.

Грязев — весьма образованный по тому времени и наблюдательный человек, а потому его записки имеют значение ценного исторического документа. Следовало бы напечатать их [II] целиком, но тогда книга послужила бы только специалистам или любителям старины; масса подробностей («купил рыжую кобылу», «променял рыжую кобылу на серого мерина»), длинных сантиментальных рассуждений и возгласов, отсутствие общего описания исторических событий сделали бы сочинение скучным и малопонятным для массы читателей. Вот почему я переработал «журнал» Грязева в ряд очерков о походе 1799 года с объяснением общей обстановки; выдержки из «журнала» приведены без всяких изменений, в кавычках. Для большей наглядности я снабдил издание портретами, рисунками и планами, а также предпослал краткое жизнеописание Суворова с оценкой великого русского генералиссимуса, как полководца. Кроме того, я присоединил несколько мелких моих статей о Суворове («Суворовская Пражка в Тульчине», «Посещение пути Суворова через Альпы», «Немцы о Суворове»), полагая их не бесполезными, особенно те данные, которые мне удалось собрать во время путешествия пешком в 1895 г. в Швейцарии по пути, пройденному войсками Суворова.

Н. Орлов.

Жизнеописание Суворова.

[1] Александр Васильевич Суворов-Рымникский (1730-1800), князь Италийский, граф Российской и Священной Римской империй, генералиссимус русских сухопутных и морских сил, фельдмаршал австрийских и сардинских войск, гранд сардинского королевства, принц королевского дома (cousin du roi). Предки его вышли из Швеции в Россию при великом князе Симеоне Гордом. Отец Суворова, подпоручик Преображенского полка, предназначал сына к гражданской деятельности. Вследствие скупости отца, первоначальное образование Александра Васильевича сильно тормозилось; однако он изучал немецкий и французский языки, так что впоследствии свободно владел ими, а в более зрелом возрасте познакомился с итальянским, польским, финским и турецким языками. Ростом он был мал, тощ, хил, дурно сложен и некрасив. Любопытный и обладавший необыкновенными способностями, мальчик со страстью предавался чтению, преимущественно книг военного содержания, и скоро обнаружил сильнейшую склонность к военному делу. В 1742 г. он был записан рядовым л-гв. в Семеновский полк, куда и поступил на действительную службу в 1745 году. Под руководством отца изучал артиллерию и фортификацию; кроме того, посещал лекции в кадетском корпусе; в общем же был самоучкою, ибо свое обширное образование приобрел главным образом сам, обладая ненасытной жаждой к чтению. Службу в полку он нес с необыкновенною ревностью, хотя в казармах не жил, и не только вполне изучил ее, но даже сроднился с солдатом: [2] его втянула в себя солдатская среда; тут же он закалил свое здоровье, отлично переносил усталость, голод, всякие лишения. Пройдя такую школу, он имел впоследствии право называть солдатский ранец «ветром». Солдаты любили Суворова, но и тогда уже все считали его чудачком, ибо жизнь его не походила на жизнь других дворян в его положении. Только в 1754 году Суворов произведен в офицеры, с переводом в Ингерманландский пехотный полк поручиком. В январе 1756 года его повысили в обер-провиантмейстеры и послали в Новгород; в октябре сделали генерал-аудитор-лейтенантом, с назначением состоять при военной коллегии; в декабре переименовали в премьер-майоры. Хотя эти нестроевые должности были не по вкусу Суворову, но здесь он познакомился с хозяйственной частью. — Во время семилетней войны он в 1-й раз выступил на боевое поприще. В 1758 году Суворов был послан в Лифляндию и Курляндию, во вновь сформированные 3-и батальоны пехотных полков; в том же году он назначен комендантом Мемеля и лишь в 1759 году пробрался к самой действующей армии: в чине подполковника Казанского пехотного полка был назначен дивизионным дежурным в штаб графа Фермора. Суворов участвовал в сражении при Куннерсдорфе и в набеге Чернышева на Берлин, а в 1761 году командовал отдельными отрядами, преимущественно конными, в легком корпусе Берга и отличился как отважный (ранен пулею) партизан и лихой кавалерист (особенно в деле под Ландсбергом), который, по аттестации Берга, «быстр при рекогносцировке, отважен в бою и хладнокровен в опасности». Сначала Суворов получил во временное командование Тверской драгунский полк, а потом — Архангелогородский драгунский. В семилетнюю войну он не только исполнял поручения, но отдавал себе отчет и в общей обстановке войны. рассуждая о действиях Салтыкова после куннерсдорфской победы, Суворов сказал Фермору: «на [3] месте главнокомандующего, я сейчас бы пошел на Берлин». Другой раз, услышав от прусского дезертира, что в Швейднице запасов хватит на 3 месяца, он посоветовал Бергу не посылать этого сержанта к главнокомандующему Бутурлину, который может поколебаться в своих наступательных планах: Суворов оказался правым — показания дезертира повлияли на Бутурлина. В 1762 году Александр Васильевич был послан с депешами к Екатерине II, произведен в полковники и назначен командиром Астраханского пехотного полка, а в начале 1763 года — командиром Суздальского пехотного полка. Командуя последним, он выработал свою знаменитую систему воспитания и обучения войск; отчасти он формулировал ее письменно, в произведении, названном им «Суздальским учреждением» (оно до нас не дошло). Опыт войны не прошел даром: уяснив себе недостатки наших войск, преимущества системы Фридриха и вообще сущность и требования войны, Суворов воспитывал и обучал свой полк исключительно в духе боевых требований; хотя он и придерживался изданного тогда устава, но останавливался главным образом на тех его частях, которые могли иметь боевое применение; впрочем, вообще, он не придавал значения формам и старался влить в них лишь необходимую сущность. Суворов оказался прекрасным полковым командиром: его система обучения была одобрена свыше, ибо во время маневров в Красном Селе в 1765 году, в присутствии и при участии императрицы, ему и его полку предоставлена выдающаяся роль. — 31 мая 1768 года Суворов был уволен в отпуск на год, «для исправления его домашних нужд». Долго ли он оставался в отпуску — неизвестно, но в ноябре 1768 года уже двинулся с полком из Ладogi в Смоленск, для участия в войне против польских конфедератов. Марш Суздальского полка был необыкновенно быстр: в самое дурное осеннее время пройдено более 850 верст в 30 дней, [4] причем в Ладогe, на квартирах, не оставлено больных, а на походе захворало 6, пропал — 1. Так сказались на деле основательная подготовка мирного времени. В сентябре 1768 года Суворов произведен в бригадиры, но продолжал командовать полком, который сдал лишь в феврале 1770 года, после производства в генерал-майоры. Во время войны против польских конфедератов, командуя войсками люблинского участка, Суворов ярко проявил свой военный

талант. Замечательны его понимание стратегической обстановки (операции против Дюмурье и Огинского) и особенностей партизанской войны в том крае (распределение войск в участке, действия подвижного резерва), умение сообразовать свои действия с характером противника (например Ландскрона) и проявление частного почину (Столовичи). Разбив Дюмурье под Ландскроном и Огинского при Столовичах, Суворов уничтожил два ядра конфедерации, с которыми она потеряла свою силу; затем, взяв Краков (15 апреля 1772 года), он своими победами главным образом и повлиял на исход войны, результатом чего был 1-й раздел Польши. За службу в Польше, Суворов получил орден св. Георгия 3-го класса, за Столовичи — орден Александра Невского, за Краков — одну тысячу червонных от императрицы. Во время этой войны Александр Васильевич не раз подвергался лично большим опасностям: в 1770 году, переправляясь во время осеннего половодья через Вислу, сильно ударился грудью о понтон и не мог оправиться несколько месяцев; в 1771 году, при нападении на Ландскронский замок, был оцарапан, а лошадь под ним убита; в Столовичах один из гвардейцев Огинского чуть не в упор выстрелил в Суворова, но промахнулся; в 1772 году, в деле с бандой Косаковского, подвергся нападению польского офицера, который, выстрелив из 2 пистолетов, бросился с саблей, и Суворов отражал его удары, пока карабинер не убил поляка. — Для характеристики [5] личности Александра Васильевича интересен следующий отрывок из его письма: «Я не очень входил в сношение с женщинами, но когда забавлялся в их обществе, соблюдал уважение. Мне недоставало времени заниматься ими, и я боялся их; оне-то и управляю страную здесь, как и везде. Я не чувствовал в себе довольно твердости, чтобы защищаться от их прелестей». — По окончании войны в Польше, возвратясь с войсками в Петербург, Суворов был командирован для осмотра в военном отношении границы со Швецией, а потом — в армию Румянцева на Дунай, где давно уже велась война с турками. 5 мая 1773 года он прибыл к назначенному ему отряду у Негоешти, а 10 мая и 17 июня произвел победоносные поиски на Туртукай, представляющие образцы форсированной наступательной переправы через реку. В этих поисках, вместе с тем, обращают на себя внимание: широкое развитие действий егерей, предоставление свободы частному почину отдельных начальников, своеобразное употребление конницы (в то время, как Румянцев, Репнин, и другие ставили ее между каре пехоты, Суворов назначал во 2-ю линию боевого порядка и предоставлял действовать самостоятельно). Сверх того, принятое уже в то время дробление боевого порядка на несколько каре Суворов развил, употребляя батальонные и даже ротные каре. Вообще тип боевого порядка под Туртукаем, с егерями далеко за флангами и впереди сомкнутых частей, носит в себе основы перпендикулярной тактики, выработанной русскими задолго до эпохи революционных войн. Во время поиска 10 мая, при атаке турецкой батареи, разорвало пушку и ранило Суворова в правую ногу, а во 2-м поиске он был так слаб (страдал лихорадкою и от ушибов при падении с лестницы в Негоешти), что 2 человека водили его под руки и особый офицер громко повторял приказания генерала, который мог говорить только шепотом. За Туртукай Александр Васильевич получил орден св. Георгия [6] 2-го класса. — 3 сентября 1773 года Суворов одержал победу над турками у Гирсова, а 9 июня 1774 года нанес им решительное поражение при Козлудже, что главным образом повлияло на исход войны и заключение кучук-кайнарджийского мира. В начале 1774 года Александр Васильевич произведен в генерал-поручики, летом же 1775 года (во время празднования этого мира) императрица пожаловала ему золотую шпагу с бриллиантами. — В промежуток между кампаниями 1773 и 1774 годов Суворов женился на княжне Прозоровской; но семейная жизнь не удалась ему, и в 1784 году Александр Васильевич окончательно разошелся с женою. — Тотчас после турецкой войны Суворов послан был в помощь графу Панину, для усмирения пугачевского бунта. Хотя главный удар был нанесен Михельсоном, но необычайно быстрое преследование Суворовым Пугачева в степи ускорило гибель самозванца. — Проведя некоторое время в Москве, Суворов отправился на службу в Крым, где и пробыл полгода, а затем назначен начальником кубанского корпуса, и в три с половиною месяца привел оборону на Кубани в блестящее состояние. В апреле 1778 года ему вверены были войска в Крыму и на Кубани. В виду возможности турецкого десанта на берега Крыма, Суворов принял меры для отпора, причем все распоряжения его в этом отношении (распределение войск и прочее) представляют образец превосходного плана для обороны берегов. Вместе с тем, Александр Васильевич оказался замечательным политическим деятелем (выселение, христиан из Крыма: греки поселены по рекам Берда, Калмиус и по азовскому побережью; армяне — на Дону, близ Ростова) и много повлиял на присоединение Крыма. Так как в 1779 году опасность военных действий со стороны турок миновала, то Суворову приказано, оставив в Крыму и на Кубани часть войск в виде гарнизонов, вывести остальные в Россию; сам же [7] он получил в командование малороссийскую дивизию, но уже в январе 1780 года был командирован в Астрахань, чтобы привести в исполнение проект Потемкина о направлении ост-индской торговли по внутреннему водному пути к Петербургу, Из проекта ничего не вышло, и в конце 1782 года Суворов переведен в крепость Св. Димитрия (при устье Дона), для командования кубанским корпусом, которому вскоре (по объявлении в 1783 году манифеста о присоединении Крыма) выпала нелегкая задача привести к присяге и покорности ногайских татар. Суворов достиг этой цели, поборов значительные трудности и пролив много крови противника. В июле 1783 года Александр Васильевич получил орден св. Владимира 1-й степени, а в 1786 году произведен в генерал-аншефы. В течение 1784-1786 год. командовал владимирскою и петербургскою дивизиями, а затем назначен в кременчугскую, что имело важное значение, ибо императрица, во время своего путешествия 1787 года,

должна была сделать в Кременчуге смотр войскам. На смотре Екатерине, австрийскому императору и иностранным представителям надлежало показать войско, подготовленное для войны, а не для парада кунштюков; вот почему проницательный Потемкин и выбрал для этого дела Суворова.. Смотри удался наилучшим образом, и приемы Суворова озадачили зрителей. В награду он получил табакерку в 7 тысяч рублей. — С началом 2-й турецкой войны 1787-1791 г. При Екатерине Суворов назначен командовать кинбурнским корпусом, на который возложена оборона побережья Черного моря от устья Буга до Перекопа. Оборона эта — образец операций подобного рода и должна быть рассматриваема вместе с планом Суворова 1778 года (см. выше); но последний план обнимал оборону всего побережья, а распоряжения 1787 года касались лишь обороны отряда. Основательность этих распоряжений блистательно оправдалась победой под Кинбурном [8] 1 октября, за которую Александр Васильевич получил орден св. Андрея Первозванного и бриллиантовый плюмаж на шляпу с буквой К. В кинбурнском бою особенно замечательно взаимодействие различных родов оружия и содействие галеры «Десна». Против турок пехота строилась всегда в каре, но здесь Суворов употребил развернутый строй, так как конницы у десанта не было и такой строй вообще соответствовал обстановке боя на узкой косе. Во время сражения Суворов был ранен картечью в бок и пулею в левую руку. В 1788 году он участвовал в осаде Очакова и снова ранен (пулею в шею); но, по неудовольствиям с главнокомандующим Потемкиным, уехал в Кинбурн; тут, при взрыве лаборатории, бомба влетела в квартиру Александра Васильевича, разорвалась ж причинила ему серьезные поранения обломками квартирной обстановки. В кампанию 1789 года, командуя дивизией в молдавской армии Репнина, Суворов разбил турок при Фокшанах и Рымнике, чем уничтожил почти все их вооруженные силы; но Потемкин не сумел воспользоваться результатом работы суворовского гения. В награду Александр Васильевич получил бриллиантовый крест и звезду к Андрею Первозванному, орден св. Георгия 1-го класса, бриллиантовый эполет, богатую шпагу, перстень и титул графа Рымникского, а от австрийского императора — титул графа Священной Римской империи. В 1790 году Суворов совершил подвиг, поразивший современников: взял штурмом Измаил¹. Этот высокий образец военного искусства замечателен систематической подготовкой и необыкновенно стройным исполнением штурма. Однако, вследствие зависти Потемкина, Александр Васильевич был награжден лишь чином подполковника Преображенского полка. В 1791-1792 годах он произвел рекогносцировку русской границы [9] с Финляндией, составил проект ее укрепления и выполнил последний. Работы шли весьма успешно, так как Суворов хорошо знал инженерное дело, но не любил его и всегда тяготился такими поручениями. В конце 1792 года, ввиду вооружений Турции и возможности войны с нею, Суворов был послан в Херсон: под его начальство поступили войска в Екатеринославской губернии, Крыму и во вновь присоединенных землях; вместе с тем, ему поручено укрепление границ на юге. Однако, войны с Турцией не последовало. Суворов был весьма недоволен своим положением, тем более, что в марте 1794 года началось восстание Косцюшки. Только в августе этого года Суворов был вызван на театр польской инсurreкционной войны. 11-го он выступил из Немирова и совершил замечательно-искусный марш-маневр к польской Праге, причем на пути разбил поляков в ряде боев при Дивине, Кобрине, Крупчицах, Бресте и Кобылке; взяв же, после кровопролитного штурма, Прагу², достигнул умиротворения Польши, последствием чего был 3-й раздел ее. Вся операция, веденная образцово, доказывает в Суворове большой стратегический талант и поучительна приемами действий против партизанской войны в обширных размерах. Штурм Праги произведен блестящим образом и, пожалуй, может быть приравнен к штурму Измаила; по крайней мере, сам Суворов говорил: «дело сие подобно измаильскому». В награду Александр Васильевич получил алмазный бант на шляпу, 3 пушки (из числа взятых при Крупчицах), чин генерал-фельдмаршала, имение «Кобринский ключ» (7 тысяч душ мужского пола), а от прусского короля — ордена Красного орла и большого Черного орла, причем остался командовать войсками в Польше. В январе 1796 года он приехал в Петербург, удостоился милостивого [10] приема императрицы и получил предложение принять главное начальство в предположенной экспедиции в Персию, но отказался, имея в виду более важную войну на европейском театре, против турок или французов. Вследствие этого он был назначен начальствовать войсками в губерниях Брацлавской, Вознесенской, Екатеринославской, Харьковской и в Таврической области. В марте прибыл Суворов в Тульчин, главную квартиру армии, и здесь развил до полноты свою знаменитую систему воспитания и обучения войск, которая составляет самостоятельную школу. Здесь же он придал окончательную редакцию своему военному катехизису («Наука побеждать», также — «Деятельное военное искусство»). — Ожидание войны с Турцией не осуществилось, но зато решено было послать 50-ти тысячную армию, под начальством Суворова, против французов; однако, кончина Екатерины II (6 ноября) помешала исполнению этого решения, и отправка наших войск за границу была отменена. — Вскоре по восшествии на престол императора Павла, Суворов оказался в опале. Высочайшим приказом 6 февраля 1797 года он отставлен от службы, даже без мундира, а в конце апреля сослан в свое имение, Кончанское (Боровичского уезда), под присмотр полиции, причем ему не позволялось отлучаться из деревни к соседям, принимать кого-либо к себе, корреспонденция же прочитывалась. Положение Александра Васильевича сделалось настолько тяжелым, что в декабре 1798 года он послал государю прошение о разрешении поступить в монахи. Ответа не последовало, а 4 февраля 1799 года, под влиянием ходатайства венского двора, послан рескрипт, которым Суворов вызывался для принятия начальства над соединенною австро-русской армией в войне с Францией

(знаменитые Итальянские и Швейцарские походы Суворова)³. Начав [11] наступление 8 апреля, Суворов разбил генерала Моро на реке Адда (при Кассано) и уже 18 мая вступил в Милан, ниспровергнув Цизальпинскую республику, а 15 мая занял Турин, завоевав Пьемонт; в первой половине июня дал высокопоучительный образец действий по внутренним операционным линиям против армий Моро и Макдональда, причем последнего наголову разбил в 3-х дневном сражении на реках Тидона и Треббия (6, 7 и 8 июня), а 4 августа одержал решительную победу над генералом Жубером при Нови. Это сражение было ведено с замечательным тактическим искусством: демонстрируя против левого фланга французов войсками Края, Суворов нанес решительный удар в стратегический ключ неприятельской позиции, в ее правый фланг. — План швейцарского похода, по мнению некоторых писателей, грешит относительно выбора операционного направления (хотя вопрос далеко еще не выяснен), но его тактическое выполнение — неподражаемо; противник Суворова, Массена, говорил, что он отдал бы все свои походы за один суворовский швейцарский. — Император Павел наградил Александра Васильевича титулом князя Итальянского, своим портретом с бриллиантами, для ношения на груди, орденом св. Анны 1-й степени, званием генералиссимуса; кроме того, приказано «войскам, даже и в присутствии государя, отдавать ему все воинские почести, подобно отдаваемым особе Его Императорского Величества»; военной коллегии вести с ним переписку не указами, а сообщениями; изготовить памятник (стоит в Петербурге, на Суворовской площади). Император Франц II пожаловал большой крест ордена Марии-Терезии и звание австрийского фельдмаршала, с жалованьем 12 тысяч гульденов в год; курфюрст баварский — орден Губерта; сардинский король — большую цепь ордена Анунциаты и сделал Александра Васильевича «великим маршалом пьемонтских войск и грандом королевства, [12] с потомственным титулом принца и кузена короля». — 20-го апреля 1800 года Суворов, совершенно больной, возвратился в Петербург; но еще раньше его постигла новая, внезапная опала со стороны Павла I; все торжества, приготовленные для встречи полководца, были отменены. 6 мая Александр Васильевич умер. Погребение, по чину фельдмаршала, а не генералиссимуса, последовало в Александро-Невской лавре. На надгробной плите значится: «Здесь лежит Суворов».

В течение своей 40-летней военной карьеры Суворову приходилось действовать на весьма разнообразных театрах войны: на равнинах Пруссии и Италии, в лесах и болотах Польши и Литвы, в степях Молдавии и Валахии, Крыма, Новороссии, Северного Кавказа и оренбургских, в горах Швейцарии. Таким же разнообразием отличался противник и его предводители. Суворов предпринимал всевозможные военные операции: полевые сражения, переправы через реки, осаду, оборону и штурм крепостей, оборону морских берегов, партизанскую войну. Гений полководца постепенно развивался и креп, а наибольшего блеска достиг на закате дней, в кампанию 1799 года. От природы Суворов был одарен обширным умом, обнаруживавшимся во всяком действии, в каждом мнении. Еще из родительского дома он вынес уважение к науке и жажда знания, а на службе, чуть не до последнего дня жизни, постоянно пополнял свое многостороннее образование. Просвещенный наукою ум и продолжительная военная практика выработали у Суворова замечательный военный глазомер, это внутреннее око, направляющее решение полководца, способность вычитать истину из массы сбивчивых и часто противоречивых признаков (Столовичи, Треббия). Суворов имел характер решительный, обладал железной волей, доходил до крайней степени упорства, когда приходилось приводить в исполнение свои планы. Ош, не нуждался в советах, не требовал их и не принимал. Раз задумав что-нибудь, не колебался и немедленно стремился [13] к достижению поставленной цели. Все бои носят самый решительный характер (Фокшаны, Рымник, Измаил, Нови...). Если у Суворова не было равновесия между умом и характером, то некоторый перевес заметен в сторону последнего. Однако чрезмерная отвага не доводила полководца до предприятий безрассудных, — все было соображено с обстановкой. Несмотря на всю вспыльчивость и раздражительность, он умел сдерживать себя во многих случаях. Обладал чрезвычайной личной храбростью, но не выставлял ее напоказ; всегда был на своем месте, весьма часто подвергался опасности и не избегал ее, если требовалось его присутствие там, где происходил жаркий бой и царил смерть. Высоко ценя свои подвиги, как генерала, даже не отличаясь в этом отношении скромностью, он не заявлял о подвигах своей личной храбрости. Укрепив с течением времени свое слабое здоровье, он проявил впоследствии необыкновенную выносливость; избегал комфорта, всегда вел такую жизнь, как будто оставался на биваке: спал на сене и даже в холода носил самую легкую одежду; не ходил, а бегал; не ездил, а скакал. Никогда его здоровье не влияло тормозящим образом на военные операции и постоянно он обнаруживал самую кипучую деятельность. Главные пружины, двигавшие Суворова иа подвиги, — страсть к военному делу (ж к войне, как к конечному его проявлению), сильнейшее честолюбие и славолубие. Вне военной профессии для него не было деятельности которая могла бы удовлетворить его; в 1793 году, во время мира в России, он просился поступить волонтером в германские войска, воевавшие против французов; в 1798 — хотел идти в монастырь, так как ему казалось, что военное поприще для него кончилось, цель жизни исчезла. Честолюбие было присуще Суворову, представлявшему цельный тип военного человека; но оно не доходило у него до степени болезненности, и для получения почетной награды или чина он [14] не поступался своими правилами нравственности. Все отличия получил за боевые заслуги («завоевав Польшу. вы сами себя сделали фельдмаршалом», писала Екатерина II). Точно также не давал боев и не пускался в предприятия, которые служили бы только для удовлетворения его

честолюбия и не нужны были в общей экономии войны. Военную славу считал выше всего, и свое поучение войскам оканчивает словами: «слава, слава, слава». Пользовался магическим влиянием на массы, зависевшим от множества нравственных нитей, которые связывали предводителя с последним солдатом его армии. Солдаты слепо верили в непобедимость своего генерала, и вера эта основывалась на неопровержимых, всем известных фактах. Постоянная отеческая заботливость Суворова о солдатах вселила в них убеждение, что без вужды ими не рискнут. Долговременное же близкое общение с войсками наблюдательного полководца доставило ему основательное знакомство с природою солдата, складом его понятий, процессом образования его идей, даже предрассудками... И всем этим полководец искусно пользовался, ибо был великий военный психолог. Суворов знал солдата, а солдат знал Суворова, потому что генерал не только его не чуждался, но, напротив, старался быть возможно ближе к людям, постоянно вступал с ними в беседы и говорил так, как никто другой не мог бы говорить: он владел красноречием особого рода — каждое его слово шло прямо к солдатскому сердцу. Неистощимая веселость Суворова от одной какой-нибудь, всегда удачной, шутки сообщалась войскам и подбадривала их даже в самые тяжелые минуты, а несколько горячих слов вызывали на необычайные усилия. Личное присутствие Суворова, даже одно его имя производили на войска чарующее действие. Бескорыстие, щедрость, религиозность, добродушие и простота в обращении привлекали к нему все сердца. Короче, по замечанию одного иностранного писателя, трудно указать на такое [15] военное качество, которого не было бы в Суворове. Мало того, все эти качества были присущи ему не только в молодости или зрелом возрасте (когда часто способности полководца достигают своей кульминационной точки, а затем начинают клониться к упадку), но и в старости, к 70-ти годам, и не ослаблялись, а совершенствовались и достигли высокого развития. Нельзя умолчать о странностях Суворова, которые сделали его прославленным чудачком. Он не прикидывался им, не напускал на себя искусственного оригинальничания для достижения какой-нибудь цели, чтобы сделаться заметным, а действительно чудачество, вместе с веселостью, лежали в основе его натуры. В молодости он сдерживал себя, но когда достиг известного положения, дал волю природе, и странности усилились. Впрочем многое, весьма естественно принималось за эксцентричность людьми, которые не понимали сущности дела; выйдет Суворов в сапоге на одной ноге и в туфле на другой — эксцентричность, а на самом деле туфлю он часто носил на раненой ноге. — С точки зрения стратегии, военные действия Суворова представляют высокий образец. Он всегда задавался важной целью. В эпоху, когда местному элементу придавали большое значение, Суворов главной целью действий всегда ставил не какие-либо пункты и линии, но армии неприятеля и источники средств для ведения им войны (Дюмурье под Ландскроной, Огинский при Столовичах, вся кампания 1794 года, Адда, Треббия, Нови). Наметив важную цель, он искусно выбирал и направление для движения своей армии (операционную линию) ; например, марш от Бреста к Праге в 1794 г., действия по внутренним линиям в июне 1799 года. Он всегда стремился действовать сосредоточенно силами, хотя и подвергся наибольшему нареканию критиков именно с этой стороны. На самом деле, если у него и заметна иногда разброска сил, то она не только от него не зависела, [16] но являлась даже вопреки его желаниям. Разброска сил в Италии в 1799 году произошла от влияния венского гоф-кригсрата; в Польше же, в войну 1768 — 1772 годов, она вызывалась сущностью обстановки (партизанская война); но в обоих случаях стратегическое развертывание его войск представляет выдающиеся образцы, особенно для того времени, когда кордонная система была еще во всеобщем употреблении; замечательно здесь выдвигание авангардов на главнейшие направления и возможность сосредоточения значительных сил к любому пункту театра войны. Если часто случалось, что Суворов являлся на поле сражения с меньшими силами, нежели у противника, то это было вопреки желаниям генерала, вследствие различных причин; сам же он старался сосредоточить возможно больше войск. Во всяком случае, Суворов побеждал. Разброску и слабость своих сил он вознаграждал подвижностью, быстротою маршей, составлявшею нечто неотъемлемое в его природе. Вместе с быстротою, являлась скрытность маршей, возникавшая совершенно естественно, сама собою, так как быстрота была столь велика, что никто не верил возможности появления Суворова там, откуда он еще недавно находился в весьма далеком расстоянии (движение к Столовичам, Ландскроне, Бресту в 1794 году, к Треббии в 1799 году). Быстрота и скрытность маршей вели к внезапности появления — лучшему способу подготовки успеха. Суворов всегда удерживал в своих руках почин в действиях относительно неприятеля (1-я и 2-я польская война, Фокшаны и Рымник, 1799 год). Если противник иногда и пытался захватить почти в свои руки, то Суворов сосредоточивался и наносил жестокие удары. Он не знал отступлений (исключения ничтожны), постоянно действовал наступательно⁴ и, сообразно с обстановкой, искал боя, а не уклонялся от [17] него. В те времена, когда идея преследования неприятеля после боя далеко еще не вошла в сознание, когда говорилось о необходимости строить отступающему золотой мост, Суворов был горячим приверженцем полной эксплуатации победы, неотступного преследования на поле сражения и на театре войны, ибо «недорубленный лес опять вырастает»; в одном же наставлении он выражается так: «ничего не щадить; не взирать на труды; преследовать неприятеля денно и ночью, пока истреблен не будет». Так Суворов поступал и в действительности. Поклонник решительного образа действий, он постоянно заботился об обеспечении своей операционной линии (кампания 1794 года). Планы его были всегда весьма просты, что и составляет их главное достоинство. Имея в виду конечную задачу, они обнимали постановку лишь ближайшей цели и

общее направление к ней; все дальнейшее, все подробности, строго подчинялись наличной обстановке; слишком далекое предвидение различных обстановок, подверженных многим случайностям («весь этот вихрь случаев» по выражению Суворова), он обходил. Вот почему, быть может, некоторые писатели и уверяют, будто Суворов действовал без всякого плана, без толку передвигал войска взад и вперед. Теоретические воззрения его о ведении войны, выраженные кратко, картинно и своеобразно, рассеяны в его приказах, наставлениях, письмах и заметках. Они затрагивают множество предметов, но над всеми мыслями мудрого полководца царит идея о необходимости «смотрения на дело в целом». — Придавая большое значение нравственному элементу, Суворов везде ставил дух выше формы; свой дух вносил в тактику, и вследствие этого всякий тактичный прием приобретал в его руках некоторую особенность, обличавшую мастера. В походных движениях наибольшее внимание обращал на быстроту; все марши его, с точки зрения обыденных понятий, были форсированными; обыкновенный [18] переход он считал в 28 верст, иногда же доводил форсировку до крайнего напряжения, так что многие даже падали на пути от изнеможения (марш в июне 1799 г. от Александрии к Тидоне, 80 верст по жаре в 36 часов). Хотя отсталых он вообще не любил, но, когда важен был выигрыш времени, жертвовал второстепенным (числом людей, силою) в пользу главного (времени). На походе требовался порядок, за которым следил и сам Суворов. Нормальная продолжительность остановки для ночлега — от 10 до 14 часов, но часто случалось и меньше (6 часов); иногда же, при форсировках, ночлеги обращались просто в большие привалы. На привалах и ночлегах не терялось времени на подтягивание, выстраивание и затем на вытягивание колонны, ибо каждый взвод, по приходе на место, ложился отдыхать, не ожидая других: «голова хвоста не ждет». В бою почти всегда предпочитал штык пуле, атаку обороне; последнюю вел активно. Ружейный огонь того времени был вообще слаб и не меток, а в штыковом бою русские, вследствие своих высоких нравственных качеств, имели огромное преимущество; отсюда — «пуля дура, штык молодец». Но это не значит, чтобы Суворов не придавал значения огню. Напротив, в то время, когда всюду обучение стрельбе стояло крайне низко (отпускалось по 3 патрона), он требовал правильного обучения (заготовлялось у него по 30 патронов), скорого заряжания, редкого и меткого огня; виды стрельбы им упрощены. Рассыпной строй применялся охотно, особенно со времени переформирования егерских команд при полках в егерские батальоны, — реформа, также исполненная Суворовым. Что же касается штыка, то Суворову более, чем кому-либо, принадлежит утверждение в русской тактике понятия о решающем значении в бою штыка, как при помощи указаний в наставлениях, так и кровавыми доказательствами на практике. В бою прибегал к самым разнообразным формам строя [19] из устава 1763 года: развернутый — основной (в Италии в 1799 году); против турок — каре (исключая Кинбурна), которые он составлял из самых мелких частей, до рот; колонны, иногда даже для атаки походные; с этими строями часто сочетался рассыпной из егерей или полковых стрелков. Дело в том, что Суворов видел залог успеха не столько в форме построения, сколько в энергии атаки; поэтому он, больше всех других начальников, придерживался элементарных форм устава, но зато в применении их отступал тоже больше всех. Хотя Румянцев уже ввел 2-х-шереножный развернутый строй, но Суворов, не признавая его выгод, придерживался 3-х-шереножного. От всех он требовал решительности и самостоятельного почина в действиях, а потому и преследовал «немогузнайство», как признак нерешительности и отсутствия почина. Следующие, малоизвестные слова Суворова о частном почине весьма замечательны: «Местный в его близости по обстоятельствам лучше судит, нежели отдаленный: он проникает в ежечасные перемены их течения и направляет свои поступки по правилам воинским». «Я вправо, должно влево — меня не слушать. Я велел вперед, ты видишь — не иди вперед»... Из некоторых выражений Суворова («рекогносцировки... не хочу», и так далее) можно вывести заключение, что он был противником рекогносцировок, а также демонстраций; на самом деле, он только ратует против злоупотребления ими, сам же прибегал к ним, когда было нужно. Он знал цену времени и умел пользоваться благоприятной минутой для атаки. «Фортуна, пишет он, имеет голый затылок, а на лбу длинные, висящие волосы. Лёт ее молниен; не схвати за волосы — уже она не возвратится»... Для главной атаки Суворов всегда выбирал важнейший пункт в неприятельском расположении (Треббия — левый фланг, Нови — правый, Адда — центр). Во многих сражениях видно искусное пользование резервом; [20] в эпоху господства линейной тактики это особенно замечательно. Все роды оружия действуют у Суворова превосходно сами по себе и с полным самоотвержением поддерживают друг друга; при этом он был мастером в употреблении каждого рода оружия; употребление же конницы весьма замечательно (Рымник, бои в Польше). Суворов умел в бою эксплуатировать силы своих войск вполне; никто не оказывался праздным; например, под Измаилом спешенные казаки пошли на штурм с укороченными пиками. В каждом сражении он не только воодушевлял войска, но и управлял ими, не выпуская из рук (Рымник, Кинбурн, Треббия). Преследование на поле сражения производил ж конницею, и пехотою. Армиею управлял не только посредством диспозиций, требующих значительного времени для изготовления, но и просто записками от своего имени. Для выигрыша времени, диспозиции составлялись иногда сразу на 2 дня, иногда же отдавались словесно собравшимся у него генералам, что, при небольшом составе армий, не представляло затруднений. Перечислив некоторые частности суворовской тактики, общую ее характеристику лучше всего сделать его же словами, начертанными на перстне, подаренном Милорадовичу: «глазомер, быстрота, натиск, победа». — Незабвенную память оставил по себе Суворов, как великий военный педагог, идеи которого и поныне

еще не применены во всей полноте. Конечно, в его время и другие военачальники прилагали здравые основания к воспитанию солдата, однако никто не поднялся до его результатов, зависевших от гениальности творца школы. Упрочение религиозности, чувства чести, долга, национальной гордости («мы русские, с нами Бог»), преданности престолу..., — вот основы его воспитания. Наглядность в обучении (сквозные атаки, эскалада нарочно построенных рва и вала...), простота, обучение только необходимому (отсутствие при этом «чудес», т. е. всего искусственного, неприменимого [21] на войне) и при обстановке возможно близкой к действительности, человеколюбивое обращение без жестокости (телесные наказания редки), стремление, чтобы «каждый воин понимал свой маневр», правило: «тяжело в учении — легко в походе, легко в учении — тяжело в походе», обучение не многому, но твердо..., — таковы основы его образования солдата. Результаты суворовского воспитания и образования сказались в ряде блестящих побед, какого не имеет никто из русских полководцев; в течение своей военной карьеры Суворов никогда не был побежден, а постоянство побед и военных успехов — свойство таланта. Внимательное рассмотрение военных действий Суворова обнаруживает в нем военный гений, притом весьма характерный, имеющий национальный оттенок и дающий полное право поставить его имя, вместе с именем Петра I, в среду десятка великих полководцев Европы.

Приближается (1899 г.) столетие итальянского и швейцарского похода великого полководца; не следует ли теперь же подумать о постановке достойного памятника Александру Васильевичу Суворову? Думается нам, что вопрос этот относится не к одним военным, но касается всего русского народа, несомненно, желающего почтить своего героя. Правда, в Петербурге, близ Царицына луга, уже существует памятник генералиссимусу, но вид его мало напоминает образ и дела полководца. Памятник воздвигнут Александром I в 1801 году. Фигура отлита из бронзы известным в свое время художником Козловским, который изобразил русского фельдмаршала римским воином, прикрывающим своим щитом и мечом жертвенник, на котором находятся пьемонтская и сардинская короны и папская тиара. На пьедестале, в виде круглого гранитного столба (базис имеет 2 сажени в поперечнике) надпись на бронзовой доске: «Князь Итальянской, Граф Суворов-Рымникский, 1801 год». Но что может сказать [22] русскому человеку своим видом этот римский воин? Разве отразилась в нем гордость русского народа той славой, которую он покрыл русское оружие, русское имя? Этот римский воин молчит о Рымнике, об Измаиле, Праге, молчит о «русском» гении полководца и не соответствует сложившемуся у каждого ясного представлению о личности «чудо-богатыря». Фигура Суворова на памятнике Екатерины II, близ Александринского театра, в Петербурге, весьма похожа на свой оригинал, но в соседстве с изображением Императрицы имеет второстепенное значение» Кроме того, народный русский герой принадлежит всему русскому государству, а потому изображение Александра Васильевича Суворова должно быть в сердце России, в Москве.

Примечания

¹ См. Н. А. Орлов, «Штурм Измаила Суворовым в 1790 г.». Ц. 1 р. 50 к.

² См. Н. А. Орлов, «Штурм Праги Суворовым в 1794 году». Ц. 1 р. 50 к.

³ См. Н. А. Орлов, «Суворов. Разбор военных действий Суворова в Италии в 1799 году». Ц. 3 р.

⁴ Это не следует понимать в узком смысле, то есть, что Суворов считал необходимым наступать наперекор обстановке.

Итальянский поход Суворова в 1799 году.

(По запискам Грязева)

I. Завоевание Ломбардии.

[23] В 1799 году коалиция из Англии, Австрии, Неаполя, России и Турции вела войну против Франции. Каждый из членов коалиции имел свои материальные, осязательные интересы: Турция и Неаполь отстаивали свои владения (Бонапарт напал на Египет, а в Неаполе французы провозгласили Парфенопейскую республику, причем король неаполитанский бежал на остров Сицилию), Австрия хотела сохранить от захватов французов имевшиеся земли и приобрести новые, Англия хлопотала о своем морском могуществе (ослабление Франции, уничтожение ее флота, а также голландского — на первом плане); одна Россия не имела подобных интересов и бескорыстно формулировала, в договоре с Англией, следующими словами общую цель союза: «действительнейшими мерами положить предел успехам французского оружия и распространению правил анархических; принудить Францию войти в прежние границы и тем восстановить в Европе прочный мир и политическое равновесие»

Уже в июле 1798 года Император Павел приказал приготовиться 20-ти месячному отряду русских войск к походу на помощь Австрии. Отряд этот должен был собраться на границе России и Австрии у г. Бреста Литовского под начальством генерала-от-инфантерии Андрея Григорьевича Розенберга, старого заслуженного воина. В состав войск Розенберга [24] входил и гренадерский Московский полк, в котором служил капитан Грязев, оставивший замечательные записки о походе Суворова в 1799 году. Записки эти представляют важный исторический документ и, вместе с тем, ценны для восстановления некоторых характерных бытовых черт русской армии того времени; мемуары Грязева мы полагаем в основание наших очерков.

Помощь со стороны России не ограничивалась только корпусом Розенберга, — впоследствии на западной русской границе сосредоточивались и направлялись против французов и еще весьма значительные силы (более 100 тысяч).

В начале сентября войска Розенберга расположились на квартирах в окрестностях Бреста и были готовы к заграничному походу, но выступление надолго замедлилось по вине самих австрийцев, которые, с одной стороны, неоднократно просили Императора Павла ускорить движение вспомогательного корпуса, а с другой — возбудили бесконечные пререкания относительно довольствия русских войск. Дело в том, что Австрия приняла это довольствие на себя и обязалась отпускать русским частям войск провиант и фураж наравне с австрийскими; но затем при переговорах о подробностях австрийский комиссар, полковник Сен-Венсан, заявил Розенбергу, что австрийскому солдату полагается в натуре только два фунта печеного хлеба и в добавок, во время заграничного похода, 5 крейцеров в день и особые деньги на мясо; а так как австрийское правительство обязалось выдавать русским продовольствие исключительно натурою, то и предполагается давать только по два фунта хлеба без всяких добавок. Розенберг возражал, что русский солдат и по мирному положению получает три фунта хлеба в день и по полтора гарнца круп в месяц и, следовательно, не имеет физической возможности довольствоваться в походе только двумя фунтами хлеба. Сен-Венсан упорно стоял на своем, [25] а Розенберг объявил, что не перейдет границу, пока его справедливые требования не будут удовлетворены, о чем и донес Императору Павлу, который не только одобрил поведение Розенберга, но даже приказал особой нотой представить Венскому двору всю неуместность подобных мелочных расчетов, в виду бескорыстного усердия России для общего блага. Только тогда дело было улажено, однако на переписку пошло шесть недель.

Во время стоянки под Брестом полкам сделал смотр известный барон Аракчеев и нашел все в отличном порядке. Тогда же получено повеление, чтобы всем полкам именоваться по фамилиям своих шефов, а ротам по фамилии своих командиров, почему, например, гренадерский Московский полк начал называться полком Розенберга, так как последний был шефом Московского полка. Конечно, такая реформа вела ко многим неудобствам: между шефами встречались однофамильцы; шефы часто менялись, менялось и название полка; а главное — были уничтожены имена, с которыми тесно связывалась слава полка: название «гренадерский Жеребцова полк» ничего не напоминает, а между тем это известный своими подвигами Фанагорийский гренадерский полк.

С 13 по 20 октября русские войска перешли по мосту в Бресте пограничную реку Западный Буг и вступили в пределы Австрии. Чрезвычайно любопытно выражает Грязев чувства, волновавшие при этом русских, не имевших в предстоявшем походе народного интереса и вряд ли отчетливо представлявших себе,

за что именно идут они сражаться. «Прощай, милая родина, в тебе оставил я все, что есть в мире для меня драгоценнейшего. Дела бранные ведут в земли чуждые, далекие». «Мы все одно чувствовали, — добавляет Грязев, — и все поклялись отомстить врагу общего спокойствия».

В начале марш по австрийским владениям совершался легко и с большими удобствами: войска разделились на небольшие [26] эшелоны, переходы были не велики: 2 — 3 и редко 4 мили, дневки назначались после трех и после двух пере ходов, продовольствие и подводы доставлялись с немецкой аккуратностью, жители встречали войска весьма радушно, устраивали угощение и вечеринки, но когда в половине ноября прошли Краков, наступила зима, ранняя, суровая и бесснежная, дороги сделались скользкими, артиллерия и обозы ломались, а хорошо починить их на коротких дневках не успевали, то Розенберг послал в Вену просьбу об остановке на несколько дней для отдыха. Император Франц рескриптом разрешил остановиться на две недели (в де кабре 1798 г.) в окрестностях Брюна и даже сам приехал сюда произвести смотр своим союзникам. Смотр (17 и 18 декабря) вышел удачный. Затем император потребовал к себе по солдату от каждого рода войск: гренадера, мушкетера, егеря, артиллериста и казака. С особенным вниманием осматривал он их одежду и вооружение, расспрашивал о цене каждой вещи и сроке службы и нашел, что русские войска были одеты удобнее и теплее, чем австрийские. Быть может, сравнительно с австрийскими войсками это было и так, но вообще одежда и снаряжение войск того времени были не особенно практичны. Во времена Екатерины II, обмундирование, введенное по почину Потемкина, было просто, удобно, соображено с русскими национальными особенностями и нравилось войскам. По мнению Потемкина, «туалет солдата должен быть таков, что встал, то и готов». Он состоял из легкой каски или картуза, кафтана, на подобие куртки, и суконных шаровар; летом надевали короткие кители с шароварами из фламского белого полотна, а у егерей — серого; сверху носился плащ; волосы острижены в кружок. Однако, с воцарением Императора Павла введен был прусский образец. Грязев описывает новое обмундирование так: «из темнозеленого толстого мундира с лацканами, [27] отложным воротником и разрезными обшлагами кирпичного цвета и белыми пуговицами; длинного камзола и короткого нижнего платья самого желтого цвета; головы наши спереди остригли под гребенку, облили вонючим салом; к вискам привесили огромные пукли, аршинную косу прикрутили вплоть к затылку и осыпали мукою; шляпу дали с широким городом серебряным галуном, такую же большою петлицею и с черным бантом; но эта шляпа была чудесной формы и едва прикрывала наши головы; фланелевый черный галстук, в два пальца шириною, перетягивал наши шеи до невозможности; ноги наши обули в курносые смазные башмаки и стянули за коленами черными суконными штиблетами с красными вдоль всей ноги пуговицами». В походе надевали плащ. Все снаряжение войск было тяжело и обременительно. И в мирное время оказывались важные неудобства: паразиты¹, заведение особых парикмахеров; на походе же оно доставляло солдату истинное мучение; и башмаки, и штиблеты («гнию ногам», по выражению Суворова) весьма скоро пришли в негодность. Унтер-офицерам вместо ружей даны алебарды, длиною в четыре аршина², т. е. уменьшено число стрелков человек на 100 в полку.

Австрийский император Франц на все изъяслял свое удовольствие, пригласил начальников (до полковых командиров) к себе на бал, одарил перстнями, табакерками и другими подарками, «не слишком однако же драгоценными, т. е. не императорскими, а нижним чином пожаловал по одному гультену — шестьдесят коп. на человека»³. [28]

На русских солдат император Франц произвел неблагоприятное впечатление, они говорили: «ну, братцы, он хуже бабы, какой-то слюняй».

19 декабря Франц отбыл в Вену, а на другой день назначено выступление в дальнейший поход. Напрасно Розенберг просил повременить хоть до 8 января, чтобы основательно исправить материальную часть, — австрийские власти требовали немедленного движения.

Правду сказать, продолжительные квартиры на одном месте имеют вредную сторону: солдат обленяется, сильно обживается, так сказать, пускает корни; например, капитан Грязев чуть было не женился на одной барышне в Брюне.

Корпус Розенберга двинулся к Дунаю и достиг его в первых числах января 1799 года, когда получил внезапное приказание остановиться на широких квартирах в окрестностях городов Кремс и С. Пельтен. Здесь войска простояли два месяца, вследствие невозможности, как выставлял всемогущий австрийский министр барон Тугут, идти в Италию зимой через Альпийские горы; в сущности же вследствие колебаний австрийской политики, которая как бы хотела только запугать Францию войной и достигнуть своих целей при помощи одних угроз.

В течение января и февраля войска приводили в порядок материальную часть, «которая от непрерывных маршей начинала уже терять свою благопристойную наружность». Офицеры развлекались, как могли. Характерна простота нравов в походной жизни офицеров того времени, привычки чисто помещичьи: Грязев имел с собой для услуг не денщика из солдат, а своего крепостного человека, свору борзых собак для охоты, многие офицеры взяли с собой своих жен, вообще обоз был весьма велик. Так как Грязев не имел билета на право охоты, то часто получал «напоминание о сих законах через их приставников», «но, [29] наконец, я нашел средство уклоняться от их докучливости, и средство сие было самое вернейшее, ибо оно не только простых егерей, но и вельмож и самые весы правосудия наклоняет в

противоположную сторону, — и я беспрепятственно продолжал охотиться».

Наконец, 4 марта корпус Розенберга двинулся в северную Италию по маршруту (присланному из Вены) через Брук, Юденбург, Виллах и Верону.

На пути, в Виллахе, 28 марта русские войска догнал вновь назначенный главнокомандующий союзными австрийскими и русскими силами в Италии фельдмаршал граф Александр Васильевич Суворов-Рымникский. Каким же образом состоялось его назначение? Как решилась Австрия вверить свое дело и свои войска в руки иностранца, да еще русского?

Когда Император Павел I согласился на посылку в Италию русских корпусов, то для Австрии возник вопрос о назначении главнокомандующего союзных сил. Талантливый эрцгерцог Карл уже получил назначение на дунайский театр; избрали эрцгерцога Иосифа; но этот юноша никогда не бывал на войне, а потому сочли нужным дать ему помощником и руководителем генерала. Старшие австрийские генералы или приобрели известность своими неудачами или оказывались неугодными всемогущему австрийскому министру Тугуту, опасавшемуся с их стороны козней. Тогда император Франц обратился с письмом к Павлу I, прося о назначении «знаменитого подвигами» Суворова. Он уже был известен в Австрии, как победитель турок в 1789 году под Фокшанами и Рымником, когда действовал совместно с австрийскими войсками; за победу под Рымником он награжден Иосифом II титулом графа Священной Римской империи; Императрица Екатерина II тоже предназначала его командовать вспомогательным корпусом; кроме того, есть известия, что Англия, снабжавшая коалицию деньгами, и влиятельный [30] ее член, желая обеспечить, по возможности, успешный исход войны, настояла, по указанию русского посла в Лондоне, графа С. Р. Воронцова, на вызове Суворова; мало того, вероятно, по ее же требованию эрцгерцога Иосифа вовсе устранили и Суворова назначили прямо главнокомандующим.

Император Павел призвал Суворова из ссылки в его селе Кончанском, определил вновь на службу, обласкал и простер доверие до того, что сказал: «веди войну по-своему, как умеешь», — это было верхом снисходительности, потому что Павел I любил сам вникать во все подробности ж никому не позволяя отступать от существующих положений, даже в какой-нибудь мелочи.

Из всех генералов того времени (разумеется, исключая Бонапарта), граф Суворов-Рымникский был наиболее подходящим к должности главнокомандующего. Если современники не могли вполне сознательно оценить великий талант Суворова, как полководца, то, во всяком случае, гром его побед разносился по всей Европе, все верили в его счастье: прошло уже 40 лет, как он выступить на боевое поприще, воевал много, но ни разу не был побежден. Отважный партизан в 1760 — 1761 годах, во время семилетней войны, победитель поляков под Столовичами в 1771 году, победитель турок при Козлуджи в 1774 году, под Кинбурном в 1787 году, при Фокшанах и Рымнике в 1789 году, Суворов прославился изумительным подвигом взятия кровопролитным штурмом турецкой крепости Измаила в 1790 году, победами над поляками в 1794 году и умиротворением Польши после ужасного штурма Праги. Причуды Суворова простота в обращении, близость к солдату и глубокое понимание его делали 70-летнего тщедушного старика идиолом войск, имевшим на них магическое влияние. В то время он уже сделался легендарным народным героем. Правда, герой Рымникский был стар, но он имел пылкую душу [31] юноши и представлял в этом отношении удивительно счастливую комбинацию опыта старости ж порыва молодости.

Уже давно Суворов лелеял мечту о предводительстве русскими в войне с французами. Мечта его исполнилась даже в больших размерах, нежели он предполагал. Понятно, с какой радостью принял он повеление (13 февраля 1799 года) Императора Павла и выехал в Вену, куда и прибыл 14 марта. Император Франц принял Суворова весьма благосклонно, а население Вены — даже с восторгом. Дабы австрийские войска подчинялись иностранному генералу, Суворов возведен в звание фельдмаршала австрийской службы с назначением и соответствующего жалованья. Подобный шаг австрийского министерства был весьма важен, — он давал полководцу большую власть, т.е. удовлетворял принципу Суворова: «полная мочь главнокомандующему»; это являлось как бы подтверждением неоднократно сказанного Францем и Тугутом, что Суворову дана будет полная свобода действий.

На самом деле вышло иначе. Уже несколько раз посылали к русскому генералу членов гофкрисрата⁴ спросить [32] о предполагаемом плане кампании, но он каждый раз избегал ответа, говоря, что решит план на месте. Однажды пришли 4 члена гофкрисрата и подали Суворову письменный план наступательных действий до реки Адды, прося сделать в нем какие угодно исправления и дополнения. Фельдмаршал зачеркнул всю записку и написал: «я начну действия переходом через Адду, а кончу кампанию, где Богу угодно будет». При прощальной аудиенции Франц все-таки вручил Суворову инструкцию для предстоявших действий, где между прочим было сказано, что хозяйственная часть армии вверяется генералу-от-кавалерии барону Меласу, дабы внимание Суворова не было отвлекаемо от главных соображений. Это отделение хозяйственной части из непосредственной власти главнокомандующего впоследствии отразилось губительно на ходе всей войны; полководец должен быть полновластен, он ни с кем не должен делиться, хотя бы частицею своей власти.

Мог ли Суворов не взять от Франца инструкции, отказаться от нее? Вряд ли.

Отношения между императорами в то время еще не обострились; в инструкции не было ничего, резко бьющего в глаза; Император Павел в то время не понял бы всего значения этой инструкции и,

вероятно, признал бы за Францем право ее дать, а Суворова счел бы ослушником, строптивым человеком, проявляющим свои чудачества чрез меру, и тогда трудно даже себе представить исход столкновения, — можно было ожидать всего. Если Суворов мог давать отпор [33] членам гофкригсрата, то он весьма был затруднен борьбою с самим императором Францем, в особенности на первых порах, когда получал только милости и обещания полной самостоятельности. Представим даже, что в этом столкновении верх остался бы за Суворовым, то разве австрийцы, для достижения своих целей, не употребили бы впоследствии тысячи способов, чтоб стеснить Суворова?

24-го марта фельдмаршал выехал из Вены на театр военных действий, и с этого дня начались форсированные марши русских войск. Насколько велика была форсировка движения русских, показывает следующее. Норма движения пехоты считается 20-25 верст в день и 100 верст в неделю, так как обыкновенно полагается в неделю давать две дневки. Между тем одним из эшелонов I-й колонны генерал-лейтенанта Повало-Швейковского расстояние от Леобена до Виллаха — 150 верст пройдено в 7 дней без дневок, причем опередили данный в Вене маршрут на 3 дня; в Виллахе тоже не было дневки, которая дана в Конельяно; пройдено в 4 дня 175 верст; затем до Виченцы в 2 дня пройдено 90 верст. После дневки, войска этого эшелона в 3 дня прошли 100 верст до Монтекиари; последний переход делали 8 апреля при наступлении вместе с австрийцами⁵. [34]

Всего сделано около 500 верст в 18 дней, из них две дневки; в среднем на переход более 30 верст, но бывали переходы до 60 верст, по каменистым дорогам в горах и по топким — в низменности.

Форсировка досталась не легко; на некоторых переходах ночлега достигали из полка человек сто, остальные растягивались по всей дороге: вновь введенные курносые башмаки развалились, люди шли босиком; в пище оказался недостаток, ибо австрийские комиссары не успевали готовить провиант для русских войск, совершавших такой непостижимый для наших союзников марш; здесь нашло полное подтверждение изречение Суворова: «голова хвоста не ждет, и солдат не обедается». Изнемогавших от усталости людей, — а таковых было множество, — везли на больших дрогах, запряженных волами. Большие переходы действовали на войска не столь губительно, как недостаток дневок; но лишь только удавалось сделать дневку, как люди чинили обувь, раздобывали новую (в городах Виченце и Вероне), отдыхали и могли снова продолжать свой быстрый марш.

В Италии встретили русских с распростертыми объятиями, как своих освободителей от французского ига. В [35] городах жители устраивали войскам изобильное и роскошное угощение, а дорога от Виченцы до Вероны казалась непрерывным садом, изобилующим виноградниками и плодовыми деревьями.

7-го апреля вся колонна генерал-лейтенанта Повало-Швейковского (11 тысяч) соединилась у деревень Вилла-Франка и Валеджио на реке Минчио, близ которой располагалась и австрийская армия (55 тысяч) под начальством Меласа.

Между тем военные действия в северной Италии уже открылись: 26-го марта французы атаковали австрийцев при деревне Маньяно, но неудачно, так что после кровопролитного, но нерешительного сражения отступили за реку Минчио, чем как бы и признали себя побежденными. Австрийцы не воспользовались своим положением, не преследовали французов, и только 3-го апреля нерешительный и неспособный 70-ти-летний старик Мелас перевел свои войска через реку Минчио. В это время французы, оставив гарнизоны в крепостях Мантуе и Пескиере (на реке Минчио), отступили на запад за оборонительную линию реки Адды, вытекающей из озера Комо и впадающей в реку По.

На рассвете 8-го апреля союзная армия (52 тысячи) начала наступление против французов, оставив 14х/2 тысяч для наблюдения за Мантуей и Пескиерой. Так как Суворов прибыл к австрийской армии еще 4-го апреля, а начал наступление только 8-го, то некоторые историки упрекают его за потерю трех дней, за напрасное поджидание русских войск, тогда как он мог преследовать неприятеля и с одними австрийцами. Если бы речь шла в преследовании только что разбитого противника, то можно с уверенностью сказать, что фельдмаршал не потерял бы ли одного часа; но, ведь, сомнительная победа над французами была одержана еще 25-го марта, они отступили спокойно, и теперь предстояло не преследование, а наступление, начало кампании под начальством [36] нового главнокомандующего, который, понимая важное значение первых впечатлений, конечно, должен был постараться обеспечить успех первых столкновений. Для этого Суворов с нетерпением ожидает прибытия русских войск, торопит их следование и сосредоточивает половину корпуса Розенберга — колонну Повало-Швейковского.

10-го апреля войска Суворова подошли к крепости Брешиа (40 тысяч жителей), занятой французским гарнизоном (1.100 человек); предстояло первое дело под начальством русского главнокомандующего. Фельдмаршал приказал штурмовать крепость, а не заключать с комендантом почетной капитуляции; «иначе, — говорил Суворов, — неприятель будет держаться в каждом блокгаузе, и мы будем терять и время, и людей».

Суворов оказался прав: после безвредной перестрелки, комендант, устрешенный приготовлениями к штурму, согласился на посланное ему твердое предложение о безусловной сдаче; взято 46 орудий, потерь убитыми и ранеными не было. Взятие Брешии произвело сильное нравственное впечатление на войска:

«войско требовало, чтоб его вели к новым победам». Суворов доносил, что войска действовали «под жестокими пушечными выстрелами» и. что неприятель сдался «по упорном сопротивлении». Эти невинные натяжки в донесении легко объясняются желанием Суворова произвести благоприятное впечатление на союзные правительства (так и было), что, без сомнения, повело бы к успеху общего дела, но оне, между прочим, дают характеристику многим реляциям.

Хорошо зная человеческую душу, Суворов пользовался с выгодой подобными приемами; например, он особенно выхвалял австрийцев за взятие Брешии, хотя участие в деле было одинаковое и со стороны русских, но похвала Суворова нужна была для хороших отношений с союзниками, ибо, как показывает история, они постоянно нарушаются, рождается зависть, а дело страдает. [37]

13-го апреля 1 ½ полка казаков с налета овладели укрепленным городом Бергамо и его цитаделью, взяли 130 человек французов в плен, 19 орудий, знамя, много ружей и других запасов.

Между прочим, «найдя и здесь большой запас французских белых сухарей, разделили оный для употребления в пищу».

14-го апреля Суворов подошел к реке Адде и заметил, что французы не намерены оставить ее без сопротивления. Наконец, Суворов дождался сражения.

У французов было 28 тысяч, растянутых отдельными отрядами на 100 верст вдоль всего течения реки Адды, от ее истоков из озера Комо, у города Лекко, до устья. Суворов имел 48,500 человек и решился прорвать тонкую линию французов при содействии предварительной фланговой атаки отрядом генерал-майора князя Багратиона через город Лекко. В записках Грязева описан бой у Лекко, но отнесен к 14-му апреля, тогда как официально считается 15-го; следует заметить однако, что историки войны 1799 года (французский — Жомини, немецкий — Клаузевиц и русский историк — очевидец Фукс) также упоминают о каком-то деле у Лекко 14-ю апреля. Во всяком случае, бой у Лекко был упорен, — не даром Суворов в письме к графу Толстому говорит: «на Лако-ди-Комо чуть было мою печенку не проглотили». Самое сражение на реке Адде с переправой через нее произошло 16-го апреля и закончилось полной победой Суворова над французами; а 17-го целая французская бригада генерала Серрюрье, вследствие совершенно нелепых действий последнего, взята в плен. Всего у французов убито и ранено более 2 ½ тысяч, взято в плен до 5 тысяч и 27 орудий; союзники потеряли до 2 тысяч человек.

Результатом победы на реке Адде было занятие союзниками Милана, столицы Цизальпинской республики, которую французы [38] учредили из Ломбардии, Модены и римских легаций. Отступившие французы оставили в Милане небольшой гарнизон. Вечером 17-го апреля майор Молчанов с полком казаков ворвался в город и завладел им; гарнизон укрылся в цитадель.

18-го апреля вступление Суворова в город было торжественным въездом. В это число пришлось Светлое Христово Воскресенье; весенний итальянский день был совершенно ясен; на улицах города толпы народа. Все радовались, дворянство и духовенство надеялись на восстановление своих прав, погранных революцией, на возвращение имуществ и почестей; торговцы и ремесленники рассчитывали избавиться от тягостных налогов и насильственных займов; сельское население жаждало успокоения. Суворова встречали криками: «eviva nostro liberatore».

Русские войска поразили итальянцев: вместо диких варваров, пришедших из ледовитых стран, они увидели весьма обходительных людей, отличавшихся особенным благочестием и набожностью; казаки крестились, проходя мимо каждой церкви, обменивались между собой троекратными поцелуями (христосовались), которыми награждали даже встречных изумленных итальянцев. Суворов ласково обошелся с пленными, пригласил их генералов к обеду и возвратил Серрюрье шпагу, сказав: «кто так владеет шпагою, как вы, тот не может быть лишен ее». Серрюрье, не поняв тонкой иронии, был очень доволен и расхрабрился так, что сделал Суворову замечание, будто его нападение было слишком смелое. «Что делать, отвечал русский полководец; мы, русские, без правил и без тактики: я еще из лучших». Однако, прощаясь с Серрюрье, выразил надежду увидеться с ним в Париже.

Впечатление, произведенное занятием Милана и уничтожением Цизальпинской республики, было сильное: во всей северной Италии народ заволновался. начали вспыхивать восстания против французов. [39]

Уничтожив Цизальпинскую республику, Суворов учредил временное правление впредь до распоряжений Венского двора, владевшего большею частью Ломбардии до Кампоформийского мира. Мелас, которому главнокомандующий поручил административные заботы, учредил, к великому неудовольствию итальянцев, в Милане австрийские полицейские порядки, обезоружил национальную гвардию, запретил ношение цизальпинского военного мундира, ввел опять в обращение билеты венского банка и проч.

Итак, 8-го апреля Суворов начал наступление, в 9 дней прошел более 100 верст, переправился через 5 рек (Киеза, Мелла, Олио, Серио и Адда) и дал сражение, в котором одержал победу и нанес противнику чувствительный урон, а на 10-й день занял столицу Цизальпинской республики и низвергнул ее. В 10 дней была завоевана Ломбардия.

«Кажется, — добавляет Грязев, — идет быстро и хорошо, т. е. не по-немецки, а по-русски или,

лучше сказать, по-Суворовски».

II. Занятие Пиемонта и сражение на Треббии.

Проиграв сражение на реке Адде, французы, под начальством искусного генерала Моро, отступили на весьма выгодную позицию за рекой Танаро, при чем фланги этой позиции упирались в крепости Валенца и Алессандрия. В это время в лагерь союзников пришли известия, что из южной Италии идет на помощь Моро армия генерала Макдональда, Суворов, считая этого противника более опасным, оставил преследование разбитого Моро и, присоединив вновь подошедшую из России дивизию Ферстера (8 тысяч), двинулся навстречу «неаполитанской» армии Макдональда, при чем совершил чрезвычайно искусный и хорошо рассчитанный фланговый марш к г. Павии. Грязев очень благоприятно отзываясь о состоянии [40] города в то время и упоминает, что в нем есть «обширный и великолепный театр, на коем играли оперу «Арлекин», за вход в партер платили по 15 коп.».

Узнав, что армия Макдональда еще далеко, Суворов расположился на обоих берегах реки По, впереди Павии, так, что наблюдал непосредственно за армией Моро и препятствовал сообщениям его с армией «неаполитанской». В это время, 26-го апреля, в главную квартиру Суворова прибыл великий князь Константин Павлович. Император Павел посылал своего сына в Италию как для того, чтобы придать более важности самой кампании, так и для того, чтобы удовлетворить собственное желание великого князя. Ему не было дано никакого определенного назначения, а дозволено только состоять в качестве волонтера при Суворове.

Присутствие при армии влиятельных особ, не имеющих определенного командования, стесняет полководца и обыкновенно вредит операциям; то одушевление, тот подъем нравственных сил войск, который они приносят с собою, далеко не искупает указанной невыгоды. Только главнокомандующий с большим характером и авторитетом сумеет обойтись в этих случаях.

Суворов, всегда с благоговением относившийся к лицам императорского дома, встретил со всеми знаками почтения «сына природного своего Государя» и сказал: «опасности, которым Ваше Высочество можете быть подвержены, заставляют меня думать, что я не переживу Вас, если сі. Вами случится какое-нибудь несчастье». Он высказал, между прочим, опасение, что если великий князь будет взят в плен, то Россия, для избавления его, должна будет подписать тяжелый для нее мир с Франциею.

В тот же день, 26-го апреля, получены сведения, будто французские войска, оставив Валенцу, отступают за Апеннины. Положившись на это известие, фельдмаршал приказал [41] Розенбергу послать 27-го апреля авангард генерал-майора Чубарова (3,000 человек), которому переправиться через реку По и занять крепость.

Великий князь, сгорая нетерпением видеть военные действия, отправился в отряд Розенберга.

Генерал-майор Чубаров избрал для переправы место близ деревни Борго-Франко, верстах в 7-ми ниже Валенцы. Здесь река По разделяется на рукава, образующие низменный островок Мугароне; правый рукав узкий, мелкий и проходимый в брод; на островок же надобно было переправляться на пароме. Все лодки и паромы захватил неприятель, а река была в разливе и с шумом катила свои пенные волны. Чубарову удалось, в ночь на 30-е апреля, приискать довольно большой паром и сделать приготовления к переправе. На противоположном берегу обнаружены неприятельские передовые посты, которые однако не выказывали стремления помешать переправе. Во всяком случае, это доказывало, что неприятель не оставил Валенцы. В то же время и в главной квартире Суворова получены верные известия о том, что неприятель не отступил в Апеннины. Вследствие этого, Суворов 30-го апреля посылает из Тортоны Розенбергу приказания, одно за другим, вернуться назад на присоединение к главным силам. Но Розенберг, видя, что неприятель не препятствует переправе Чубарова, соблазнился и со своим отрядом на переправу у Мугароне, чтобы потом завладеть Валенцой. Утром 1-го мая уже весь авангард Чубарова был на острове Мугароне, оставалось переправиться в брод на правый берег По, но Розенберг выжидал, когда соберется побольше войск; переправа главных сил его корпуса шла медленно, хотя паром, ходивший по канату, поднимал сразу целую роту. Великий князь сказал генералу Розенбергу: «Нечего мешкать, ваше превосходительство, прикажите людям идти вперед». Генерал отвечал его высочеству: [42] «Мы еще слишком слабы; не дожидаться ли нам подкрепления»? Великий князь возразил: «Я вижу, ваше превосходительство, что вы привыкли служить в Крыму; там было покойнее, и неприятеля в глаза не видали». Генерал Розенберг отвечал: «Я докажу, что я не трус», вынул шпагу, закричал солдатам: «за мной», и сам первый пошел в брод.

Моро сосредоточил большую часть своих сил и обрушился на Розенберга.

«Между тем, — рассказывает Грязев, — будучи теснимы со всех сторон более и более

неприятельской многочисленностью, мы начинали ослабевать и силами, и духом и, наконец, совершенно расстроились, смешались и в беспорядке, мало сказать, что ретировались, но бежали, и через то только уклонились от совершенного поражения, что брали всегда перед у слабой неприятельской конницы; со всем тем в ретираде своей мы много потеряли людей и два орудия главной артиллерии с снарядами оставили на месте; ибо тогда никакая власть, никакая сила не могла наши батальоны ни устроить, ни удержать от постыдного бегства. Я не могу без ужаса вспомнить о сем горестном для нас происшествии, которого я, по несчастию, сам был очевидным свидетелем. Майор Филисов и я, надеясь на доверенность и преданность к нам нижних чинов, неоднократно покушались остановить их бегство собою, то возбуждая их честолюбие, то укоряя их в нарушении своего долга, или угрожая смертью, или же упрашивая, но все было тщетно: беспорядок с каждою минутою увеличивался. Мало того, что неприятель действовал на нас из своих орудий картечами и вырывал из толпы бегущих по несколько человек, но, когда мы в таком положении проходили через деревню Бурго-Франко (это ошибка — по смыслу следует Бассиньяна, так говорится об этом и в журнале Комаровского), то жители оной, сии вероломные [43] итальянцы, стреляли по нас из своих домов и причинили нам немаловажный вред». Уже в темноте войска перешли на остров Мугароне и перевезли артиллерию под прикрытием батальона мушкетерского генерал-майора Барановского полка, под начальством майора Мейбаума.

Переправа с острова на левый берег была сопряжена с затруднениями и замедлениями. Итальянцы перевозчики обрезали канат, по которому ходил паром; его унесло бурным течением реки, и пропало довольно много времени, пока казаки его поймали и приспособили снова к переправе. Ночью переправляли раненых, а войска держались на острове под огнем неприятельских орудий и отразили все попытки французов перейти через рукав реки.

2-го мая войска Розенберга переправились на левый берег По, при чем казаки переходили вплавь. Потери русских были велики: 7 офицеров убито и до 50 ранено, в том числе генерал-майор Чубаров; потеря нижних чинов до 1,200 человек; два орудия, завязших на горе на пашне, не могли быть вытасканы изнуренными лошадьми и достались французам; потеря последних до 600 человек.

В гневе на Розенберга Суворов велел написать ему приказание (2-го мая), в котором выражено, что граф «удивляется беспрочному вашему сражению» и приказывает «как можно скорее идти к Торре-ди-Гарофолло», «и по прибытии рапортовать». На этом приказании фельдмаршал сделал знаменитую свою собственноручную приписку: «Не теряя ни минуту, немедленно Сие исполнить. или под военный суд»⁶.

Суворов послал донесение Государю, что поведение Константина Павловича противоречит дисциплине; но потом вернул это донесение, разорвал, потребовал великого князя к себе и заперся с ним в кабинете. Через полчаса великий [44] князь вышел расстроенный и красный от слез. По замечанию близких лиц, Константин Павлович бледнел при одном строгом слове своего отца, а одно упоминание о военном суде приводило великого князя в ужас. Теперь, когда Суворов заговорил с ним неблагосклонным тоном, великий князь начал оказывать ему особенное уважение. Константин Павлович понял, что с Суворовым нельзя говорить, как с Розенбергом.

Так как получены были известия, что Макдональд задержан в южной Италии, позиция же Моро с фронта была очень сильна, то Суворов вознамерился обойти ее с левого фланга и направился левым берегом реки По. 15-го мая союзники заняли Турин, столицу Пьемонта, при чем захватили в нем 382 пушки, 15 мортир, 20 тысяч ружей и множество разных запасов. Комендант Турина, энергичный генерал Фиорелла, заперся в цитадели с гарнизоном в 3,400 человек. Моро отступил из своей крепкой позиции за Апеннинские горы к Генуе.

Итак, с открытия кампании протекло всего месяц и одна неделя, а Суворов уже завоевал почти всю Ломбардию, прошел более 400 верст, занял столицу Пьемонта и стоял в каких-нибудь 100 верстах от французской границы.

Началась трудная осада Туринской цитадели: «гарнизон имеет свое продовольствие, как от запасов, так и из города, ибо у него очень много друзей». Интересно свидетельство Грязева об одном факте, показывающем, что при осаде крепостей бдительность обороняющего часто весьма ослабевает, и возможно иногда проникнуть для разведок к самым укреплениям. 27-го мая ночью Грязев «должен был сопровождать двух австрийских инженеров к самому валу цитадели и главному ее бастиону, дабы точнее определить место для устройства последней параллели. Темнота ночи способствовала сему отважному и опасному предприятию, но каждое неосторожное [45] движение могло нас открыть и погубить невосвратно, ибо мы проходили за самую неприятельскую цепь, вокруг цитадели на ночное время расставляемую. Измерив все, что нужно, шагами, мы кончили благополучно сию операцию и возвратились к своему месту».

Между тем Макдональд быстро шел из южной Италии на помощь Моро и 18-го мая достиг Лукки; далее двигаться в Геную по береговой дороге (почти тропинке) было невозможно, а потому французские полководцы составили план соединения по северную сторону Апеннинских гор, близ крепости Тортоны: Макдональд (35 тысяч) должен был спуститься с гор к Болонье и наступать вдоль правого берега По чрез Пьяченцу к Тортоне, куда Моро (14 тысяч) выйдет прямым путем на север. Для одновременности действий условились, что Макдональд, которому предстоял длинный кружной путь, начнет движения 20-го мая, а Моро только 6-го июня. 1-го июня Макдональд, спустившись с гор, разбил австрийский отряд

Гогенцоллерна у Модены и захватил до 1,600 пленных, 3 знамени и 8 орудий. Удар этот привел в большое смущение австрийских генералов: им казалось положение Суворова критическим, что неприятель мог разбить по частям разбросанные силы союзников и даже стать на пути отступления главной армии; казалось, Суворов неминуемо должен был уступить разом все свои завоевания. Но именно все это «казалось»... В глазах Суворова наступление французов сулило ему новые лавры. Предвидя это наступление, Суворов в 6 часов утра 30-го мая выступил из-под Турина и, сделав в 2½ суток 90 верст, достиг в 2 часа дня 1-го июня города Алессандрии, где и остановился в ожидании окончательного разъяснения обстановки. Известие о бое при Модене открыло глаза, и фельдмаршал полетел навстречу более опасному врагу Макдональду. В письме австрийскому генералу Кайму, оставленному [46] для продолжения осады Туринской цитадели, говорится: «Любезный генерал! Иду к Пьяченце разбить Макдональда. Поспешите осадными работами против Туринской цитадели, чтобы я не прежде вас пропел: *Te Deum*». 4-го июня в 10 часов вечера, 24 тысячи союзников двинулись от Алессандрии для совершения беспрецедентного в истории форсированного марша. «Нам неизвестен был план нашего великого полководца, но войско горело желанием сразиться, в полной уверенности на победу». Скоро дело разъяснилось для всего отряда, особенно, когда Суворов 5-го июня отдал следующий приказ по армии:

«Неприятельскую армию взять в полон.

«Влиять твердо в армию, что их 27,000, из коих только 7,000 французов, а прочие всякий сброд реквизионеров.

«Казаки колоть будут, но жестоко бы слушали, когда французы кричать будут *пардон*, или бить *шамад*».

«Казакам самим в атаке кричать *балезарм*, *пардон*, *жетелезарм* и сим, пользуясь, кавалерию жестоко рубить, а на батарее быстро пускаться, что особливо внушить.

«Казакам, коим удобно испортить на реке Тарро мост, и тем зачать отчаяние, с пленными быть милосерду — при ударах делать большой крик, и крепко бить в барабан; музыке играть, где случится, но особливо в погоне, когда кавалерия будет колоть и рубить, чтобы слышно было своим.

«Их генералов, особливо казаки и прочие, примечают по кучкам около их; кричать *пардон*, а ежели не сдаются, убивать».

Суворов.

Против Макдональда находился отряд австрийского генерала Отта (5 тысяч), который и был сильно потеснен за крепость Пьяченцу 5-го июня. Получив об этом известие, Суворов немедленно двинул ему на поддержку 3,500 человек австрийцев, под начальством Меласа, а сам, дав [47] отдохнуть остальным войскам несколько часов, выступил вслед за ним еще до рассвета. Мелас пришел вовремя, ибо французы утром 6-го июня продолжали теснить Отта на реке Тидоне. Усталые солдаты Меласа (от Алессандрии до Тидоны, 80 верст, пройдено в 36 часов), не отдыхая, вступили в бой, но поддержали Отта лишь на короткое время; неприятель в огромном превосходстве сил готовился раздавить малочисленного врага.

Между тем войска Суворова не шли, а бежали. Июньское итальянское солнце стояло уже высоко; под палящим зноем люди выбивались из сил, падали от изнеможения, и многие из упавших уже не вставали; страшный след обозначал движение армии, но жертвы были необходимы для выигрыша времени, которое теперь и было до крайности дорого. Не даром Суворов как-то выразился: «деньги дороги, жизнь человеческая еще дороже, а время дороже всего». Колонна сильно растянулась. Иностранные писатели (Клаузевиц) заявляют, что «кажется, тактический порядок перехода не заслуживал похвалы». Странное понятие о тактическом порядке!

Суворов употреблял все меры, чтобы напрячь силы людей: переезжал от головы к хвосту колонны, постоянно повторяя: «вперед, вперед, голова хвоста не ждет»; иногда неожиданно подъезжал к какой-нибудь части, шутил с солдатами, забавлял их разными прибаутками; появление его оживляло людей, колонна подтягивалась.

Как только пришло известие, что неприятель теснит Отта к С.-Джиовани, Суворов взял из авангарда казачьи полки и австрийских драгун и повел их сам к месту боя. Так как он взял с собою и Багратиона, то командование авангардом поручил Константину Павловичу, приказав вести его, как можно скорее; то же приказание неоднократно посылалось и в главные силы к Розенбергу. [48]

Уже несколько часов Отт и Мелас были в горячем бою. Около 3 часов дня французы повели решительную атаку; Домбровский с поляками⁷ появился у деревни Карамелло, грозя отрезать австрийцам путь отступления. В эту критическую минуту в тылу показалось густое облако пыли: то был фельдмаршал с конницею. Он поскакал на холм, окинул оттуда быстрым взглядом все поле сражения и немедленно отдал свои распоряжения.

Не успев перевести дух, казаки Грекова и Поздеева и драгуны Левенера и Карачая несутся вправо против Домбровского; племянник Суворова, генерал-майор князь Горчаков, с казаками Молчанова и Семерникова, бросается влево против правого фланга французов. Они еще в первый раз увидели наших донцов. Австрийские драгуны опрокидывают неприятельскую кавалерию, а казаки облетают левый фланг

Домбровского, с криком и визгом атакуют рассыпанную польскую пехоту и приводят ее в замешательство.

Конечно, этим ударом сравнительно немногочисленной конницы Суворов не мог рассчитывать дать бою решительный поворот, но быстрая конная атака должна была ошеломить противника, задержать его хотя на самое короткое время. так как каждая минута была дорога — приближалась русская пехота авангарда.

Она подошла около 4 часов дня. Это и была критическая минута боя. Фельдмаршал приказал перейти в общее наступление; приказано, не теряя времени на перестрелку, бросаться в штыки.

Багратион подошел к Суворову и вполголоса просил [49] повременить нападением, пока подтянется хотя часть отсталых, потому что в ротах не насчитывается и по 40 человек. . Суворов отвечал ему на ухо: «а у Макдональда нет и по 20; атакуй с Богом. Ура!»

Очевидно, Багратион не уяснил себе важности минуты, благоприятной для перехода в наступление против ошеломленного и уже истощенного боем противника; число не могло здесь играть слишком большой роли. Суворов же прекрасно оценил минуту; не для того же он и делал крайнюю форсировку движения войск и смелый удар конницей, лично им приведенной, чтобы потом ожидать и, быть может, пропустить минуту.

Войска дружно ударили на неприятеля. Пехота, взяв ружья на руку, двинулась с барабанным боем, музыкою ж песнями. Суворов разъезжал по фронту и повторял: «вперед, вперед, коли, рубли!» Неприятель держался упорно, пользуясь пересеченною местностью: поражал наступающего огнем, атаки встречал штыками, высылал кавалерию; но все напрасно, войска Суворова безостановочно подвигались вперед. Темнота, пересеченная местность и утомление кавалерии союзников спасли французов от преследования.

В 9 часов вечера бой прекращен окончательно.

Потеря французов — 1,000 человек, из них 400 пленных.

Если принять во внимание, что войска Суворова, после начала похода спустя 36 часов, являются уже на реке Тидоне, в 80 верстах от Александрии, вместо отдыха вступают прямо в бой и одолевают более сильного по числу противника, то будет вполне справедливо причислить действия Суворова к самым редким и замечательным военным подвигам. Моро называл впоследствии марш Суворова к Треббии «верхом военного искусства». «C'est le sublime de l'art militaire». [50]

Однако бой на Тидоне составлял только начало грандиозной борьбы на Треббии. Суворов поздравил войска с победою и уехал в С.-Джиовани, чтобы сделать распоряжения для боя на следующий день.

Составив превосходный план для атаки на 7 июня, Суворов назначил выступление в 7 часов утра, но вследствие страшного утомления войск отложил до 10 часов утра. Главный удар должен был быть нанесен правым флангом союзников, который состоял из русских войск; сюда же Меласу приказано прислать австрийскую дивизию Фрелиха; но узко-эгоистичный австриец не исполнил приказания главнокомандующего, чем и расстроил весь план: французам не было нанесено решительного поражения. Расскажем бой 7 июня словами Грязева: «Около полудня, мы всем своим корпусом, здесь сосредоточенным, двинулись в порядке и устройстве воинственном и, пройдя таким образом небольшое расстояние, встретили неприятеля при реке Тидоне, уже готового нас принять.

«Построясь немедленно в боевой порядок, какого требовало генеральное сражение, повели мы фронтом атаку на левый неприятельский фланг, между тем как на правый их таким же образом действовал наш авангард, вспомоществуемый частью союзного австрийского войска, состоящего наиболее в коннице. Французы встретили нас мужественно; картечи и пули посыпались с обеих сторон градом; но мы, превышая своего неприятеля отважностью, не стали более выдерживать губительного огня, но соединенными силами и устройством ударили на него прямо с места в штыки столь сильно и стремительно, что он, будучи не в состоянии ни выдержать, ни отразить нашего удара, поколебался в своей позиции и отступил. Сие только и было нужно, чтобы главную его твердость привести в движение, а тем самым и расстроить его в духе. Мы воспользовались сей благоприятной минутой и как вихри налетели на врагов своих, врзались [51] в самую их середину, расстроили их душу, поражали как отчаянные и обратили их в совершенное бегство. Они ретировались частями за реку Требию, при котором случае отрезали мы у них целую бригаду, из 2,500 человек состоящую со всеми ее чинами и артиллериею. Сражение продолжалось до самой темноты, которою неприятель воспользовался и отретировался еще далее вправо. Но, дабы отнять у него способы к каковому-либо из своих соединений, откомандированы были того же вечера два батальона гренадер, в том числе находился и я с своею ротою и с ним же почтенный наш шеф, генерал-от-инфантерии Розенберг. Мудрено было отгадать его стремительность к такому подвигу, который мог принадлежать одному штаб-офицеру; но, не раскрывая тайны интриг наших главных начальников, положили, что он не хотел оставить нас, как свой полк, в такой критической операции, и мы, пройдя ночью в брод реку Требию, следовали далее, в таком предположении, что если не совсем в своем намерении успеем, то по крайней мере отрежем у него какую-нибудь часть, или смешаем его в планах своих, в чем и действительно при деревне Сатиме успели. В полночь вступили мы тихо в сие селение, обстоящее от нашего корпуса не менее пяти верст, где и узнали от жителей, что французский арриергард расположен здесь неподалеку в поле.

«Сердца наши затрепетали от радости, что не тщетно наше пожертвование и что оно увенчается достойною наградою. Не зная однакож, в каком числе находился неприятель, мы взяли все нужные меры и решились напасть на него. Темнота ночи скрывала не только наше намерение, но и нас самих; ибо, как арриергард главного корпуса, находился он за ним, как за оградой, и в крайней беспечности расположен был на одной квадратной лужайке. Приблизившись тихо к ним, обзрели мы их при свете слабого огня, едва [52] между ними мелькающего, что они были погружены в глубоком сне, так что не имели вокруг себя ни цепи и одного часового, но все без изъятия, сложив с себя аммуницию и составив ружья в козлы, спали в повалку. Мы обогнули несколько наши фланги и сделали по ним ружейный залп и другой картечами из двух орудий, при нас находившихся, и в то же мгновение бросились на них в средину, окружили и всех подняли на штыки, разве малая их часть спаслась в темноте. Все их оружие, аммуниция, ранцы и прочее соделалось нашею добычею, но мы не воспользовались ею, все переломали и привели в ничтожное положение. Но всего драгоценнее было то, что мы освободили своих пленных разных полков, которые в продолжение дневного сражения, быв увлечены своею отважностью, были захвачены неприятелем и отданы на сохранение сего арриергарда. И при самой темноте ночной мы распознали их по радостным восклицаниям, когда спешили соединиться с нами. Число их состояло в одном полковнике Кашенке, нескольких офицерах и 60 человек нижних чинов. От них узнали мы, что французский арриергард состоял из двух батальонов пехоты, что самое доказывало и оставшееся после их оружие и вся аммуниция, что наши пленные находились все вместе под караулом и запертыми в одной сельской виннице; но, услышав выстрелы, догадались, что это должно быть русским; караул их разбежался; они выломали двери и устремились к соединению с нами. Мы не видели более неприятеля и поздравляли друг друга с счастливым успехом. Почтенный наш начальник, генерал Розенберг, проливал слезы радости и вместе сострадания о несчастных, учинившихся жертвою сего ночного поражения, коих число почти равнялось нашему. Он приказал нам сойти с сего убийственного места; мы перешли на другую лужайку, обрытую канавами и обсаженную в квадрате деревьями. [53]

«Поелику ночная темнота еще продолжалась, то генерал приказал нам устроиться, дабы не подпасть равному жребию.

«Мы составили из себя четвероугольное каре, окружили оное позади каналов цепью и поставили на углах отводные пикеты, располагая пробыть здесь только до рассвета. Генерал Розенберг спросил себе плащ, завернулся в него и лег между нами в середине. В таком положении провели мы спокойно остаток ночи».

Перед рассветом Розенберг с своими двумя батальонами благополучно и незаметно для неприятеля возвратился на левый берег Треббии; но предварительно солдаты с помощью жителей «укрепили здесь себя хорошею пищею и достаточно красным итальянским вином».

Сущность диспозиции, отданной фельдмаршалом на 8 июня, была совершенно та же, что и предшествовавшей; Меласу было подтверждено, чтобы «тотчас всю дивизию Фрелиха послать направо». Поразительна мягкость, с которой отнесся Суворов к Меласу, обнаружившему преступное нарушение дисциплины. Объяснение этой мягкости, вероятно, следует искать в ложном положении Суворова, как главнокомандующего без полной власти. Во всяком случае, за эту мягкость фельдмаршал был жестоко наказан 8-го июня.

Движение для атаки первоначально предполагалось в 6 часов утра, потом отложено до 8 часов; в действительности, вследствие необходимости в отдыхе, состоялось только в 10 часов.

Макдональд также решил перейти в наступление. План его заключался в желании, пользуясь своим численным превосходством, охватить неприятеля с обоих флангов.

Около 10 часов утра, когда союзники начали становиться в ружье, французы двинулись для наступления.

Домбровский шел в обход правого фланга русских. [54]

Заметив это, Суворов отрядил против поляков Багратиона (6 батальонов, 2 казачьих полка и 8 эскадронов австрийских драгун). Пехота атаковала в штыки с фронта, а казаки и драгуны с обоих флангов. Слабая дивизия Домбровского не выдержала стремительного удара превосходных сил и, опрокинутая в горы, едва успела спастись за Треббию, потеряв знамя, пушку и до 400 пленных. расстроенные трехдневными поражениями, поляки более не принимали участия в бою.

Покончив с дивизией Домбровского, Багратион, по приказанию Суворова, обратился на помощь дивизии Швейковского, положение которого было критическое: имея четверное превосходство в силах (15 батальонов и кавалерия) против Швейковского (5 батальонов без кавалерии), французы атаковали его с фронта и правого фланга и оттеснили до Казалиджио. Не обучавшиеся отступлению и не знавшие слова «ретирада», русские отбивали с мужественной стойкостью постоянно возобновлявшиеся атаки неприятеля; гренадерский полк Розенберга, стоявший на правом фланге, был окружен французами, но, повернув кругом третью шеренгу, отстреливался и вперед, и назад.

Изнуренные палящим зноем и неравным боем, русские еле держались. Розенберг начинал думать об отступлении.

Он подъехал с таким предложением к Суворову, который лежал в тени большого камня в одной рубашке. а китель держал за рукав. «Попробуйте поднять этот камень» сказал фельдмаршал, — «не можете?.. ну, так и русские не могут отступить...» Суворов велел Розенбергу держаться крепко, ни шагу не делать назад; Меласу послано приказание энергичнее наступать, вероятно для отвлечения французов. Во время этого разговора подъехал Багратион с донесением, что войска его также утомлены до крайности; [55] убыль на половину; ружья от пороховой накипи на полках худо стреляют, а неприятель все еще силен. «Не хорошо, князь Петр», сказал Суворов и крикнул: «лошадь!». Перекинув китель через плечо, фельдмаршал помчался к войскам Швейковского, которые уже дрогнули. Носясь среди солдат, Суворов громко кричал: «заманивай шибче... шибче заманивай... бегом!». Пройдя шагов полтораста, он крикнул: «стой!». Солдаты остановились; скрытая до сих пор батарея «брызнула» в лицо французам ядрами и картечью. Фельдмаршал повернул войска и повел их в атаку. Вместе с тем, он двинул из резерва казаков и три батальона. Затем он понесся к войскам Багратиона и по пути двинул к нему на поддержку отдохавшие казачий полк и батальон егерей. Едва люди увидели своего старого фельдмаршала, как все преобразилось: ружья начали стрелять, затрещал беглый огонь, забили барабаны, откуда взялись силы у людей. Новая атака русских произведена с такою стремительностью, что французы сочли эти войска за свежие, вновь прибывшие подкрепления. Хотя французы были все-таки сильнее соединенных сил Багратиона и Швейковского, но атака произведена ими с такой живостью, что неприятель отошел на правый берег Треббии и не отважился более переходить в наступление. Однако развить успех на своем правом фланге и нанести окончательный удар французам Суворову не удалось: Мелас опять удержал дивизию Фрелиха — тупой старик не мог понять замысла главнокомандующего. Таким образом, бой 8 июня закончился только тем, что в 6 часов пополудни французы повсюду были отброшены на правый берег Треббии. Суворов намеревался в ют же вечер атаковать неприятеля за Треббией и довершить его поражение; но упорный и продолжительный бой, при палящем зное, настолько утомил войска, что фельдмаршал отказался от своего намерения и отложил атаку до утра. [56]

Во все три дня боя на Тидоне и Треббии 70-летний полководец почти не сходил с коня, проявил самую кипучую деятельность днем в бою, а ночью за диспозициями и прочими распоряжениями, и потому крайне нуждался в отдыхе, — он еле держался на ногах. Несмотря на это, фельдмаршал весело поздравил собравшихся вечером генералов «с третьей победой» и сказал: «завтра дадим четвертый урок Макдональду». К 5 часам утра приказано было быть готовым для новой атаки.

Если предстоял этот «четвертый урок», то главным образом по вине Меласа, который вновь обнаружил неповиновение главнокомандующему, удержал у себя пехоту дивизии Фрелиха и привел сражение к параллельному столкновению, которое не могло дать решительного результата. Узкий эгоизм до такой степени застлал глаза Меласу, что он, видимо, даже не вполне понимал значение своего поступка. По крайней мере, в реляции своей о боях на Тидоне и Треббии, представленной фельдмаршалу, Мелас после списка отличившихся собственноручно приписал: «Если и нижеподписавшийся хорошо поступал, то и себя препоручает милостивому вниманию».

Французская армия была потрясена трехдневным сражением. Потери французов были велики, но и союзники много потеряли; в конце концов, французы все-таки были многочисленнее союзников. Макдональду не было нанесено такого удара, который ставил бы его в критическое положение; он сохранил свою позицию; но очевидно было, что нравственная упругость французской армии сломлена, а противник еще сохранил веру в себя и решается на новое усилие. Вот эта лишняя частица энергии, сохраненная в самую последнюю минуту, часто и берет верх и превращает в победителя того, который при малейшем колебании чашки весов мог бы оказаться разбитым на голову. В ночь на 9-е июня Макдональд [57] собрал в Пьяченце военный совет, на котором выяснилось, что теперь важно было спасти остатки армии, дабы впоследствии попытать счастья на другом месте. В 12 часов ночи отдано приказание об отступлении.

Едва начало светать, как с передовых постов пришло донесение в главную квартиру союзников, что неприятель отступает. Обрадованный Суворов тотчас решается завершить дело энергическим преследованием.

В 4 часа утра союзники двинулись вперед. «Разлившаяся река Требию, в которую открыты были все шлюзы из каналов, как хитрость неприятельская, не удерживает нашего стремления; мы переходим ее в брод инде по плечи, сберегая сколько возможно свои ружья и патроны, неся оные на головах с сумою, их вмещающею».

Авангард, под начальством Чубарова, настиг арриергард Виктора и заставил его отступить за реку Нур. Арриергард Виктора (17 линейная полубригада, 2 орудия и 6 эскадронов) занял позицию у С.-Джоржио, а другие войска его в некотором расстоянии за арриергардом. Виктор вовсе не хотел вступать в бой и уже готовился к отступлению, но русские ускорили шаг, к Чубарову подоспели главные силы Розенберга, все это бросилось с разных сторон на деревню С.-Джоржио, и отрезали части французов путь отступления, а 17-я полубригада, знаменитый прежде Оверньский полк, положила оружие; 3 знамени, 4 орудия, 1.029 человек пленных, обоз и канцелярия Виктора достались в руки победителей. Грязев весьма цветисто рассказывает, что это он с 60 охотниками заставил Оверньский полк положить оружие. Кажется,

здесь проявляется слабость, общая большинству участников, приписывать все себе и думать, что они служили центром событий.

Главные силы Розенберга продолжали движение до Монтенаро, а передовые войска всю ночь преследовали неприятеля [58] до реки Арды, сделав от Треббии переход более 30 верст. Сам Суворов опять целый день был на коне и отдыхал только несколько часов в ночь на 10 июня.

Армия Макдональда поспешно отступила через Апеннины в Тоскану.

И так, предприятие Макдональда окончилось неудачей. 12 тысяч он потерял пленными и брошенными в пьаченском госпитале, а с убитыми потеря достигла до 16-18 тысяч; словом, Макдональд потерял половину своей армии и впоследствии по береговой тропинке привел к Моро в Геную только 14 тысяч. Союзникам победа досталась тоже не дешево. Урон до 5 Va тысяч человек.

В рассказе Грязева о преследовании армии Макдональда встречаются довольно любопытные подробности. Например, егерский полк Чубарова действовал «рассыпную линиею и различно по содержанию местного положения и движений неприятельских». Это показывает, что тогда уже в русских войсках достаточно укрепились идеи о рассыпном строе и применении к местности. Грязев с охотниками тоже действовал «рассыпную линиею», причем захватил два французских знамени. Хотя сам Суворов благодарил за это Грязева, облобызал его и приказал представить к особому награждению, однако Грязев ничего не получил; он объясняет это интригами чиновников суворовского штаба. «Вот что значит не иметь протекторов, не иметь друзей в подпредставителях и не уметь снискивать их благоволение низким ласкательством и уклончивостью». Как видно, и во времена Грязева характерные черты канцелярий проявлялись в достаточной степени.

Суворов скоро оказался вынужденным прекратить преследование Макдональда, ибо надо было вернуться для выручки австрийского генерала Бельгарда, оставленного под крепостью Тортоной, — ему угрожал Моро. Последний начал свое наступление [59] от Генуи 6 июня, но двигался довольно медленно, желая маневрами своими привлечь внимание Суворова и задержать его под Алессандрией, чтобы дать время «неаполитанской» армии выйти в тыл союзникам. Однако Моро своими чересчур тонкими хитростями обманул только самого себя: 7 июня он только что перешел Апеннины, а Суворов в 90 верстах отсюда уже второй день бился с Макдональдом.

Известие о результате сражения на Треббии и возвращение Суворова заставило Моро отступить назад в генуэзскую Ривьеру.

Таким образом Суворову не удалось «угостить» Моро, как он задумывал; «со всем тем наши казаки в своем преследовании сих трусливых героев немножко пощипали».

15 июня Суворов соединился с Бельгардом и, по требованию гофкригсрата, расположился для прикрытия осады Алессандрийской цитадели и блокады Тортонской; Туринская цитадель в то время уже сдавалась генералу Кайму, — союзники взяли здесь в виде трофея 562 орудия, 40 тысяч ружей и до 40 тысяч пудов пороха.

III. Сражение при Нови и конец итальянского похода Суворова.

Началось томительное бездействие. Хотя на подкрепление к Суворову прибыл из России еще корпус Ребиндера (8.500 человек), хотя главнокомандующий мог собрать достаточные силы для окончательного завоевания северной Италии для вторжения в генуэзскую Ривьеру и даже во Францию, но гофкригсрат рескриптами императора Франца постоянно ставил препоны наступательным планам Суворова и требовал предварительного овладения всеми крепостями и цитаделями в Италии; так для осады Мантуи Суворову было приказано отделить корпус австрийского генерала Края численностью более 30 тысяч. [60]

Суворов сильно скорбел от невозможности перейти к наступательным действиям. Кипучая его натура рвалась воспользоваться благоприятной обстановкой для нанесения врагу решительных ударов, пока он еще не собрался с новыми силами, но гофкригсрат надолго поставил преграду порывам опытного полководца и требовал⁸, «чтобы он совершенно отказался от всяких предприятий дальних и неверных», «чтобы о всяком важном предположении или действии, которое признается сообразным с временем и обстоятельствами, предварительно доводить до сведения» в Вену. В настойчивых суверениях австрийского императора фельдмаршал прямо получал замечания за неповиновение. Но Суворов никак не мог подчиниться нелепому требованию о «предварительных донесениях» и постоянно возражал о невозможности подобного порядка⁹. Однако все его жалобы оставались бесплодными: Тугут был упрям, привычки гофкригсрата неискоренимы. Неуверенное в точном исполнении своих предписаний фельдмаршалом австрийское правительство давало приказания, помимо Суворова, прямо подчиненным ему

генералам и тем расстраивало все его расчеты. Выведенный из терпения, фельдмаршал решился 25 июня написать самому Императору Павлу просьбу об отозвании из Италии.

Но переписка на таких огромных расстояниях, как от [61] Александрии до Петербурга, требует большего времени, а события идут своим чередом.

«Весь корпус оставался в совершенном спокойствии; одна артиллерия находилась в постоянном действии; ибо бомбардировали Александрийскую крепость и в особенности по вечерам. Осадою управлял и первую параллель заложил артиллерии полковник граф Орландини, родом пьемонтзец, искусный инженер и с ним были пьемонтские офицеры, столь же искусные и отважные, но когда графа Орландини по сему же предмету отозвали к Мантуе, тогда его место заняли австрийской службы подполковник барон Бехард и наш артиллерии полковник Глухов. Но пьемонтские инженеры особенно отличились; ибо следствием их искусства было то, что в крепости все магазины хлебные и фуражные были сожжены до основания и недостаток всякого рода оказался в гарнизоне до того, что они вынуждены были есть своих лошадей. Между тем происходили неоднократные переговоры и предложения о сдаче крепости, но генерал Гардан, начальствующий в оной, упорно стоял и ни на какие условия не соглашался. Наконец фельдмаршал, всегда и во всем решительный, отдал в армию приказ готовиться к штурму и назначил быть оному 13-го числа, а 10-го предварительной репетиции, которого весь наш корпус и был в движении, производя примерный приступ к городским стенам. Маневр сей происходил в виду неприятеля, которому он по общему закону войны и по частному договору, с ним учиненному, воспрепятствовать не мог; поелику оный защищался городом. Вероятно, что сей маневр подействовал на французов более, нежели все доселе бывшие с ними сношения, предложения и убеждения, ибо того же самого дня фельдмаршал получил от начальствующего в Александрийской крепости французского генерала Гардана соглашение о сдаче крепости императорским войскам и всего гарнизона на капитуляцию с тем, [62] чтобы оный был отпущен в свое отечество на основании общих по сему предмету постановлений. В согласность сего предположено было, чтобы на завтра, после обыкновенных обрядов, при сдаче крепостей употребляемых, всему французскому гарнизону с своими чинами, во всем военном порядке, выступя из крепости, положить оружие и покориться закону великодушного победителя.

«11-го июля последовала сдача Александрийской крепости. Российские войска стояли с заряженными ружьями по обеим сторонам пути, где надлежало проходить французскому гарнизону, который, выступая в всем воинском порядке из крепости и вытянув линию, положил оружие. Все распоряжения, до него касающиеся, и препровождение оного к границам своего отечества предоставлены австрийцам. Французский гарнизон состоял из двух генералов и 2.000 человек разных чинов. Начальствующий генерал Гардан был человек лет около семидесяти, но блестящий его гусарский мундир и мужественный вид показывали в нем пламенного юношу, когда он выводил свой гарнизон из крепостных оград: но когда должно было расстаться с ним, когда должно было учинить последнее прощание с знаменами, осенявшими его на поприще бранном, и наконец положить оружие, посредством коего достиг он высоты своего звания и исторгал победы из рук врага сильного, тогда вся бодрость его оставила и болезненные его чувствования обнаруживались в слезах, текущих по свежим его ланитам и крупными каплями скатывающихся по длинным, седым его усам.

В Александрии найдены были и те две пушки, которые были потеряны русскими в бою при Бассиньяно.

17-го июля сдалась Мантуа. Трофеи победителей: 675 орудий, много продовольствия, флотилия канонерских лодок.

Падение Мантуи отразилось во всех концах Европы и произвело сильное впечатление. Во Франции считали это дело [63] крайне позорным, обвиняли коменданта Фуассак-Латура в измене и, когда он возвратился во Францию, предали его суду и приговорили к лишению военного мундира. В Вене господствовала несказанная радость; оценивая все с своей особой точки зрения, там считали падение Мантуи самым капитальным событием кампании и ставили ни во что остальные подвиги Суворова; но, несмотря на это, недоверчивые отношения к фельдмаршалу не изменились нисколько. Император Павел еще более стал ценить своего полководца и дал ему титул князя Итальянского. Обрадовался и сам Суворов, но главным образом по той причине, что теперь, казалось, ничто уже не могло более препятствовать его наступательному движению; но пока Суворов выжидал прибытия войск Края, освободившихся после сдачи Мантуи, и окончания приготовления австрийского комиссариатского ведомства по части заготовки продовольствия, неприятель сам перешел в наступление.

Во Франции были крайне не довольны неудачами в Италии, отозвали Макдональда, а командование войсками в генуэзской Ривьере поручили молодому генералу Жуберу, ожидая от него энергичных наступательных действий.

Жуберу не было еще и 30 лет. В юности он готовился в адвокаты и получил хорошее образование. В 1791 году поступил на службу рядовым. Храбрость и военные дарования быстро выдвинули его на высшие ступени военной иерархии, как то нередко бывало во время революционных войн: в 1795 году Жубер произведен в бригадные генералы; в 1796 году в армии Бонапарта командовал дивизией и затем отличился в сражении при Риволи; в 1797 году, после отъезда Бонапарта, временно командовал итальянской армией и

тогда же подружился с Моро, который был инспектором пехоты в его армии. Новый главнокомандующий уехал из Парижа, возбудив самые пылкие ожидания блестящих [64] подвигов при решительном наступлении против русского полководца. Как кажется, сам Жубер не сомневался в успехе¹⁰. Моро дружески предложил ему свое содействие во время предстоящей трудной операции и согласился остаться на некоторое время при армии. Жубер с благодарностью принял великодушное предложение огорченного отставленного главнокомандующего.

3-го августа 35-ти тысячная армия Жубера (из них 2 тысячи конницы) появилась на высотах у города Нови и увидела, что союзники выстроились в боевой порядок и стояли, составив ружья в козлы. Фельдмаршал с утра выехал верхом к авангарду Багратиона; впереди линии развернутых батальонов лежала в хлебе густая цепь егерей. Суворов с одним казаком выехал к цепи для личной рекогносцировки неприятеля. Как рассказывает С.-Сир, французы легко узнали полководца по его оригинальному костюму: он был в одной рубашке и белом исподнем платье. Французские ведеты открыли частый ружейный огонь. Окончив рекогносцировку, фельдмаршал отъехал назад и деятельно распоряжался приготовлениями к предстоящему сражению. Он думал выманить французов из гор на равнину, чтобы воспользоваться превосходством своей конницы. Но Жубер, увидев огромные силы Суворова, остановился в нерешительности и не атаковал 3 августа. Тогда фельдмаршал решил сам напасть 4 августа. Его войска перед боем располагались так:

У Фресонары, на правом фланге, австрийцы Бельгард и Отт, под общим начальством Края (27 тысяч); впереди Поцоло-Формигаро (верстах в 8 от Фресонары) — Багратион (5.700), а сзади — Милорадович (3.700); верстах в 7 от Поцоло-Формигаро, у Ривальты (на Скривии), — русский корпус [65] Дерфельдена (6,100) и австрийский Меласа (8,800). Все эти войска (51,200) фельдмаршал мог сосредоточить перед позицией неприятеля не более, как в 2 часа. Кроме того, у Тортоны и Вигицоло находились корпуса Розенберга (8.300) и Алькаини (5,200). Всего у Суворова было 64,700 (не считая гарнизона Алессандрии — 1,500 и Серавалле — 500); из этого числа было до 9 тысяч конницы.

Трудно решить вопрос о плане Суворова для предстоящего боя. Диспозиция к сражению при Нови до нас не дошла, да и была ли она отдана?

Следует заметить, что главные пути отступления с чрезвычайно сильной позиции французов у Нови отходили мимо правого фланга, а потому с захватом его можно было угрожать самому отступлению обороняющегося, т.е. правому флангу принадлежало наиболее важное значение, иначе сказать — здесь находился стратегический ключ позиции. Очевидно, сюда и должен был Суворов нанести главный удар; так оно и вышло на самом деле, ибо сражение решилось на правом фланге ударом корпуса Меласа. Свидетельство Грязева может отчасти подтвердить, что таково именно было предположение фельдмаршала. В разных местах своего описания сражения при Нови Грязев говорит: «Австрийский генерал Мелас, долженствовавший зайти неприятелю в правый его фланг, еще по сие время не открыл своего действия»... «Суворов, получа известие, что генерал Мелас скоро вступит в дело»... «Корпус генерала Меласа возвестил свое приближение жестоким ударом в правый его фланг»...

Что касается атак Края на левый фланг французов, то их надобно считать атаками вспомогательными, демонстративными, назначенными для отвлечения сил неприятеля от его правого фланга, дабы облегчить направленный сюда удар. С этой точки зрения весьма понятно желание Суворова возбудить энергию Края особой запиской, в которой говорит, [66] что «совершенно полагается на друга героя» и даже дает Краю указания в стихах, написанных по-немецки. И действительно, Край очень энергично повел еще перед рассветом атаку на высоте левого фланга позиции Жубера.

Хотя описание сражения при Нови, сделанное Грязевым не точно, не полно и даже с погрешностями, но зато заключает в себе много характерных подробностей, которых нет в напечатанных до сего времени сочинениях; поэтому мы приведем подлинные строки очевидца участника: «Австрийский генерал Край, составлявший со своим корпусом наше правое крыло, свернувшись в колонны, повел атаку на левый неприятельский фланг; австрийский же генерал Беллегард с своим отделением взял направление еще правее к высотам, дабы энфилировать левый же фланг неприятеля; наш авангард, под командою князя Багратиона и с частью австрийской пехоты, на правом его фланге составил первую центральную линию; наш Гренадерский полк и прочие мускетерские стали за оною во второй линии; а за оною и на флангах расположена была австрийская кавалерия, в числе 40 эскадронов. Австрийскому же генералу Меласу, составляющему со своим корпусом наше левое крыло, назначено зайти к неприятелю в правый его фланг и содействовать всеми силами как центральному линиям, так и правому крылу. Устраиваясь таким образом, правое крыло и первая центральная линия открыли действие перестрелкою и повели атаку на все назначенные им пункты. Неприятель занимал свою позицию на самом возвышении горы, коей хребет, протягиваясь параллельно нашим линиям, примыкал к самому городу с правой его стороны. Отлогость сей горы защищаема была в центре его позиции тремя ужасными батареями, которые, подобно огнедышащей Этне, извергали из себя пламя и неумолкные громы. Батареи сии расположены были таким образом, что большого калибра орудия на самом [67] возвышении; за ними следующие, в середине горы, а меньшие, при подошве оной; весь же хребет сей протяженной горы покрыт был неприятельскою пехотою и конницею, равно как окружность, так и низкие отлогости оной горы и самый город. Первая наша линия повела атаку и,

соображаясь как с местным положением, так и с позицией неприятеля, приняла несколько вправо и открыла нашей второй линии неприятельский центр со всеми его ужасами, коего правый фланг примыкал к самому городу, где находились большие его силы. Таким образом и вторая наша линия, вступив в интервал, учиненный первой линией, повела атаку на самый неприятельский центр. Отважным нашим приближением принудили мы его тиральёров и небольшие передовые отделения отступить далее к горе и, пробежав, по чертежу фельдмаршала¹¹, опасность ядерных выстрелов, из большого калибра орудий извергаемых, теснили неприятеля еще далее в гору и к самому городу. Тут встречены мы были сильной его густой колонной, хотевшей подкрепить свою отступающую передовую линию. Колонна сия шла центрально [68] против нашего батальона; мы стремительно бросились на нее в штыки, в одно мгновение опрокинули и принудили спастись в городские ворота, которых мы по положению места занять не успели. Я, с своей ротой, устремился поразить неприятеля и в самых воротах, но сим отважным действием поставил себя между двух огней, со стороны города и примыкающей к нему горы, и я, пожертвовав тут несколькими из храбрейших и барабанщиком, при мне находившимся, принужден был отступить и присоединиться к батальону; ибо колонна, взобравшись в город, заперла за собою ворота. Тогда повели мы опять атаку выстроившеюся линией; сильный картечный огонь средних неприятельских батарей хотя не совершенно нас поколебал, но заставил прибегнуть к благоразумию, дабы уклоняясь от бесполезного поражения, равно и для устройства наших рядов, отступить за черту безопасности. Впрочем сие всеобщее отступление последовало большей частью потому, что австрийский генерал Мелас, долженствовавший зайти неприятелю в правый его фланг, еще по сие время не открыл своего действия. Неприятель, заняв опять оставленные нами места, растянулся по опушке примыкающего к горе кустарника, и тиральёры его рассыпались на большую дистанцию от главной своей позиции по равнине, что при начале нашей атаки предпринять не дерзал; но ободренный нашим отступлением, решился повести сам наступательную атаку; между тем как большего калибра батареи возымели опять свое действие, но без причинения нам вреда. Здесь представилась взорам нашим самая прелестнейшая картина военного искусства наших донских казаков, которые, рассыпавшись по равнине, вели с неприятельскими тиральёрами перестрелку и своими поворотливыми движениями заманивали неприятеля далее от своей линии; потом, улучив способную минуту, соединялись с обычным криком, отрезывали большими частями, окружали и брали в [69] плен; или, заметив отделившегося стрелка, пушчался на него с арканом, накидывал на шею и извергнувшись тащил за собою; или на всем скаку поражал дротиком. Суворов, получив известие, что генерал Мелас скоро вступит в дело, повелевает линиям вторично повести атаку. Мы двинулись в устройстве и отважным натиском вытеснили снова передовую неприятельскую линию из своего места и преследовали ее, отступающую к горе, она сделала фланговый марш и приняла влево к городу, чрез что и поставили нас против самых батарей. Мы перелетели губительное расстояние, на котором ядра имели свою силу, и приближались к картечному, миновать его не столь легко было: здесь открылся огонь со всеми своими ужасами из средних батарей и ружейный с возвышения, картечи и пули сыпались на нас градом и лишали многих храбрых товарищей; или взрывая землю, раскидывали оную по воздуху и через то делали его почти непроницаемым; гром, не умолкающий с обеих сторон ни на одно мгновение, отражаясь в горах, делался еще ужаснее; стон раненых, кучи убитых, между коих стремились мы к горе; словом, все это вместе могло бы утратить робкую душу: но бестрепетные россияне, предводимые своим отважным полководцем, поощряемые своим мужеством и славою и не признающие никаких невозможностей, теснят неприятеля и достигают половины горы. Здесь беглый ружейный огонь, действующий на нас в близком расстоянии, кропил пулями, как дождь, и губил ужасно. Но это не останавливало отважнейших; переходя с утеса на утес и помогая друг другу, мы подавались вперед. Мы были исполнители; рука наша и сердце были готовы на поражение; но в жару своей запальчивости, или, лучше сказать, свирепого исступления, мы не могли того предвидеть, что он обратился нам на совершенную пагубу. Но прозорливый Суворов, соображая все обстоятельства, повелевает нам принять направо и постепенно отступать; [70] ибо, не развлеченный никакими другими отражениями неприятель обратился на нас единственно и, пользуясь выгодностью местоположения и превосходством своих сил, без всякого сомнения, остался бы победителем; ибо корпус генерала Меласа и по сие время не открыл своего действия и через то не разделил его силу; мы же своею малочисленностью и при таких потерях, преодолеть ее не могли и вторично отступили, потеряв при сем случае значительное количество храбрых воинов. Быв заняты своими собственными исполнениями, мы не видали и не слыхали, что происходило у нас на правом нашем крыле и с каким успехом действовали австрийские генералы Край и Беллегард? А сверх того я, в сию вторую атаку, будучи уже на полугоре, ранен в правую ногу пулею и, по неспособности занимать своего места, отведен в селение Палоло-Формигаро, где собирались все наши раненые. Но торжество нашего неприятеля было непродолжительно: корпус генерала Меласа возвестил свое приближение жестоким ударом в правый его фланг; он с своими силами устремился отразить сие новое нападение и ослабил свой центр. Суворов воспользовался сего благоприятною минутою и центральные свои линии повел на третичную атаку. Войска наши, оскорбленная двукратно неудачею, устремились на приступ, как отчаянные, и, не взирая ни на какие затруднения и опасности, взлетели как орлы на возвышение и, овладев оным, напали на неприятеля штыками столь отважно и удачно, что сбили его с места, которым он столько времени повелевал. Опрокинутые и пораженный на всех пунктах, он побежал,

оставляя в добычу победителям все свои укрепления. В ретираде своей он еще более пострадал: пехота отрезывала у него большие части и брала их в плен; кавалерия рубила без пощады. Такое преследование продолжалось не далее двух верст, доколе совершенная темнота ночи не принудила прекратить сие убийство; в противном [71] же случае весь сей многочисленный корпус неминуемо бы погиб,

«Урон союзных войск, сражавшихся при Нови, в числе 38,000, простирается убитыми и ранеными до 7,000, в том числе ранены некоторые из генералов, штаб и обер-офицеров, из числа коих многие убиты; да и не могло быть иначе, по содержанию обстоятельств, выше мною объясненных насчет наших действий, приступов, отступлений, почти неприступной позиции неприятеля и его упорного сопротивления. Потеря неприятеля далеко превосходила нашу: главнокомандующий генерал Жуберт еще при начале сражения убит; когда он сам с пехотною колонною устремился на австрийцев, роковая пуля поразила его наповал: так погиб сей юный, надменный герой, надежда республики. Бригадный генерал Вотрен убит; дивизионные Периньон, Партоно, Колли и Груши взяты в плен; многое число штаб и обер-офицеров убито, ранено и взято в плен, а нижних чинов до 20,000. В руки победителей досталось 40 пушек и более 50 ящиков с снарядами.

«5-го августа, союзные войска заняли город Нови. Весь наш корпус сошел с горы и торжествовал свою победу. Но корпус генерала Розенберга устремился к преследованию неприятеля, потянувшегося к Гави, где достиг он арриергард его, состоящий из 3,000 человек; имел с ним сражение; но, опрокинув штыками его линию, обратил в бегство, при чем неприятель потерял до 400 человек».

Одержав столь решительную победу¹², Суворов приказал [72] своим войскам немедленно переходить Апеннинские горы, чтоб двинуться для занятия генуэзской Ривьеры, и задумывал может быть даже вторжение за р. Вар в пределы Франции; но вдруг 6-го августа приказано всем войскам остановиться и прекратить преследование.

Эти непонятные остановки возбудили негодование даже среди солдат. Французская армия, при сколь-нибудь энергическом движении союзников, делалась верною их жертвою, ибо ее положение становилось отчаянным, Моро уже решился отступить в графство Ницу, чтобы не быть запертым в Ривьере, артиллерию, больных и раненых¹³ он отправил в С.-Пьер Д'Арена, маленькую гавань у Генуи, чтобы там грузить на суда. Власти Лигурийской республики тоже спешили уехать. Но так как союзники прекратили преследование, то Моро воспользовался этим и, устранившись ответственности перед Директорией, которая могла иметь свои стратегические взгляды, решился остановить отступление, до прибытия своего преемника¹⁴, устроил остатки своих войск, подкрепил их войсками Миолиса и Роге, занял снова проходы в Апеннинах и написал Шампионэ, чтобы последний энергичным наступлением отвлек Суворова.

Что же за причина внезапной остановки фельдмаршала на пути к достижению заветной цели, которая была уже так близка? Австрийское комиссарское управление объявило, что при войсках хлеба только на два дня, мулов и запасов для [73] продовольствия в предстоящем походе в горы не заготовлено; в Ривьере же найти продовольствие, пока не подвезут его морем, невозможно, а потому и наступление делалось безрассудством. Вот где сказалось разделение власти главнокомандующего! Суворов отложил предприятие на несколько дней, чтобы дожидаться мулов и продовольствия, которое без труда могла доставить богатая Италия.

Но всякое откладывание дела чрезвычайно затрудняет его исполнение; что легко было сделать немедленно после победы при Нови, то сначала затруднилось, а потом и вовсе сделалось невозможным.

По приказанию французской директории армия Массены из Швейцарии с севера и Шампионэ из Франции с запада сделали энергичные наступления через Альпийские горы для демонстраций против Суворова, а гофкригсрат отделил от его армии (даже без его ведома) некоторые довольно сильные отряды. Тогда Суворов окончательно отказался от наступления в Ривьеру, тем более, что рескрипты императора Франца ясно воспрещали движение к р. Вар, и обратил внимание на защиту Италии со стороны Альп.

С этою целью фельдмаршал, выдвинув на более важные направления авангарды, с главными силами стал лагерем при Асти, в центральной позиции.

Вскоре опасения со стороны Швейцарии рассеялись, так как французы прекратили наступление. Суворов притянул большую часть войск Края и намеревался обратиться с главными силами против Шампионэ, если бы тот отважился появиться на равнинах Пьемонта.

Уведомление из Вены переменяло виды фельдмаршала: его ожидало новое назначение — русские войска должны были оставить северную Италию, чтобы идти в Швейцарию на соединение с корпусом Римского-Корсакова, прибывшим туда из России. [74]

Немедленно Суворов сделал все необходимые распоряжения к предстоявшему походу, но временно остался у Асти, в ожидании сдачи Тортоной цитадели.

Дело в том, что комендант цитадели, полковник Гаст, увидя приготовления Суворова к штурму, заключил, во избежание кровопролития, конвенцию такого рода, что если 31-го августа его не выручат французские армии, то он сдаст цитадель, а до тех пор стороны будут в перемирии.

Новая попытка Моро к освобождению Тортоны потерпела неудачу. 31-го августа Тортона сдалась, и Суворов выступил в швейцарский поход.

Примечания

¹ «Нет вшивее пруссаков» — слова Суворова.

² Во время похода 1799 года древки этих алебард были употреблены на дрова.

³ В донесениях посла нашего в Вене, графа Разумовского, от 10 декабря и Розенберга от 20 декабря, сказано, что по пятнадцати гульденов на человека.

⁴ Гофкригсрат — придворный военный совет — учрежден императором Максимилианом I с целью объединения управления вооруженными силами во всех отношениях в мирное и военное время (военного министерства тогда не было); цель, несомненно, благая, но впоследствии значение и сила гофкригсрата возросли, и он злоупотреблял своею властью.

Значение принципа предоставления главнокомандующему полновластия очевидно само по себе; обстановка на войне меняется слишком быстро, чтобы можно было управлять армиями издали. Между тем гофкригсрат, заседая в Вене, постоянно стремился предначертывать каждый шаг действовавших на весьма отдаленных театрах австрийских главнокомандующих, и потому донельзя стеснял даже самых талантливых из них в предприятии того или другого решения сообразно с обстановкой. Вследствие этого-то образ действий австрийских генералов и носил преимущественно пассивный характер.

Влияние гофкригсрата было вредно даже и тогда, когда во главе его стояли люди с громкой военной славой (Монтекукули, граф Штаремберг, принц Евгений Савойский); но тем сильнее оказался вред, приносимый гофкригсратом, когда в нем стал распоряжаться самовластный и упрямый первый австрийский министр Тугут. Он удалил от дел старого фельдмаршала Ласси, оставил место президента гофкригсрата незамещенным и на свободе сам составлял планы кампаний, давал советы генералам, руководил ими последних подробностях, а между тем этот человек, столь сильно влиявший на военные действия в 1799 г., никогда не служил в военной службе и не имел никакого военного дарования.

⁵ Милютин пишет (История войны 1799 г. т. III стр. 158): «Неизвестно, с которого именно дня войска ускорили свое движение; знаем только, что Суворов 29-го марта донес из Виллаха, что прибыл 28 числа к вверенным ему войскам. Но который именно тут был эшелон русского корпуса? — Конечно, не первый; ибо ему пришлось бы остальное пространство до Вероны, т. е. около 275 верст, пройти в 5 или 6 дней, — что совершенно невозможно». Недоумения эти отчасти разрешаются «Записками Грязева», веденными весьма аккуратно и заслуживающими доверия. Капитан Грязев служил в гренадерском Розенберга (Московском) полку, входившем в состав I-го отделения колонны Повало-Швейковского, как приведено у Милютина. Сравнивая показания Грязева с маршрутом, напечатанным у Милютина, оказывается, что до 23-го марта до Юденбурга, войска шли точно по маршруту; 24-го марта предполагалась дневка, но эшелон продолжал движение; с этого времени, следовательно, начинается форсировка, именно в этот день Суворов выехал из Вены и обгонял эшелоны. 28-го марта в Виллахе он догнал полк Розенберга; но вероятно распределение войск по отделениям, помещенное у Милютина, не соответствует действительному, по крайней мере, для этого периода, ибо полк Розенберга (1-го отделения) пришел в Верону 6-го апреля, а между тем 4-го утром, по рассказу Милютина, Багратион уже формирует авангард из своего егерского полка (1-го отделений) и казачьего полка Поздеева (2-го и 3-го отделений); выходит, что войска 2-го отделения опередили войска 1-го отделения. Впрочем, рассказ Милютина о Багратионе основан на книге «Рассказы старого воина о Суворове»; Старков, автор этих рассказов, может быть не точен в числах; в журнале графа Комаровского (адъютанта великого князя Константина Павловича) сказано, что передовые войска князя Багратиона присоединились к армии в Валеджио 6-го числа; это показание довольно близко сходится с рассказом Грязева; в таком случае, в Виллахе Суворов нагнал именно 1-й эшелон.

⁶ Точка перед «или» показывает, что Суворов приписал последние слова после некоторого раздумья.

⁷ Это был вполне надежный контингент в армии Макдональда. Одушевленные патриотизмом и обманываемые надеждою на восстановление независимости отечества, они вдали от родины носили на груди в особых ладонках по горсти родной земли; ненависть к русским, особенно к Суворову, покорившему в 1794 году кровопролитным штурмом Прагу, была безгранична.

⁸ В рескрипте императора Франца от 10 (21) июня, полученном Суворовым вскоре по возвращении

к Александрии.

⁹ В письме к русскому послу в Вену, графу Разумовскому, от 27 июня, Суворов пишет: «Его Римско-Императорское Величество желает, чтобы, ежели мне завтра баталию давать, я бы отнесся прежде в Вену. Военные обстоятельства мгновенно переменяются; по сему делу для них нет никогда верного плана. Я ниже мечтал быть на Тидоне и Треббии по следам Ганнибала; ниже в Турине, как один случай дал нам пользоваться тамошними сокровищами; ниже в самом Милане, куда нам Ваприо и Кассано ворота отворили». В другом письме от 1 июня: «Я в Милане — получаю из Вены ответы о приезде моем в Верону; я только что в Турин перешел — пишу тебе о Милане»...

¹⁰ Он отправился в армию прямо от венца и, прощаясь с молодою женой, сказал: «tu me reverras mort ou victorieux...»

¹¹ Для пояснения этого места следует сказать о тактических приемах Суворова, которым он обучал как русские, так и австрийские войска. С приближением к неприятелю, походные колонны рядами перестраивались во взводные на полных дистанциях; подходя под выстрелы, строили фронт захождением, и завернутые батальоны становились в 2 линии с небольшими интервалами; артиллерия несколько впереди и по флангам пехоты; кавалерия поэскадронно или дивизионно позади второй линии пехоты или на ее флангах. В таком порядке войска шли на встречу неприятелю. Наступление производилось всей линией с барабанным боем, музыкой и с распущенными знаменами; подходя под картечный и ружейный огонь, войска бросались вперед бегом, чтобы миновать черту действия картечи (80 саж.) и верную черту ружейных пуль (60 шаг.). Удар в штыки производился бегом с криком «ура!», при чем вторая линия следовала за первой в 200 шагах. Кавалерия выжидала удобного случая броситься на фланги неприятеля. Лишь только последний начинал колебаться или отступать, казаки высыпали вперед, с гиком и визгом обскакивали его с тыла, преследовали и забирали в плен.

¹² За сражение при Нови Император Павел пожаловал щедрые награды. Суворову прислан был нижеследующий приказ от 24-го августа при рескрипте, в котором Государь говорил: «вы поставили себя выше вознаграждения». Приказ гласил:

«В благодарность подвигов князя Итальянского, графа Суворова-Рымникского, гвардии и всем Российским войскам, даже и в присутствии Государя, отдавать ему все воинские почести, подобно отдаваемым особе Его Императорского Величества...» Генералам были даны чины или ордена, много наград офицерам; указом 30-го августа 1799 г. повелено, чтобы жалованье офицеров, убитых на войне, обращалось в пенсию их женам по смерти, а детям до совершеннолетия; сверх того, семействам убитых офицеров, бывших заграницею, положено выдать единовременно годовой пенсией на возвратный путь в отечество.

¹³ Пленным австрийцам приказано было поддерживать французских раненых на походе.

¹⁴ Моро уже назначен был главнокомандующим Рейнскою армиею.

Швейцарский поход Суворова в 1199 г.

(по запискам Грязева.)

I. Выступление из Италии.

[75] В то время, когда Суворов завоевал Италию для Австрийской империи, политика европейских кабинетов выработывала новый план войны и создавала новую группировку союзных вооруженных сил.

Англия задумала послать морем соединенный англо-русский корпус в Батавскую республику (Нидерланды), находившуюся в сущности под властью Франции, с главной целью захватить голландский флот: ревнуя о морском могуществе, Англия хотела присоединить этот флот к своим морским силам, а еще лучше истребить, чтобы не пришлось впоследствии возвращать его при заключении мира. Однако, зная бескорыстие Императора Павла и открыто провозглашенную им цель войны: уничтожение республиканского правительства Франции и восстановление низвергнутых ею тронов в соседних государствах, — Англия выставила целью — уничтожение правительства Батавской республики и восстановление штатгальтерства в доме Оранском. Император Павел согласился послать для этой цели 18 т. русских войск: Лондонский же кабинет обязался, присоединив от 8 до 13 т. английских войск, взять на себя перевозку десанта и все издержки экспедиции. [76]

Переговоры об экспедиции и приготовления к ней велись в тайне от Австрии, но все-таки в Вене узнали о намерениях Англии и России; первый австрийский министр Тугут пожелал извлечь свои выгоды и, выставя на вид, что прежде Нидерланды принадлежали австрийскому дому, писал: «Император Римский не может оставить без защиты преданный ему народ в Нидерландах. Его Величество вступил снова во все права свои на эту страну, с тех пор как сами французы нарушили мир, а потому император никак не дозволит, чтобы Нидерландами распоряжались без его согласия и воли».

Чтобы стеречь свою добычу и не пропустить минуты ее раздела, Австрия решила передвинуть армию эрцгерцога Карла из Швейцарии к Нижнему Рейну в Германию, якобы для содействия остальным союзникам. В Швейцарии же должны были соединиться под общим начальством Суворова русские корпуса: Римского-Корсакова (27 т.), прибывший из России, и собственный Суворова (18 т.) из Италии; по соединении, русские войска должны были через Франш-Контэ вторгнуться в самую Францию. Об удалении русских из Италии Австрия хлопотала весьма усиленно: она вовсе не думала вместе с Императором Павлом о восстановлении погранных прав и упрочений тронов, а единственно желала завладеть Италией, завоеванной чужими руками; поэтому присутствие здесь русских войск и русского генерала, имевшего главное начальство над союзными армиями в Италии и действовавшего совершенно в духе и согласно с волей своего Государя, служило самым валвишм препятствием к осуществлению желаний Венского двора. Ясно, что Тугуту казалось выгодным как можно скорее увидеть в Италии одних только австрийцев и распоряжаться самовластно.

К выполнению нового плана союзные дворы полагали приступить «только по совершенном утверждении союзных армий [77] в Италии и Швейцарии». Италия, действительно, была почти окончательно завоевана, но в Швейцарии, напротив, французы, под начальством великого мастера горной войны Массены, имели успех и занимали позиции по обширной дуге от Базеля по Рейну, нижнему Аару, Лимату, Цюрихскому озеру, р. Линте, горе С.-Готард, далее кантон Валис и гору Большой С.-Бернард. К половине сентября (стар. ст.) Массена мог усилить свою армию до 80 т. и перейти в наступление.

При таких обстоятельствах было бы безумием вывески из Швейцарии всю армию эрцгерцога Карла и оставить одних русских на явную гибель. А между тем эрцгерцог Карл получил предписание немедленно, по прибытии корпуса Римского-Корсакова, вывести из Швейцарии все австрийские войска, до последнего солдата. По поводу такого распоряжения Тугута Суворов писал: «Сия сова не с ума ли сошла, или никогда его не имела!» Следует заметить, что предписание было отдано вопреки соглашению, по которому русские должны были сменять австрийцев постепенно и в равных силах. Нелепость распоряжений, шедших из Вены, была до такой степени ясна, что эрцгерцог Карл, уходя из Швейцарии, взял на себя оставить там на некоторое время 22 т. чел. под начальством Готце, но, конечно, не потому, что у него совесть зазрела, как пишут некоторые историки, а чтобы прикрыть Граубинден и Тироль, которым угрожала явная опасность: отсюда французы могли вторгнуться в наследственные австрийские земли.

Корпусов Римского-Корсакова и Готце было далеко недостаточно для занятия длинной стратегической позиции в 200 верст; они подвергались крайней опасности от более сильного и более сосредоточенно расположенного противника; до поры до времени их спасала единственно неготовность Массены к наступлению, к которому Директория побуждала его [78] весьма настойчиво. Следовательно, Суворову необходимо было спешить как можно скорее прибытием в Швейцарию, дабы сколько-нибудь

восстановить равновесие. И он спешил.

Уже 28-го августа он двинулся в поход, но попытка Моро освободить кр. Тортоны от австрийской блокады вынудила русского фельдмаршала быстро возвратиться на помощь союзникам. Разумеется, он мог не возвращаться и предоставить австрийцев их собственной участи, подобно тому, как поступил эрцгерцог Карл с Римским-Корсаковым, но это было бы не согласно с характером русского полководца. Только 31-го августа, после сдачи Тортоны, Суворов мог начать свой беспримерный в истории поход и быстротою марша рассчитывал вознаградить потерянное время. Действительно, в 5 дней русские прошли более 150 верст и 4-го сентября достигли д. Таверно. «Огромные Альпы, пишет Грязев, показали нам издали величественное чело свое; их вершины, покрытые снегом и теряющиеся в облаках, удивили взор наш; цепь их казалась бесконечною. С каким нетерпением желал я видеть вблизи сих гигантов природы, наводящих ужас своею необозримою высотой...» До С.-Готарда оставалось 3 перехода, так что при некотором напряжении Суворов мог атаковать С.-Готард 8-го сентября, как предполагал раньше, но вдруг последовала внезапная остановка. Дело в том, что путь через С.-Готард в то время был недоступен для повозок, а потому Суворов не мог взять с собою ни колесного обоза, ни полевой артиллерии. Все тяжести он отправил кружным путем через Верону, Тироль, Форарльберг и по северному берегу озера Боденского, артиллерию же другой кружной дорогой — по озеру Комо, через Киавенну в долину Энгадин и далее в Фельдкирх; с собой русские взяли 25 итальянских горных орудий, обоз же необходимо было иметь исключительно вьючный. Суворов заблаговременно поручил австрийскому генералу Меласу, заведывавшему [79] хозяйственной частью, заготовить в Таверне 1,429 мулов, чтобы поднять продовольствия всего на 12 дней, на людях и во вьюках; 24-го августа было подтверждено относительно заготовки мулов с вьюками. рассчитывая, что все это исполнено, русские прибывают 4-го сентября в Таверну. «Здесь-то открылась нам, рассказывает Грязев, немецкая подлость во всей своей наготе, интриги гофкригсрата и самого австрийского двора, ибо союзники наши, заманивая нас в сию дикую и почти непроходимую страну, обещали с своей стороны, а при том имели и в обязанности, облегчить различным образом наше следование, дабы к нашему прибытию в Беллинцону заготовить достаточное количество провианта и приличное число мулов как для оногo, так и для прочих наших тягостей, и сверх того проводников; вместо того, ни вспомогательного союзного войска, ни должного количества провианта, ни мулов для вьюков, ни проводников и ничего обещанного ими здесь не нашли. Всякой другой начальник, на месте Суворова бывший, найдя такие неудобства, отказался бы от дальнейшего следования в страну вовсе неизвестную, бесплодную и всеми ужасами исполненную; но великий духом, или лучше сказать, неподражаемый Суворов презрел сей подлый обман и все ковы и, не уважив никакими обстоятельствами и препятствиями, подобно древнему Аннибалу, решил идти далее и со славою проложить себе путь чрез седые, огромные Альпы». «Он созывает совет из военачальников, в числе коих находился и великий князь Константин, раскрывает им все обстоятельства нашего критического и вместе трудного положения и объявляет свою решительность. В сем случае Константин, как подражатель в духе, как герой севера, первый на то соглашается и предлагает вместо обещанных австрийцами мулов, спешив казаков, употребить их лошадей для навьючения провианта и всяких тягостей. Сие предложение, столько благоразумное [80] полезное и достойное россиянина, было принято как самим Суворовым, так и всеми военачальниками, и приведено в исполнение. Со стороны артиллерии мы были несколько обеспечены, ибо имели при себе несколько небольших пьемонтских горных орудий с их снарядами, навьюченными на маленьких мулах, и со всеми принадлежащими к ним чиновниками».

Мысль употребить казачьих лошадей под вьюки действительно была сообразна с обстановкой, ибо в горах спешенные казаки могли принести больше пользы; но, ведь, необходимо было устроить хотя какие-нибудь приспособления для навьючивания провианта. Для одного вьюка не трудно достать в любом селении подходящий мешок, конец веревки и несколько палок, но для 1,500 вьюков¹ — это не легко. Казаки были разосланы по окрестностям для сбора вьючных приспособлений; войска устраивали вьюки; днем и ночью кипела необыкновенная деятельность. Наконец, к 10-му сентября все приготовления были окончены. Суворов известил Готце и Римского-Корсакова о выступлении из Таверны к С.-Готарду, сообщил им свою диспозицию и просил, чтобы они с своей стороны содействовали ему, как сами признают лучшим. В этих письмах фельдмаршал рекомендовал особую энергию: «Никакое препятствие, никакие затруднения, никакие жертвования не должны останавливать нашего стремления к той важной цели, для которой мы соединяемся. Ничто не должно пугать нас: мы можем быть уверены в успехе, если будем действовать решительно и быстро. Это тем необходимее, что всякое промедление усиливает сопротивление неприятеля и препятствия, которые нам должны представиться в этой стране, в особенности же от недостатка продовольствия [81] и удобных дорог». Диспозиция Суворова была составлена весьма искусно². В горах позиции обороняющегося обыкновенно весьма сильны; атаковать их с фронта, в лоб, крайне трудно, а потому обходы имеют решающее значение. Суворов внимательно отнесся к этой особенности горной войны и обходам отвел подобающее место. Позицию французов на С.-Готарде должен был атаковать с юга, со стороны [82] Италии (т. е. с фронта), русский корпус Дерфельдена (10,500 чел.) и австрийская бригада Штрауха (4,500 чел.), а в обход, через долину переднего Рейна, в тыл позиции неприятеля, послан русский корпус Розенберга (6,000). Далее вся армия Суворова должна была двигаться вниз по долине р. Рейсы, при чем, для облегчения фронтальных атак, австрийской бригаде Ауфенберга (из войск Готце) приказано выйти

к Амштегу в тыл Чортова моста и других позиций французов. После этого предполагалось движение сил Суворова [83] к г. Альтдорфу и далее по правому берегу Люцернского озера к г. Швицу, куда Готце обязан был прислать свою кавалерию. Затем Суворов идет к г. Люцерну, а Готце в Цугу, т. е. Готце во фланг, а Суворов в тыл главной позиции Массены за рекою Лимат, которую Корсаков должен был в то же время атаковать с фронта. Таким образом, в этой диспозиции идея обходов, сообразно со свойствами горной войны, была произведена весьма строго, но сложность плана угрожала неудачей от весьма возможных случайностей, [84] требовала в исполнении предначертанного каждому отряду точности и непреклонной энергии в достижении цели во что бы то ни стало, не останавливаясь ни перед какими препятствиями. Заметим, что план Суворова был предварительно послан на заключение таким опытным в горной войне лицам, как Штраух, Линкен и Готце; никто из них в своих отзывах не обратил внимания фельдмаршала, что по правому берегу Люцернского озера дороги не было, — дорога долиною Рейсы шла только до Альтдорфа.

10-го сентября, в 4 ч. утра, русские выступили из Таверны. Поход был трудный, хотя переходы и не велики. Обыкновенно в это время года на южных склонах Альп погода бывает теплая, но в 1799 г. она была весьма неблагоприятна. Все время дождь лил ливнем; резкий ветер с гор прохватывал насквозь; в холодные и сырые ночи люди дрогли от стужи на биваках в открытом поле, «без обоза (как говорит Грязев) и палаток, вместо коих служили нам шалаши, делаемые на скорую руку из древесных ветвей». Между тем войска оказались снаряженными далеко не подходящим образом для предстоявшей войны в суровых, негостеприимных Альпах. Суворов — первый показывал пример бодрости и, несмотря на слабость здоровья, ехал на казачьей лошади в обыкновенной легкой одежде.

12-го сентября, т. е. на третий переход, колонна Дерфельдена и Штрауха, при которой находился и фельдмаршал, дошла до д. Дачио, сделав в этот день всего 14 верст. До Айроло, где уже стоял неприятельский передовой отряд, оставалось 10 верст, но Суворов остановил колонну, чтобы дать время корпусу Розенберга обойти неприятеля. В этот день Розенберг уже достиг долины переднего Рейна. На завтра, 13-го сентября, обеим колоннам предстояла атака С.-Готарда.

II. По Швейцарии до Мутентала.

[85] Со стороны Италии позиция на С.-Готарде была почти недоступна: только узкая тропинка, едва проходимая для вьюков, извиристо поднималась от Айроло по крутому свесу горы, пересекая местами горные потоки; во время грозы и бури путь этот становился весьма опасным: нередко путники погибали, не достигнув вершины горы. В начале боя позицию занимала бригада Гюдена (3,500 чел. из дивизии Лекурба), а потом подошла другая бригада (4,800 чел.). Таким образом, Суворов превосходил неприятеля числом; но при подобной позиции дело заключается не в числе, ибо и горсть защитников может отразить нападение многочисленного противника, который не имеет места развернуть своих сил; к тому же Гюден был весьма искусным генералом и вел оборону превосходно. Только обходное движение Розенберга (6 т.) могло открыть дорогу главной колонне. Но Розенберг несколько промедлил со своей атакой; сообщения между колоннами через горы не было, а потому фельдмаршал, опасаясь за судьбу Розенберга, решил повести фронтальную атаку с охватом левого фланга французов авангардом Багратиона. К такому маневру Суворов был вынужден, чтобы не допустить неприятеля всеми силами обрушиться на Розенберга. Такая ненормальная атака обошлась русским в 1,200 чел. Грязев описывает бой при С.-Готарде следующими словами: «С 5 ч. утра мы шли непрерывно все в гору до самого полудня и при селении Айроло открыли авангард французского корпуса, защищавшего вход в глубину Швейцарии чрез Тейфельсбрике или Чортов мост. Неприятельский авангард, не дождавшись нашего приближения, отретировался далее в гору, и потому не произошло никакого действия. Поднимаясь еще далее в гору, узнали мы совершенно, что неприятельский авангард занял свою позицию [86] на неприступных высотах, а за оным на других находился и весь его корпус, занимавший сей пункт. Ужасные стремнины, высоты, следующие одна за другою, и висящие скалы, между коими сия беснующаяся толпа республиканцев укрепились, препятствовали нам действовать регулярно, и потому, соображаясь с местными положениями, растянулись мы частями по горе и повели атаку на неприятеля. Авангард кн. Багратиона взял несколько правее. Сим первым, но быстрым и отважным натиском вытеснили мы его из укреплений и понудили отступить еще далее на возвышение горы, чем преследование наше учинилось еще пламеннее, не взирая, что неприятель всегда имел преимущество над нами, соображаясь с занимаемыми им неприступными высотами и утесами; но сия ужасы не остановили нашего стремления; мы взлетали, как орлы, на оставляемые им места и теснили его далее и выше к небесам, где иногда действие прерываемо было бродившими облаками, на нас спускавшимися или проходившими над нашими головами и скрывавшими от нас своею непроницаемостью врагов наших; равным образом и серный дым, от стрельбы происходивший, спираясь в густоте поднебесного воздуха, темнил его и разделял нас друг от друга, словом: все ужасы и чудные явления природы соединились здесь для того, чтобы изумленному свету представить мужество и неустрашимость русского воинства, с каковыми оно

преодолеvalo их. Поднимаясь таким образом непрерывно на высоты, нам казалось при всякой, что достигаем уже конечной, но за нею следовала другая еще крутейшая, и так далее и далее, мы постепенно приближались к самым небесам, пока наконец неприятель избрал самую острую и утесистую высоту, на которой долго и упорно держался; но тою же храбростью и неутомимостью нашего воинства, помогая один другому восходить на каменные утесы и голые скалы, его сбили и принудили ретироваться уже не на [87] высоты, а по противоположному скату горы, по таким же утесам и стремнинам, будучи непрестанно преследуем и везде поражаем. Хотя неприятель на пути своем неоднократно покушался останавливаться за остроконечными или подобными огромным стенам утесами, но всегда был выбиваем и еще далее вниз преследуем самым быстрым и отважным нападением более штыками и прогнан до самого ската горы за селение Ospital, находящееся уже на луговой отлогости. Здесь распростершаяся темнота вечера прекратила наконец наше действие и спасла врагов от конечного поражения. В сем последнем преследовании первое занятие селения Ospital принадлежит мне и капитану Панову, с которым разделяли мы весь пламенный ход сего чудеснейшего сражения, и здесь на долине остановились, дабы дать отдых утомленным нашим силам: к нам же стали присоединяться и все сходящие с высот и здесь расположились провести ночь. И действительно, такое необыкновенное напряжение, которое в жару самого действия казалось неприметным и обыкновенным, столько ослабило нас, что мы вне себя бросились на землю и не скоро могли вспомнить, какие опасности, какие ужасы и сколько смертей протекли мы на сем страшном пути, устланном трупами и обгаренным кровию наших соотечественников и нечестивых врагов».

«Неприятель был в числе 4,000 человек, под начальством генерала Лекурба; урон его велик, с потерю четырех небольших орудий со снарядами, которые мы присоединили к своим, не бывшим, однако же, при сем сражении в действии; ибо наша быстрота, с какою оно происходило, могла только затруднить ход наш, и потому они оставались на своих выюках. Что ж принадлежит до неприятельских пленных, то мы оных в сем сражении не имели: ибо [88] штык и приклад разрешали нас от сей излишней тягости сопровождать их за собою. Хотя такая жестокая мера была выше правил человека в отношении к своему ближнему, но необходимость, но наше звание переставляли нас за черту сей священной обязанности, и мы, так сказать, невольным образом преклонялись к сему ужасному убийству».

«Сего же числа (13-го сент.) второй наш корпус, под начальством генерала Розенберга, следовавший другим путем через высоты Фогельберга, имел с неприятелем важное дело и одержал над ним совершенную победу в долине Урзерн, при селении сего же имени, и потом соединился с нами. Таким образом, хотя и с великою трудностью, совершены в одно время две значительные победы над неприятелем, находящимся в Швейцарии».

«Когда весь наш корпус собрался у селения Ospital и расположился на отлогой долине Урзерн для отдохновения, мы по холодному времени развели огни и, сидя вокруг оных, рассуждали о событиях, происшедших в сей достопамятный день, как наше спокойное положение неожиданно было нарушено несколькими числами пушечных выстрелов со стороны неприятеля, занимавшего окружные высоты, но без всякого вреда; впрочем, нам не оставалось ничего более, как погасить огни и тем уничтожить цель, которую посредством света мог иметь на пас неприятель, и сим все беспокойство наше окончилось».

14-го сентября совершился знаменитый переход через Чортов мост. Оставив бригаду Штрауха на южной стороне С.-Готарда для обеспечения тыла, Суворов на рассвете 14-го сентября двинулся по долине р. Рейса, которая в записках Грязева, также как и во всех документах того времени, называется Рус. В одной версте за д. Урзерн дорога, по правому берегу Рейса, преграждена громадными утесами, которые отвесно упираются в самое русло реки. Сквозь эти [89] утесы было пробито отверстие, называемое Урнерскою дырою (Urner-Loch), около 80 шагов длины, и едва достаточное для свободного прохода одной лошади с выюком; выйдя из этого отверстия, дорога огибает гору в виде карниза и круто спускается к знаменитому Чортову мосту, расположенному в 400 шагах от Урнерской пещеры. На этом пространстве река, стесненная высокими горами, низвергается с высоты 200 фут несколькими водопадами. На высоте 75 футов над водою, между отвесными скалами, перекинута через бурный поток каменная арка. Пройдя по этому мосту, дорога упирается в отвесную скалу левого берега и, поворотив круто направо, спускается по искусственной каменной аппарели к другому мостику. Ясно, что горсти французских стрелков было достаточно, чтобы остановить здесь движение всей армии Суворова. Лекурб мог достигнуть того же самого, если бы взорвал арку Чортова моста; но французы решились оборонять выход из Урнерского прохода, позади которого расположен был небольшой передовой отряд с одною пушкою, а главные силы арриергарда (2 батальона) находились за Чортовым мостом. Для атаки этой теснины надо было прибегнуть к обходам. Полковник Трубников с 300 охотников взобрался на горы вправо над самым проходом, а майор Тревогин с 200 егерей пошел влево, через р. Рейс, по пояс в воде, и начал взбираться на скалы левого берега. За егерями Тревогина пошел целый батальон полковника Свищова. Трубникову удалось ранее левой колонны взобраться на горы над Урнер-Лох; неожиданное появление его принудило французский передовой отряд бросить свою позицию и начать отступление, а войска, стоявшие позади Чортова моста, начали второпях разрушать каменную аппарель на левом берегу. Однако, угрожаемые обходом французы начали отступать, а русские бросились вперед, притащили несколько бревен, перекинули их через провал; офицеры [90] связали их

своими шарфами, и войска стали перебираться по ним, под самым близким ружейным огнем. В это время Тревогин и Свищов уже спустились с гор и заставили французов начать поспешное отступление. Устройство моста через провал замедлилось до 4 ч. пополудни, после чего все русские войска двинулись далее через д. Гешенен. Отступавший неприятель портил мосты, и починка их до того замедлила движение армии Суворова, что главные силы ее только поздно ночью дошли до д. Вазей, не доходя до Anîmega. В этот же день бригада Ауфенберга успела достигнуть д. Амштег), но Лекурб с главными силами бросился ей навстречу и отгеснил австрийцев. Этим он очистил путь своему арриергарду, отступавшему от Чортова моста.

На другой день, 15-го, соединившись с бригадой Ауфенберга (3 т.) и преследуя Лекурба, русские дошли почти до г. Альтдорфа, где Лекурб (6 т. и 10 ор.) занял позицию за р. Шахен.

В описании перехода через Чортов мост мы придерживались известного сочинения Д. Милютина «История войны 1799 г.», но сам автор этого сочинения говорит (т. III, стр. 496): «Странно, что в истории войны 1799 г. те именно события, которые с первого взгляда кажутся наиболее известными, остаются в действительности самыми темными. Много противоречий представляется в рассказах о переходе Суворова через Чортов мост. Различие заключается не в одних только подробностях, но и в самых существенных фактах». Далее указывается противоречие 11-ти источников. Ввиду этого, мы приведем целиком описание Грязева:

«15-го сентября в час пополудни снялись мы с места и, пройдя Урзернскую долину, вошли в междугорие. Здесь предстала глазам нашим одна перпендикулярно стоящая, подобно стене, каменная гора, в середине которой находилось узкое, самую природою устроенное отверстие, называемое Тейфельслох [91] (чортова дыра), ведущее к Тейфельсбрике и продолжающееся во внутренности горы около ста сажен. В нем царствовала вечная ночь, и мы, схватив друг друга за руки, проходили под сводом сей громады, которая, подавляя сама себя своею тяжестью, испускала на нас водные потоки, и таким образом пройдя сие отверстие, или, лучше сказать, ущелие, приближались мы к началу Чортова моста. Кажется, всякое выражение будет недостаточно, дабы в точности представить все ужасы, сие место окружающие, которые мы проходить должны были. Это есть не иное что, как страшный проход, вводящий во внутрь Швейцарии между огромных, крутых каменных гор, или, лучше сказать, натуральных стен, идущих по обеим сторонам пути, в расстоянии 6 сажен поперечника между собою, полагая в том числе и реку Рус, здесь протекающую, которая, занимая с одной стороны половину прохода, с бурным стремлением и шумом катится междугорием и по каменному дну, где, встречаясь местно со скалами, на поверхность воды выходящими, ударяется об них с плеском и пенистою волною опять обтекает их; с другой стороны сей реки, вниз по ее течению, идет вымощенная дорога на подобие моста, которая, сообразно примыкающей к ней горной стране, имеет различные широты, высоты и направления. Поверхность сей реки равняется иногда с поверхностью сей дорожки, а иногда сажен пятьдесят и менее упадет вниз от оной; в таком-то. месте дорога поддерживается каменными сводами, инде самую природою образованными, а инде искусством утвержденными. Идучи таким образом по излучистой и неровной дороге, продолжающейся узким междугорием, шаг твой непременно должен остановиться при воззрении на две каменные скалы разделившихся между собою гор над рекою, где видна одна только бездонная пропасть крутящейся между камней воды. С одной скалы на другую сделан был деревянный помост, который [92] французы, ретируясь, разломали и сожгли, но к счастью не совсем. Здесь-то нужно было иметь всю твердость духа, дабы, сии до половины обгорелые части бревен и досок кое-как соединив, пройти через сию бездонную и крутящуюся пучину. Но чего неудобна сделать необходимость? Общими силами и помогая один другому, миновали мы сию опасность без всяких вредных для себя последствий, кроме замедления, с каковым должно было проходить по зыблющимся перекладам толикому числу людей. На сей-то предмет изобретательный гений человека приискал богатую мысль и составил ту риторическую фигуру, которая изображена в донесении Государю нашему Императору насчет перехода нами сего чудеснейшего Чортова моста, где, описывая разительными чертами все ужасы природы, его окружающие, сказано, что и офицеры, ревнуя славе и трудам российского воинства, употребляли свои шарфы для связывания полуобгоревших частей дерева. Я сам был непосредственный участник перехода через Чортов мост, и полк наш всегда следовал перед прочими впереди, и я этого не видал; а обгорелые части бревен и досок с присовокуплением новых были исправлены накануне посланными людьми, и хотя не беспечно, но переходить было можно. Как бы то ни было, но мы, миновав сию опасность, продолжали наш путь по такой же точно дороге, какою проходили и до сего помоста, с тою только разницею, что дорога ощутительно склонялась ниже и ниже. Нам казалось, что мы нисходим в подземное царство карать и там противников закона и судьбы. Около десяти часов нашего хода по сему страшному пути, дорога мало-помалу становилась лучшею, горные стены и вершины их начали постепенно расширяться, воздух ощутительно сделался свежее, воображение чище и душа спокойнее, наконец вдали стали показываться равнины и селения. В первом из них нашли мы французский стан, из досчатых навесов собранный и оставленный уже ими, а за селением [93] достигли ретирующийся неприятельский арриергард, напали на него и прогнали далее в горы. За сим проходили мы селение Бемштак и прекрасную его долину, где встречены были жителями с изъявлением величайшей и непритворной радости, потому что французская саранча им надоела, и они надеялись, что мы истребим ее. Продолжая путь наши по дороге к местечку

Альтдорфу, мы не дошли, однакож, до оного и остановились при селении Шадсдорф; ибо утомленные наши силы столь затруднительным переходом требовали отдохновения, и сверх того отступающий неприятель остановился здесь на окружных высотах и в виду нашем».

«Вот мое описание Тейфельслова, или иначе называемого Урзернлоха и описание чудесного Тейфельсбрике: оно не украшено никакими богатыми вымыслами, никакими кудрявыми выражениями, могущими восхитить воображение читателя и привести в восторг его душу; судьба не наградила меня сими изящными талантами, сим пламенным воображением, коим достигают до цели своих желаний и переливают свои чувствования в души других; по крайней мере описание мое близко к самому подлиннику, без излишностей и недостатков, и составляет сущность всех главных частей, образующих сей страшный проход, именуемый Чортовым мостом. Любопытствовал узнать от жителей, почему он получил такое наименование? Они не могли мне сказать ничего удовлетворительного: иные говорили, что якобы от слова «чорт знает», что служило ответом, если спрашивали об нем, кто его строил и когда. А другие сказывали, что по чертовским ужасам, из коих он составлен. Хорошо, кто видел сие образцовое и единственное произведение природы и искусства, но лучше — кто его не видал и не чувствовал страхов, его окружающих. Здесь места начинают быть открыты и изобильны в долинах. Плоды были еще не зрелы: вот доказательство состояния здешнего климата!» [94]

Достигнув Альтдорфа, Суворов узнал, что далее по восточному берегу Люцернского озера дороги нет. Есть, правда, две тропинки из Шахенской долины через дикий хребет Росшток в Мугенскую долину, по которой открывается путь к Швицу, но эти тропинки в позднее время года доступны разве только для смелых охотников, привыкших с детства карабкаться по громадным утесам и пустынным ледникам. Только в Альтдорфе с ужасом увидел Суворов, куда завели его австрийцы; горсть русских была поставлена почти в безвыходное положение. Что будет с Готце и Корсаковым, если сам Суворов не достигнет назначенного сборного пункта в Швице, или даже только опоздает! Наконец, что будет с армией Суворова без тех запасов продовольствия, которые он рассчитывал получить в Швице? Всякий другой, на месте Суворова, наверно, собрал бы военный совет и, прикрывшись его решением, избрал бы один из путей, ведущих назад; таким образом, отступил бы перед препятствием, бросив предначертанную ранее цель. Но русский полководец, не колеблясь ни минуты, остается твердым в намерении идти, во что бы то ни стало, к условленному сборному пункту — Швицу. Он избирает для этого ту из двух тропинок через Росшток, которая прямее ведет к д. Муген. Тропинку, без сомнения, все сочли бы непроходимую для войск, и конечно — ни одной армии до тех пор не случалось проходить по таким страшным стремнинам. В подобные трудные минуты и проявляется истинный гений полководца во всем блеске. Семидесятилетний старик, истерзанный огорчениями, истомленный в борьбе с интригами, с изумительной силой выносит физические невзгоды и лишения и в критическую минуту сохраняет исполинскую силу духа. Нужна железная воля, чтобы принять решение идти к Швицу по козьей тропинке, оставляя сзади готового к бою врага (Лекурб); нужна притом и неограниченная вера в [95] своих солдат. Голодным и утомленным до крайности войскам Суворов не дает ни одного дня отдыха, не хочет даже подождать, пока подтянутся выюки, длинной лентой растянувшиеся от Альтдорфа до самого Айроло; время было дорого, каждый день промедления мог сделаться гибельным для других частей союзных сил.

Багратион должен идти в авангарде, Дерфельден и Ауфенберг в главных силах, а Розенберг — держаться в арриергарде у Альтдорфа против Лекурба до тех пор, пока не пройдут все выюки. Казалось бы, Суворову, имевшему превосходство в силах, легко было разбить Лекурба на равнине у Альтдорфа и тогда спокойно совершать трудный переход через горы; но на бой надо употребить день времени, а его нет: менее важным надо пренебречь в виду более важного.

16-го сентября, в 5 ч. утра выступил Багратион. Переход через снеговой хребет хотя был и не длинен, всего 16 верст, но и самые привычные одиночные охотники обыкновенно делали его не менее, как в продолжение 8 часов; поэтому надо признать весьма успешным движение авангарда, голова которого в 5 ч. пополудни, после 12 ч. марша подходила к д. Муген, да еще нашла в себе силы, чтобы атаковать стоявший там французский пост: половина переколота, половина взята в плен, — никому не удалось уйти от внезапно появившихся русских.

Несмотря на малочисленность авангарда, он до того растянулся по узкой дороге, что собрался у д. Муген только поздно ночью. Главные силы тянулись по всей дороге 2 дня, так что хвост колонны прибыл только поздно вечером 17-го, а выюки 19-го. Не мудрено, что многих ночлег заставлял на вершине или на скалах хребта, и здесь приходилось отдыхать так, как застала ночь, ибо двигаться вперед было невозможно. В таком положении оказался и Грязев, [96] который шел в главных силах Дерфельдена. Гора была высока, «и потому (пишет Грязев), как в рассуждении ее высоты, так крутизны и острых камней, ее составляющих, едва в сумерки могли мы достигнуть ее вершины, и то не со всем корпусом. Распростершаяся темнота ночи остановила наше следование далее вниз по ее склонению и принудила остаться тут до рассвета на холодном и пронзительном воздухе, который на таком возвышении, естественно, был ощутительнее, нежели в каком-либо другом месте, и притом без всяких пособий, хотя бы огня, по неимению дерева, ибо кроме камней ничего более здесь не находили, и ночная темнота останавливала всякое покушение сдвинуться кому-либо со своего места, но всякий оставался там, где она его застигла. Но нужда изобретательна: полковой наш

командир, полковник Яфимович, я и еще двое из товарищей долго выискивали средства, как бы сойти с самой вершины и, спустясь ниже, защитить себя от пронзительного холодного ветра, от коего застывала кровь в наших жилах, и наконец нашли способ уменьшить ужас темноты, препятствовавшей решиться на один шаг вперед, который бы мог быть последним, и сей способ состоял в небольшом восковом огарочке, у одного из нас находившемся; мы свернули из бумаги род фонаря, утвердили в середине одного огарочек, дабы защитить его от ветра, высекли огня, зажгли и пошли вперед по тропинке, освещаемой слабым светом и ведущей вниз по склонению горы; но как она состояла в разнообразных излучинах, пересекаемых почасту уступами и выдающимися камнями, то ход наш был весьма медлителен и затрудняем сими опасностями, ибо передний наш товарищ, несший сей магический фонарь, должен был почти на каждом шагу останавливаться и давать время сходить прочим. Наконец, преодолев все сии трудности, спустились мы довольно низко от вершины и почувствовали, что ветер [97] не столько уже был пронизателен, и притом нашли здесь, на небольшой площадке, часть неумолимого нашего воинства, сошедшего сюда заблаговременно и занимавшегося зрением на маленький курящийся обломок дерева, и действительно — одним только зрением, потому что теплота, от него происходившая, недостаточна была обогреть всех его окружающих. Мы присоединились тут же, достали из кармана сухарей, сколько хотелось — погрызли и пробыли тут до рассвета».

«17-го, с рассветом дня, начали мы опускаться с горы, и за полдень оба наши корпуса собрались на обширную Мутентальскую долину, где и расположились на чистом воздухе. Хотя с самого нашего вступления в оную дикую и бесплодную часть Швейцарии, т. е. начиная от Беллинцоны, чувствовали мы большой недостаток в продовольствии пищею, и в особенности от 13-го числа, после сражения на горе С.-Готарде, недостаток сей сделался еще ощутительнее, но здесь оказался оный в совершенстве. Наши сухари, навьюченные с мешками на казачьих лошадях, все без изъятия пропали, первое потому, что большая их часть состояла из белых и пресных, которые от ненастной погоды размокли и сгнили, а наконец потому, что лошади, растеряв подковы и обломав по каменным горам свои копыта, разбивались, падали и умирали от бескормицы, так что ни один вьюк не мог дойти до Мутенталь; и в особенности чрез ужасную переправу Чортова моста. Начальники наши как ни старались доставать нам продовольствие, но желания их не имели успеха, ибо селения, нами проходимые, были бедны, изнурены и ограблены просвещенными французами, а потому и не могли нам дать никакого содержания. С нашей же стороны не было употребляемо никаких притязаний; сам великий князь Константин, пришедши с авангардом в Мутенталь, купил для одного две гряды картофеля, заплатя за них хозяину 40 червонцев; всякое фуражирование также не могло быть [98] употребляемо, потому что все окрестности и мало известные нам места были заняты прожорливыми французами, и наконец наши добрые союзники австрийцы перестали доставлять нам и провиант, и фураж. Что ж в таком случае оставалось делать? Мы копали в долинах какие-то коренья и ели, да для лакомства давали нам молодого белого или зеленого швейцарского сыру по фунту в сутки на человека, который нашим русским совсем был не по вкусу, и многие из гренадер его не ели; со всем тем, во все время нашего пребывания в Швейцарии, сыр составлял единственную пищу; мяса было так бедно, что необходимость заставляла употреблять в пищу такие части, на которые бы в другое время и смотреть было отвратительно; даже и самая кожа рогатой скотины не была изъята из сего употребления; ее нарезывали небольшими кусками, опаливали на огне шерсть, обернувши на шомпол, и таким образом обжаривая воображением, ели полусырую».

«Сверх сего, кожа нужна была и для другого предмета: многие чувствовали недостаток в обуви и сбережение своих ног предпочитали сытости желудка; почему отрезывая лоскутки кожи, обертывали ею свои ноги по примеру лапландцев и употребляли до самой невозможности, как свойство ее позволяло; некоторые из офицеров должны были прибегнуть к сему же средству, дабы сохранить свои ноги от острых камней и повреждений всякого рода. Вот в каком бедственном положении находилась вся наша победоносная армия!»

«18-го на долине Мутентальской. — Здесь есть женский монастырь ордена *Les soeurs grises* — сестер милосердия. Но сии милосердные сестры также брали с нас за копеечную булку по червонцу, как бы и самый жадный ростовщик, или их милосердие обращемо было совсем на другие предметы, и, по словам жителей, незаконные французы не упустили случая [99] воспользоваться оным. Но как кажется, что корыстолюбие, праздность и другие пороки были основанием подобных монастырей. Видевши их такое множество в странах чуждых, я не находил в них ничего ангельского, приближающего их к небу, но более преступного, не столько добродетелей, сколько пороков, которые здесь сосредотачиваются и имеют всю свою силу на сей маленький мир, заключающийся в стенах монастырских».

В д. Мутен от окрестных жителей Суворов получил страшные вести: Корсаков потерпел совершенное поражение при Цюрихе и с огромною потерей отступил к Шафгаузену; Готце разбит на Линте и сам пропал без вести; значительные неприятельские силы заняли Гларис, а сам Массена собирает свою армию к Швицу, так что русским был заперт путь и в ту, и в другую сторону. В Швейцарии не оставалось ни одной союзной части войск, от которой Суворов мог бы ожидать содействия; он оставался в Мутенской долине один, окруженный неприятелем со всех сторон.³ В таких обстоятельствах фельдмаршал 18-го

сентября собрал у себя военный совет из всех генералов и некоторых и штаб-офицеров; только генерал Ауфенберг не был приглашен.

III. Выступление из Швейцарии.

«Прежде, нежели объясню происходившее в совете, я⁴ поставлю на вид главные причины к составлению оного, как обстоятельства весьма необыкновенного в чертах военной жизни нашего великого полководца. Известно, что верхняя часть Швейцарии занята была нашими войсками, составлявшими отдельный 30,000 корпус, под особым начальством, генерал-от-инфантерии А. М. Римского-Корсакова, [100] коих центр находился около Цюриха, а линия, по отбытии принца Карла Австрийского со своими войсками из Швейцарии к нижнему Рейну, растянута была на значительное пространство. Корсаков имел у себя в виду сильного неприятеля: французский генерал Массена с 45,000 корпусом занимал центр своей позиции на горе Альбис, правое его крыло простиралось до южных пределов Швейцарии, а левое защищалось рекою Ааром. В помощь Корсакову находился и австрийский 20,000 корпус, под начальством генерала Готце, занимавшего правый берег р. Липты. Цель нашего вступления в сию часть Швейцарии состояла в том, чтобы, очистив оную от неприятелей, ее занимающих, следовать на Швиц и, зайдя в тыл Массене, поставить его между двух огней и обще с Корсаковым нанести ему решительный удар. Но Провидению не угодно было совершить сего предположения, ибо Массена знал, что российский корпус под предводительством Суворова, из Италии выступил и следует в Швейцарию для соединения с Корсаковым. Массена решился предварить наше соединение: французский генерал Султ потеснил австрийского генерала Готце, а сам Массена атаковал Корсакова в его позиции при Цюрихе. Судьбам всевышним угодно было склонить успех оружия на сторону нашего неприятеля, и доселе непобедимые учинились жертвою слабости своего начальника и, к стыду имени русского, принуждены были бежать, чтобы спастись от конечного поражения. Весть о сем несчастном происшествии встречает нас при вступлении нашем в г. Мутенталь. Суворов и верит, и сомневается; впрочем, как обстоятельство, подлежащее исследованию, рассматривается со всех сторон и оказывается возможным; почему предположено было послать одного из здешних жителей для подробного осведомления об истине сего происшествия: ему заплатили деньги; но швейцарец не возвратился; приискали другого, заплатили больше [101] и сей доставил удовлетворительное известие, подтвердившее истину сего несчастного события, а вслед за сим и австрийский генерал Линкен доставил фельдмаршалу подробное о сем донесение, — и вот предлог военного совета, составленного Суворовым в Мутентале. Теперь посмотрим, что происходит в нем».

«Разумеется, что первое предложение состояло в том, что должно предпринять в таком критическом положении? — Иные предлагали, что по содержанию обстоятельств мы не имеем уже надобности входить далее внутрь Швейцарии, поелику ни расстроенному корпусу Корсакова помочь, ни по собственному своему расстройству противостать неприятелю и столь сильному не можем; что путь, по коему мы шли, для нас известнее и безопаснее, нежели тот, который можем мы иметь в будущем, и потому для сбережения своих воинов удобнее нам возвратиться по оному, нежели подвергать себя видимым опасностям. Другие опровергали сей план и чувствовали еще в себе столько мужества, чтобы напасть на торжествующего неприятеля и вырвать из рук его победу, полученную им по одним прихотям случая, не благоприятствовавшего столь неосторожному и слабому начальнику, каким показал себя Корсаков, и загладить тем стыд, понесенный российской армиею; что победы наши, приобретенные нами в Италии и при вступлении в Швейцарию, и имя великого полководца, имея большое влияние на неприятеля, дают нам неоспоримое право решиться на сей отважный подвиг, могущий увековечить нашу славу и поддержать пред целым светом достоинство российского оружия. Наконец последние, хотя и не совсем опровергали сие мнение, во всех отношениях достойное характера русских, но что само благоразумие предлагает нам, по крайнему расстройству наших сил и малочисленности, уклониться от видимых опасностей, могущих потрясти приобретенную нами славу, и, [102] не возвращаясь назад, как предлагали первые, но оставляя сильного неприятеля в стороне, проложить себе оружием новый путь сквозь окружающих нас неприятелей, чрез что мы не только не потеряем ничего, но, и сберегая себя, покажем политическому свету, что умеем опровергать ковы наших неблагонамеренных союзников, которые за все наши жертвы заплатили нам столь низкою благодарностию. Я умалчиваю о членах-статистах: они безмолвствовали, иногда дакали, или соглашались со всеми».

«Великое сродно великому, и вот черта духа, поседевшего во бранях: он утвердился на последнем мнении, в согласность сего и положено: первому корпусу Дерфельдена идти вперед, не касаясь глубины Швейцарии, на Гларис, а второму корпусу Розенберга оставаться одним только днем за нами, буде не встретится каких-либо особых обстоятельств, и прикрывать наш путь».

Распоряжения Суворова и диспозиция, отданная им на этот случай, настолько замечательны, что мы

приведем их целиком в изложении князя Багратиона.

«Ту ж минуто Александр Васильевич, подошедши к столу, на котором была разложена карта Швейцарии, начал говорить, указывая по ней: тут, здесь, и здесь французы; мы их разобьем — и пойдем сюда. — Пишите! — И Кушников, и все, кто имели с собою карандаш и бумагу, стали записывать слова его:

«Ауфенберг, с бригадою австрийцев, идет сегодня по дороге к Гларису. На пути выгоняет врага из ущелья гор, при озере Сен-Рутен; занимает Гларис если сможет, но дерется храбро, и отступа назад для него нет; бьет врага по-русски! — Князь Петр (Багратион) со своими идет завтра, вовремя; дает пособие Ауфенбергу и заменяет его, и гонит врага за Гларис. — Пункт в Гларисе! — За князем Багратионом идет Вилим Христофорович (Дерфельден), и я [103] с ним. — Корпус Розенберга остается здесь; к нему в помощь полк Ферштера. Неприятель наступит? — Разбить его!... непременно насмерть разбить и гнать до Швица, — не далее!... Все вьюки, все тягости Розенберг отправит за нами под прикрытием; а за нами и корпус идет, простояв на месте несколько, чтобы идти не мешали. Тяжело раненых везти не на чем: собрать всех; оставить всех здесь с пропитанием; при них нужная прислуга и лекаря. — Оставить при всем этом офицера, знающего по-французски. Он смотрит за ранеными, как отец за детьми. Дать ему денег на первое содержание раненых. — Позовите Фукса, Трефурта (дипломатические чиновники)! Написать Массене о том, что наши тяжело раненые остаются и поручаются, по человечеству, покровительству французского правительства. — Михайло (Милорадович)! ты впереди, лицом к врагу! — Максим (Максим Васильевич Ребиндер)! тебе слава!... Все, все вы русские! — Не давать врагу верха: бить его и гнать по-прежнему! — С Богом! — Идите и делайте все во славу России и ее Самодержца царя Государя». — «Он поклонился нам, и мы вышли».

Эта диспозиция удовлетворяет даже самым придирчивым требованиям тактики настоящего времени, спустя столетие, и представляется образцовою. В самом деле. В диспозициях для походного движения прежде всего обозначается обстановка, где неприятель, — и Суворов говорит: «тут, здесь и здесь французы», т. е. в Гларисе, Швице и Альтдорфе. Далее — цель и направление марша; у Суворова: «мы их разобьем — и пойдем сюда». Затем современная диспозиция требует распределения войск и обозов, указывает время вступления, пункты ночлега, место главного начальника во время похода, — и все это есть у Суворова, замечательно кратко и ясно. Нет обозначения привалов и распоряжений по обеспечению флангов, но по обстановке в этом не было и надобности. Требуется еще особые распоряжения, если эти вызываюся обстановкой; — [104] в данном случае таким является распоряжение об оставлении на месте тяжело раненых. Наконец, что особенно важно и что редко можно встретить в диспозициях нашего времени, — это указания каждому отдельному начальнику на характер предстоящих ему действий. Наиболее трудная задача выпадала на долю Розенберга, и фельдмаршал его отряду дает наиболее ценные и наиболее подробные приказания-советы («непременно разбить и гнать до Швица, — не далее!» — Милорадович и Ребиндер тоже входили в состав войск Розенберга).

При движении из Мутенской долины, армия Суворова должна была перевалить через гору Брагель и вступить в долину Клён где стояла бригада Молитора (5 т.), с которой и пришлось сразиться 19-го сентября; 20-го же на подкрепление к Молитору подошла часть дивизии Газана, так что вместе составилось до 8 т. французов. Сначала спустились в долину Ауфенберг и Багратион, а затем Дерфельден, в колонне которого был и Грязев. Вот как он описывает бой в долине Клён.

«19-го сентября, в 7 ч. утра, тронулись с места и начали подниматься на крутую с уступами гору Брагельсберг, которой возвышения уже за полдень достигли. Здесь встретили нас сильные неприятельские колонны из дивизии Молитора. Место было ровное и прекрасное; медлить было не должно, и мы ударили на них в штыки; две колонны в одно мгновение были опрокинуты с великою для них потерей и обратились в бегство с двумя достальными, как видно, не желавшими подобной участи. Мы проследовали их до озера Рутен, где храбрые французы, будучи стеснены на узком пути, идущем между горою и озером, искали в нем своего спасения и, бросаясь в оное, погибали, а большую часть их сталкивали и прикалывали. Преследование продолжалось еще далее и за озеро до самых сумерек, положивших конец нашему стремлению, [105] с каковым штыки наши упивались неприятельскою кровию. Все пространство нашего пути устлано было убитыми и тяжело ранеными. Мы остановились опочить при озере *Клонталлер*. Спасшиеся от поражения французы скрылись в горы и на другую сторону озера, разделявшего нас с главными их силами».

«После некоторого отдыха, уже при наступлении совершенной темноты, авангард князя Багратиона потянулся влево от озера, дабы занять высоты. Вскоре после сего великий князь Константин приезжает в наш стан и откомандировывает генерала Миллера с егерским полком влево же от озера, препоручая ему занять высоту, самую ближайшую к неприятелю, дабы стать у него в правый его фланг, где и ожидать утреннего света. Потом подъезжает к нашему полку и спрашивает именно капитана Грязева; я подхожу; он отдает мне приказание: «возьмите, который хотите, батальон вашего полку; следуйте с ним от озера направо; старайтесь занять там высоту, ближайшую к левому неприятельскому флангу; уверен, что вы все исполните, чего будут требовать утренние обстоятельства. Вот вам и колонновожатый». — Должно согласиться, что такое личное и важное поручение для капитана, тогда как у нас находилось много и штаб-

офицеров, весьма было лестно; ибо оно означало полную доверенность, быв особенно замечен по неоднократным моим действиям, доставившим мне сие предпочтение пред прочими. Не должно было тратить времени; я взял второй баталион нашего полка, в котором находилась и моя рота, и в сопровождении австрийского колонновожатого пошел по берегу озера вправо, не зная ни местного положения, ни позиции неприятеля, но по одному стремлению ко всему великому, дабы в полной мере оправдать снисканную мною доверенность. Ночная темнота сокрывала наше следование, и она же препятствовала нам располагать местным положением. [106]

Небольшая река, выходящая из озера, не остановила нас; мы переходим ее в брод и продолжаем свой путь по тому же берегу озера. Но каменная гора, подобная стене, прилегающая к самому озеру влево, положила границы нашему стремлению и лишила меня всякой надежды исполнить поручение и достигнуть моей цели; ибо озеро подливалось под самую гору и, по неоднократном испытании, оказалось очень глубоко; с матерой же земли мы с колонновожатым не нашли ни одного по отлогости своей удобного места взойти на высоту, чему ночная темнота весьма много препятствовала, и таким образом все наши старания остались без успеха. Мой вожатый отказывается далее следовать и предлагает мне по тому же пути возвратиться в стаи; я не решаюсь; досаду на природу; честолюбие мое страдает; но, имея свидетеля в чиновнике, коему поручено сопровождать меня, я покоряюсь необходимости, иду назад и присоединяюсь к полку, а чиновник отправляется к великому князю с донесением о последствиях нашей операции; равным образом и я, обязываясь отнестись о том же корпусному начальнику, иду к Дерфельдену и нахожу его сидящим у огня за кофеем; я пересказываю ему со всею подробностью мою откомандировку, весь мой ход и по встретившимся неудобствам мое возвращение. С немецким флегматизмом выслушал он рассказ мой и с тем же хладнокровием, не отнимая чашки с кофеем от губ своих, сказал: «не я посылал вас, мне и дела нет». — Этот ответ удивил меня; он, по моему мнению, был не генеральский. Я, взглянув на него так, как он заслуживал, ушел от него и остался при своей роте, будучи спокоен в душе, что исполнил все то, чего требовали от меня честь и порядок службы. — Но генерал Миллер со своим егерским полком был счастливее меня и имел желаемый успех; ибо отлогое местоположение и удаление озера от горы, при всей темноте ночи, позволило [107] ему занять предполагаемую высоту, где он и ожидал сигнала для нападения».

«В сей день неприятельский урон был весьма велик, особенно пострадал он в преследовании и при озере Рутен; вся его потеря состояла более в убитых, тяжело раненых и потонувших; в плен взято: полковник один, несколько офицеров и до 200 рядовых... Наша потеря весьма маловажна: смертельно ранен адъютант великого князя, полковник Ланг, который вскоре и умер».

«20-го сентября. Едва утренняя заря начинала разливаться на востоке, как передовые посты, разделяемые друг от друга одною темнотою ночи, открыли действие обоюдною перестрелкою. Встрепенулись сердца русских воинов, видя столь близкую добычу своему мужеству, и потекли во след своих неустрашимых предводителей. Ни линией, ни колоннами действовать на неприятеля было невозможно, ибо позиция его была почти неприступна. С правой стороны, как я пред сим уже сказал, находилась перпендикулярная гладкая гора, составляющая границы глубокого озера Клонталер, как зеркало перед нами стоявшего; с левой стороны также гора, но с отлогостями, между которою и озером пролегла одна столь узкая дорожка, что едва трем человекам рядом идти по ней можно. И это был единственный путь, ведущий к неприятелю, расположенному по ту сторону озера, за небольшою равниною на высотах, параллельных озеру. Я повторяю: вот был единственный путь, ведущий нас ко славе или неминуемой смерти. Сама природа положила здесь границы всякому мужеству; ибо сильный неприятельский ружейный и батарейный огонь, устремленный на один пункт, где с упомянутой узкой дорожки на равнину выходить должно было, опровергал почти всю надежду овладеть высотами, неприятелем занимаемыми, или дать ему почувствовать наши силы, так как артиллерии с нами не было, кроме пьемонтских [108] горных орудий, которые, по соразмерности расстояния и своего малого калибра, были бы здесь недействительны. Что же оставалось делать, как не, призвав в помощь Сильного и свою решимость, с мужеством, или лучше сказать с отчаянием, пробиваться прямо по дороге на равнину. Авангард князя Багратиона, к рассвету опять соединившийся с нами, устремился первый: храбрые полковники Тиллер и Брауэрт и многие другие достойные вечной памяти герои пали жертвою своей неустрашимости, открывая пути на равнину. Вскоре вся узкая дорожка и в особенности ее конечность, выводящая на открытое место, так завалена была трупами убитых наших воинов, что сделалась непроходимою; хотя и с сокрушением сердца, но мы должны были стаскивать их далее в озеро и, чрез то очищая себе путь, по кучам мертвых тел своих собратий, проходить на равнину. Здесь собираясь и устраиваясь под градом неприятельских пуль, мы с авангардом немедленно выстроили линию и прямо с места с кликом «ура!» ударили в штыки на неприятеля, расположенного против нас параллельно на высоте, и в одно же время егерский полк генерала Миллера устремился на его правый фланг; сим решительным и отважным действием поколебали мы его позиции, выбили его из первого места и овладели возвышением. Здесь вторая неприятельская линия встретила нас самым упорнейшим образом, между тем как первая его отступившая линия занимала сзади подобную высоту; мы все это видели и чувствовали, что здесь-то нужно было призвать все наше мужество, дабы опрокинуть вторую перед нами стоящую линию, и стремительно бросились на нее в штыки; она не устояла, отступила назад и соединилась

со свою первую лилию. Между тем как мы производили преследование, неприятель, оставляя свою позицию, свернулся в несколько колонн и потянулся вниз по горе на противоположную обширную долину, по коей, в разных [109] направлениях извиваясь, река Линт проходила между двумя селениями Нетсталем и Нефельсом. Долина сия, на которой соединился весь наш корпус, учинилась свидетельницею нового поражения, и нечестивая кровь французов лилась по ней ручьями. Здесь мщение за смерть наших собратий и решительная предприимчивость вознесли нас выше самих себя. Я подбегаю скоро к князю Багратиону, распоряжающему впереди нашим действием, и отрывистым голосом спрашиваю его: прикажет ли он ударить мне с охотниками на одну колонну, влево отступающую? — «С Богом, храбрый товарищ (говорит он мне), поражай нечестивых!» — С сим словом его, воспламенившим более мое честолюбие, оборачиваюсь я назад и восклицаю: «товарищи! кто хочет заслужить достойный лавр героя или со славою умереть, тот следуй за мною!» — Бестрепетные, как быстрые вихри, налетели, и мы, как иступленные, с губительными штыками в одно мгновение вторглись в колонну, разрушая без пощады все человеческое; ужасный вопль и стон поражаемых не могли привести нас в содрогание, и кровь подобных нам людей, попираемая нашими ногами, не возвращала нас к чувствам, и мы истребили почти всю сию колонну. Достойный мой сотрудник, капитан Панов, пал при сем случае, сраженный роковою пулею злодея, и множество других, разделявших со мною сей достопамятный подвиг. Я, по благодати Божией, уцелел».

«Между тем преследуемый и теснимый со всех сторон неприятель разделился на две части, из коих одна, переправясь на другую сторону реки Линт по мосту, зажгла его во всех местах и, защищая переход орудиями, тем спасла себя от нашего преследования: другая его часть протянулась к д. Нефельс и заняла оную. Здесь на долине остановились мы несколько, дабы устроиться в порядок битвы; почему вытянув две линии, повели немедленно атаку на неприятеля, [110] находившегося в д. Нефельс. Тут встретили мы сильное сопротивление; ибо французы заняли всю окружность населения в поперечнике равнины, начиная с одной стороны от реки до примыкающей к ней с другой стороны горы. которое расстояние, как и во всех селениях в Швейцарии, было обнесено каменною стелою, около полутора аршина высоты. Сия стена служила им вместо шанцов, и они удерживали свое место до тех пор, как передняя линия, подойдя на соразмерную дистанцию, бросилась в штыки и выбила их из сего укрепления. Они отступили к самому селению Нефельс и, заняв оное, упорно держались; но сие первое их сопротивление было непродолжительное: они оставили деревню и заняли свою позицию на другой стороне оной, будучи там защищаемы такою же каменною стеною, какую они перед сим по сю сторону деревни оставили. Линиям нашим приказано отступить на прежнее свое место, а я с охотниками до 200 человек остался в самом селении для удержания неприятеля в занятой им позиции, ведя с ним перестрелку. Критическое положение места не позволило мне долго здесь держаться; ибо, как я выше сказал, что одна часть неприятельского корпуса, перешед за реку Линт, сожгла на оной мост и потянулась к селению Нетсталь, отделенному от деревни Нефельс тою же рекою. где чрез оную находился другой мост; следовательно, обе неприятельские части посредством сего моста имели между собою соединение, которого мы прервать не успели. Неприятель, желая подкрепить свою отступающую на сей стороне часть, шел к мосту колоннами; мне дали о том знать, и я, не подвергая себя опасности, дабы не быть отрезанным, принужден был оставить дер. Нефельс и присоединиться к своим линиям, стоявшим на равнине. Неприятель опять занял свою прежнюю позицию по сю сторону Нефельса. Мы повели на него вторично атаку линиями и принудили его опять отступить за [111] селение. Таким образом, мы постепенно уступали и опять занимали означенное селение, что ежели ослабевал неприятельский правый фланг на сей стороне, то подкреплял его левый, переходивший с той стороны реки по мосту, находившемуся в Нефельсе; а ежели мы принуждали опять левый их фланг отступать далее, то наступал их правый. Такое обоюдное действие продолжалось до самых сумерек, без всякого с обеих сторон успеха и потери, пока, наконец, мы избрали своим пунктом равнину и удержали ее за собою следующим образом. Граф Николай Михайлович Каменский, герой, на поприще военном едва расцветающий. был первый подавший сию благоразумную мысль; он с двумя батальонами своего полка и я с небольшим числом своих гренадер, простирающимся до 200 человек, собранных мною в разных местах, присоединясь к нему, остановились впереди отступивших своих линий и решились, в случае наступления неприятеля, удерживать сие место до последней крайности и тем спасти свою армию. Ночь была темная. Мы снабдили себя большим запасом боевых патронов, так что не только сумы, но и все карманы были полны ими, и мы оба, ходя по шеренгам, ободряли своих подчиненных к исполнению столь достохвального подвига, будучи почти уверены, что неприятель не оставит нас без нападения, и убеждали стоять тихо и осторожно, дабы он не мог предузнать нашего намерения, и не делать до тех пор ни одного выстрела. пока им от нас не приказано будет. Ожидание наше исполнилось в полной мере. Ночная темнота препятствовала нам видеть неприятеля и его движение, но мы слышали его постепенно к нам приближающегося и еще имели терпение выжидать его, пока наконец явственно ударяли в слух нам слова: *avance! avance!* Тогда медлить было не для чего, ибо полагали уже в самой близкой от себя дистанции, мы приказали открыть самый сильный беглый огонь и везде [112] бросались с подтверждением, чтобы, не оставляя своего места, беспрерывно продолжали огонь. Ужасные его отголоски, раздававшиеся при темноте и тишине ночной и повторявшиеся в окружных горах, еще более увеличивали выстрелов их силу, которая казалась неистощимою, и в короткое время старания наши увенчались желаемым успехом: неприятель отступил и

более уже не тревожил нас. Мы, исполнив столь спасительный и достославный подвиг, с живейшею радостью поздравляли друг друга с исполнением нашего предприятия и, отступив назад, благополучно присоединились ко всему своему корпусу, расположенному далее на равнине и в безопасности отдыхавшему вокруг зажженных огней. Авангард наш занял передовые посты, а мы предались сладостному сну, ибо других средств для подкрепления сил своих не имели. — Ах, дорог для нас сон после тягостных трудов!»

...«Мы проводим жизнь свою под кровом необозримого неба, на сырой, голой земле, на пронзительном холоду, не имея иногда на себе ни одной сухой нитки: муравьиная кочка служит нам изголовьем, и мы не чувствуем ничего, ли даже мщения сих насекомых за нарушение их спокойствия: вот как сладостен после трудов сон наш!»

...«Неприятеля полагали здесь в числе 6.000. под начальством генерала Молитора. Урон с обеих сторон, по вышеизъясненным действиям, значителен. Нам досталось в добычу одно знамя, две пушки и несколько сот пленных».

«Вдобавок к тому можно сказать, что в сем убийственном сражении одно только начало текло в надлежащем порядке и по одному чертежу, а потом ни один из наших начальников не приступал к действительному распоряжению, относящемуся к общему плану, но действовали частями только те, которые не берегли жизнь свою, не обольщали [113] себя наградами, приобретаемыми уклончивостию, протекциею и дружественными связями; но побуждаемые одною честью и благородною ревностию к славе российского оружия — стремились на отличные подвиги. Причиною такого бездействия поставляли волю фельдмаршала, которого мысль заключалась в том, чтобы пробиться сквозь сильного неприятеля и с оружием в руках, но без дальнейших последствий, проложить себе путь к Гларису, как кратчайшему пути для похода из сей бедственной Швейцарии».

В то время, когда авангард ж главные силы Суворова пробивались к Гларису, арьергард под начальством Розенберга (19-го сентября 4 т., а 20-го 7 т.) блистательно отражал атаки французов в Мутентале. Массена так был уверен в успехе, что, уезжая в Швиц, обещал в Цюрихе русским пленным привезти к ним Суворова и великого князя Константина Павловича, но обманулся в расчетах. Розенберг о своих успехах донес фельдмаршалу в Гларис рапортом, который тотчас сделался известен всем войскам. Грязев пишет:

«19-го числа, на утренней заре, получил он (Розенберг) сведение, что со стороны Швица французский 8,000 корпус, под начальством генерала Мортье, к нему приближается и намерен его атаковать. Генерал Розенберг распорядился со свойственным ему благоразумием, чтобы принять неожиданного неприятеля. В 2 ч. по полудни генерал Мортье напал на передовые наши посты, которые, с намерением отступая, наводили его на линии, расположенные на долине за монастырем; полки первой линии ударили на неприятеля в штыки; но Мортье, получив подкрепление, напал на наши фланги; тогда вторая линия устремилась на помощь и общими силами, по двухчасном упорном сражении, его опрокинули и довершили победу; неприятель побежал, его преследовали два казачьи полка по дороге к Швицу [114] около 5 верст и причинили ему большие потери. — 20-го числа, рано по утру, генерал Розенберг получает новое известие, что 10,000 неприятельский корпус, под предводительством самого генерала Массены, идет отомстить ему за вчерашнее поражение передового его корпуса. Генерал Розенберг построил свои войска на Мутентальской долине в две линии, сделал все нужные распоряжения и в боевом порядке, с философским хладнокровием, отличавшим его во всех сражениях, ожидал своего сопротивника, славнейшего республиканского генерала тогдашнего времени. И действительно: Массена, зная, что российские войска, под предводительством самого Суворова, находятся в Мутентале в нерешимости, куда обратить им свое направление после несчастного Цюрихского дела, к которому Суворов через Швиц намерен был следовать для соединения с Корсаковым: но Массена, предварительным своим ударом опровергнув счастливо сей план и обольстясь полученным им успехом над генералом слабым, гордым и самолюбивым, решил испытать свои силы с первейшим, непобедимейшим из героев, а если возможно — нанести ему столь же гибельный, конечный удар, как и Корсакову. Но как же обманулся он: Суворов пожинал тогда новые лавры под Гларисом, а в Мутентале оставил по себе вождя, столь же мудрого, неустрашимого и опытного старца-героя, каков был Розенберг. В сем-то предположении Массена послал 8,000 корпус с генералом Мортье атаковать российские войска в Мутентале, а сам с 10,000 корпусом следовал за ним на подкрепление. Но как покушение первого корпуса имело пагубные для него последствия, и Массена встречает его разбитым, бегущим, — он собирает его остатки, присоединяет к своему корпусу и спешит отомстить честь своей великой нации. В 10 ч. утра является уже он на Мутентальской долине и с торжествующим духом Цюрихского победителя [115] ведет свои войска к атаке. Его встречает один наш мушкетерский полк, который, по распоряжению генерала Розенберга, должен был только отстреливаться и, отступая, наводить французские войска на наши линии, выстроенные в долине, и потом примкнуть к левому флангу. Все это исполнено с быстротою, и Массена увидел против себя две линии, в боевом порядке построенные. Он атаковал их сильным ружейным огнем и из орудий. Розенберг стоял, как неподвижная скала, не сделавши с своей стороны ни одного выстрела; но сия мнимая тишина готовила врагам ужаснейший удар, подобный грому, бываемому в тихий, знойный день. Массена недоумевал и почитал уже русских своею верною добычею, — как неустрашимый Розенберг, подпустя неприятеля на самую близкую

дистанцию, мгновенно раскрывает тайну своего маневра и с места бросается на неприятельскую линию в штыки; в то же время вторая его линия делает свой маневр вправо и влево и, вторгаясь в оба фланга неприятеля, поражают его со всех сторон ужаснейшим образом. Массена не верит глазам своим, чтобы из такого спокойного состояния могла произойти столь быстротекущая машина; но расстройство его армии и беспорядочное отступление оной наконец убедило его в истине сего неимоверного события. Он еще повелевает, устраивает, собирает остальные свои силы, но тщетно: мужественные герои севера, не давая неприятелю опомниться, поражают его на всех пунктах, и надменный Массена, оставляя поле сражения, спасается бегством; армия его в беспорядке ретируется; торжествующий Розенберг преследует ее почти до самого Швица; еще поражает; берет большими частями в плен; рассыпает остатки ее по горам и по лесам и возвращается на Мутентальскую долину опочить на лаврах своих. — Вот главный абрис сих двух блестящих сражений, переданный мне изустно непосредственным участником оных! — И сей-то [116] великий старец-герой, сей-то ревнитель славы российского оружия, с опытностью и воинскими талантами, страдал во всю почти кампанию от низкого мщения, зависти и черной клеветы!»

«В оба сии сражения урон неприятеля состоял в 4,000 убитыми всякого чина, в том числе генерал Лягурье, и во множестве раненых; в плен взято: генерал Лекурб; полковников 3; штаб и обер-офицеров 37; нижних чинов - 2,780; отбито: знамя 1; единорог 1; пушек с их снарядами 10; да сверх сего в первое сражение одна, которая заклепана и зарыта в землю. — Была потеря и с нашей стороны, которая, по малочисленности нашей армии, довольно ощутительна».

«О, сколько сие известие порадовало нас, сколько оно придало нам новых сил и доверенности к своим непобедимым мудрым вождям, и от чистого сердца благодарили судьбу, что она не наказала нас подобными Корсакову. Сверх сего рассказывали мне еще прекраснейший анекдот насчет почтенного генерала Розенберга: когда после второго сражения возвратился он на Мутентальскую долину и лег опочить от трудов своих под таким же древним деревом, как и сам, адъютант его подходит к нему и докладывает, что привели пленных французских чиновников и в том числе генерала Лекурба; Розенберг отворачивается от него и с хладнокровием говорит: *«не хочу я твоего Лекурба⁵, подай мне Массену»* — и умолк».

После боев 19-го и 20-го сентября Массена не решился преследовать Розенберга, потянувшегося чрез гору Брагель на соединение с остальными силами русских. — Оставив для [117] занятия Мутенской долины 6 батальонов, французский главнокомандующий с прочими войсками пошел кружным путем чрез Эйнзидельн на соединение с Молитором.

Суворов стоял в Гларисе до 23-го сентября, пока не подошел Розенберг. Остатки русской армии, собравшейся в долине Линты, были в ужасном положении: изнуренные беспримерным походом, продолжительным голодом, ежедневными боями, оборванные, босые, почти без артиллерии и патронов. В таком состоянии русским оставалось одно — уйти через снеговой хребет *Ринген-копф* в долину Рейна к Иланцу. Отсюда Суворов мог идти правым берегом реки на Кур и Фельдкирх, здесь присоединить к себе обозы и полевую артиллерию, посланные кружным путем из Италии, и затем соединиться с корпусом Корсакова. Созванный Суворовым военный совет остановился именно на этом решении.

В 1 ч. ночи на 24 сентября русские тихо снялись с позиции и двинулись к Эльму в таком порядке: в авангарде шел Милорадович, за ним вьючный обоз, далее остальные войска Розенберга и Дерфельдена; в арьергарде следовал Багратион. Австрийская бригада Ауфенберга ушла к Иланцу еще 21-го сентября. Численность русских уменьшилась до того, что у Багратиона осталось всего 1,800 из 3,000 выбывших при вступлении в Швейцарию.

С самого начала «дорога была весьма трудная; чрез небольшую гору из черного аспида, коего слоистые плиты во многих местах образовали широкие ступени, подобно лестнице, ведущей на поверхность горы; чернота, повсюду в окружности зримая, представляла всю природу в печальной одежде и, казалось, потемняла и самый воздух. Такое необыкновенное явление несколько раз останавливало шаги мои, дабы подивиться чудесной игре природы, столько обильной своими произведениями. — Наконец, прибыв к селению Эльм [118] мы остановились. Наш авангард оставлен был в арьергарде, для прикрытия нашего пути. Неприятель не оставил его без нападения; но как главные герои авангарда за все понесенные ими труды, за славу, ими приобретенную, были вполне ущедрены отличиями, то и перестали уже заботиться о сохранении своей обязанности, но оставили своих подчиненных на произвол случая, отчего наш авангард, доселе непобедимый, довольно пострадал в ретиреде и едва мог присоединиться к главному корпусу, на который неприятель нападать уже не осмеливался и скрылся опять в горы. Хотя к сему авангарду, в достоинстве начальников, были прикомандированы из волонтеров какой-то граф Цукато, полковник и другие какие-то, но будучи неопытны и не имея того духа, с каковым бы им надлежало повелевать и распоряжаться действиями, ослабили только силу сей движущейся машины и привели ее в расстройство. К сожалению моему, я должен был сказать сию горькую истину; ибо последствием сего было то, что обольщенный своею удачею неприятель приблизился до самой Эльмской равнины и, пользуясь темнотою ночи, покусился было напасть на весь наш корпус, но будучи упорно встречен передовыми постами и охотниками, принужден был оставить свое намерение и более нас не тревожил; со всем тем, мы во всю ночь стояли в готовности, заняв должную позицию и не имея огней, как опасной вещи, могущей подать ключ к его намерению».

Если Грязев в приведенном отрывке и бросает тень на начальников, то, может быть, под влиянием вообще тяжелых обстоятельств. По другим источникам, действиями арьергарда руководил сам Багратион и притом весьма искусно, при всякой возможности переходя в наступление и давая отпор наседавшим французам, чем и обеспечил спокойное движение всей армии. 25-го сентября переход продолжался. [119] — «В 4 ч. по полуночи начали мы подниматься на гору, называемую Бинтнерсберг, каменистую, крутую, высокую и для перехода весьма трудную и опасную, как для нас самих, так в особенности для вьюков наших и лошадей. Пройдя каменистую часть сей горы, мы переступили на покрытую снегом, а далее и выше и на ледяную, которая состояла в одних огромных слитках из нечистого и сорного льда. Взойдя с великою трудностию на сию поверхность, равняющуюся текущим в атмосфере облакам, почувствовали мы совсем другой воздух, стесняющий наше дыхание. С сей ужасной высоты должны были опять спускаться в противоположную сторону горы по крутому и скользкому утесу, где каждый шаг мог быть последним в жизни, или угрожал смертью самую мучительнейшую; но как другого пути не было, следовательно должно было решиться по нем спускаться и отдать себя на волю случая. Лошадей наших, не только со вьюками, но и простых, сводить было невозможно: их становили на самый край сей пропасти и сзади сталкивали в онаю. Сие обстоятельство действительно зависело от случая: иные оставались безвредны, но многие ломали себе шею и ноги и оставались тут без внимания со всем багажом своим. Другие падали еще на пути, или истощавшие от бескормицы, или разбившиеся ногами от лишения подков и обломавшие копыта, или обрывались в стремнины без возврата. Но люди были еще в жалостнейшем положении, так что без содрогания сердечного на сию картину ужасов смотреть было невозможно. Вся наша армия и полки перемешались, рассыпались; всякий шел там, где хотел, избирая по своему суждению удобнеее место, кто куда поспел; как кому его силы позволяли; питательности для подкрепления их не было ни малейшей; слабейшие силами упали и платили решительную дань природе; желавшие отдохнуть садились на ледяные уступы и засыпали тут вечным сном: идущие останавливаемы [120] были холодным и противным ветром, с дождем и снегом смешанным, который тогда же на них и замерзал; все почти оледенело, едва двигались и боролись со смертью. Не было нигде прибежища к успокоению, не было ни щепки развести огонь для обогрения остывших членов; лафеты горных орудий и дротики казаков, как вещи совсем уже не нужные, послужили только малою пищею огню и помощью для весьма немногих, в числе коих находились наши почтенные начальники и великий князь Константин, который первый подал мысль к обогрению себя лафетами и дротиками. Все тягости на себе несомые разбросали или растеряли, даже и самое оружие, как первое охранение воина; всякий мыслил о себе собственно; никто не мог повелевать, и всякое повиновение исчезло; но всякий повиновался обстоятельствам и настоящему своему положению. Путь, которым многие опускались в сию пропасть и сталкивали, как я выше сказал, своих лошадей, столько был смят и обезображен, что он сделался еще опаснее, и при воззрении на него подумать было невозможно, чтобы по нем спускаться. Предприимчивые проложили себе другой путь, хотя и по весьма крутому утесу, но покрытому свежим, со льдом смешанным снегом. Я, генерал граф Каменский и его адъютант — составляли товарищество в продолжение нашего хода по сей ужасной горе. Мы, подошед ко вновь открытому пути, изумились, увидевши пропасть, в которую должны были спускаться по крутому и снежному утесу между высунувшихся повсюду острых и огромных камней; но чем далее мы размышляли, тем более наши страхи увеличивались; время было дорого, и наконец, призвав спасительную Десницу в помощь, решились спускаться, но не по примеру других, а по своему: мы уселись рядом на край пропасти, подобрав под себя свои шинели, и покатались подобно детям с масляничной горы; единственное наше спасение состояло в том, [121] чтобы со всею своим стремлением не попасть на камень, который бы мог не только причинить нам вред, но и раздробить на части; однако, благодарение Всевышнему, мы скатились в самую глубину пропасти без всякого повреждения, кроме сильного испуга, или чего-то сему подобного: ибо сердце мое замерло, и я не чувствовал более в себе его трепетания. Мы не могли опомниться даже и тогда, как остановились уже на одном месте; но майор Владыкин, сошедший прежде нас, понял наше окаменение и раскричал нас... Мы пустились продолжать наше странничество. Сим последним нашим действием наши опасности не только не миновались, но нам предстояли еще бОльшие. Из сей пропасти; должны мы были опять подниматься на весьма крутой каменный и оледенелый утес противу низвергающегося с высоты водопада влекущего за собою камни и черные глыбы земли; некоторые из наших товарищей, в виду нашем, соделались его жертвою. Здесь глаза мои встречали нашего неутомимого вождя, бессмертного Суворова. Он сидел на казачьей лошади, и я слышал сам, как он усиливался вырваться из рук двух шедших по сторонам его дюжих казаков, которые держали его самого и вели его лошадь; он беспрестанно говорил: «пустите меня, пустите меня, я сам пойду!» — Но усердные его охранители молча продолжали свое дело, а иногда с хладнокровием отвечали: сиди! — И великий повиновался! — Должно было восходить на крутой и оледенелый утес; всякий спешил, теснился, опереживал один другого и не ведал судьбы своей, где надлежало ему умереть, одним шагом вперед или назад. А как на сей утес должно было входить не иначе, как по одиночке, то взошедший принимал другого, внизу стоящего, и помогал ему подниматься на последний крутой уступ, и таким образом дошла очередь до меня; мне подали руку, и я, взойдя на скалу, несколько приостановился поднимать за мною следующего, в том намерении, чтобы передним [122] дать несколько пройти и избавиться опасной тесноты; потом, сделавши все, чего требовала взаимность,

продолжали свой путь по весьма узкой, оледенелой и к стороне пропасти покатою тропинке, где один неверный шаг, сделанный по случаю или неосторожности, мог бы повергнуть невозвратно в неизмеримую пропасть, что с некоторыми и случилось; но одно страдание было все, что могли мы тогда чувствовать, но ни помочь, ни спасти были не в состоянии. Продолжая таким образом путь наш по сей роковой тропинке, мы почувствовали, что стали склоняться ниже к отлогости горы; вместо снега и льда глиняное и вязкое подножие останавливало часто шаги наши от бессилия, где непроницаемая мгла или густой туман и мрачная завеса ночи увеличивали еще более трудности и отнимали последнюю бодрость и надежду, единственную утешительницу смертных, найти в будущем какое-либо прибежище и успокоение; но спустясь еще ниже, достигли мы в одной глубокой лощине густого леса около полуночи — это я; сколько же оставалось еще позади меня с такими же опасностями и в такое время; оно принудило многих остаться в самом жалостнейшем положении, и тогда-то россияне должны были собраться с последним своим мужеством, дабы преодолеть природу, в которой имели страшного и непримиримого врага. — Сей дремучий лес учинился первым прибежищем, где всякий искал своего успокоения, какого только можно было ожидать от сего дикого вертепа, но по крайней мере отогренив застывших своих членов; я не говорю уже — подкрепления сил своих, ибо нечем было, да и на ум не шло. Разводили огни; мгла не допускала подниматься курению; дым расстилался по земле, и горечь была несносна. С одним себе спутником я пошел далее, в намерении найти что-нибудь лучшее, — попал в ручей по поясу, меня вытащили, я еще шел, но ужасная темнота и незнание пути наконец остановили меня; я завернул в густоту [123] деревьев, весь мокр, весь в грязи, измучен усталостию, растерзан скорбию, бросился я на сырой мох, но ужасный холод, приводивший всю внутренность мою в содрогание, не позволил мне долго оставаться в таком положении; я вскочил, наломали мы ошупью сучьев, высекли огню, кое-как развели и имели много терпения, чтобы довести его до такого положения, которое бы могло наградить все наши заботы. К нам присоединились и другие товарищи; ибо огонь, как магнит, притягивал к себе всех проходящих и требующих подобного успокоения. Мы усилили огонь, при свете коего нашли множество сухих сучьев и столько отогрелись, что могли скинуть с себя все верхнее платье, дабы, развеся оное по сучьям, очистить его от грязи и высушить. В таких упражнениях протекла остальная часть ночи, и благодетельный сон во все время не появлялся ни на минуту; виденная картина ужаса и страдания и участие, самим принимаемое, совсем отогнали его».

«26-го сентября. Разливающаяся на востоке заря возвестила нам пришествие нового дня и с оным, может быть, и новых опасностей; но надежда собирала нас опять вместе, и мы пустились на продолжение нашего пути. Через несколько часов хода по низким местам, облеченным туманом, пришли мы в селение *Фреймс*, где нашли уже много своих товарищей, и здесь приостановились, дабы дожидаться и последних. В полдень потянулись мы опять частями к местечку *Иланс*; и хотя дорога продолжалась небольшими пригорками, но довольно хорошая, и мы к вечеру заняли местечко Иланс, где нашли для себя добрую пищу, подкрепившую несколько наши истощенные силы и самое воображение с надеждою; ибо мы вышли уже совершенно из Альпийских гор, а потому и избавились подобных опасностей».

«27-го сентября. В 10 ч. утра тронулись мы из местечка Иланс, шли междугорьем и зеленеющими лугами до берегов [124] реки *Рейна* и оными вдоль по ее течению; иногда различными своими направлениями отходила она в сторону, скрываясь за пригорками, но опять появлялась и услаждала взор наш своим величественным течением. Как богаты и великолепны берега реки сей, равным образом и довольно населены. За 3 версты до города *Хура* (Кур) перешли мы через нее по деревянному прочному мосту, где она довольно широка, и, пройдя сей небольшой город в 11 ч. вечера, остановились близ одного на обширной равнине».

«28-го и 29-го сентября. На сем же месте — для ожидания всей нашей расстроенной армии, где наконец и собрались. Сюда же прибыли и спасшиеся от гибели наши лошади с вьюками; в том числе и моя; число их было незначительно. Здесь, при хорошей пище, почувствовали мы наконец, что вышли из сей бедственной Швейцарии, и благодарили за то Бога».

Мало того, — по свойству русской природы, солдаты уже шутили над минувшими страданиями и подчас распевали веселые песни. В Куре русские передали в руки австрийцев 1,400 пленных французов, выведенных из Швейцарии, а сами 30-го сентября продолжали путь и 1-го октября прибыли в *Фельдкирх*, где и расположились лагерем. Так окончился Швейцарский поход. Цель его не была достигнута, не удалось вытеснить французов из Швейцарии, но собственно для русских войск неудачный поход принес больше чести, нежели самая блистательная победа. — Горсть русских, заброшенных в самую недоступную часть Альпийских гор, непрерывно боролась с суровой природой, переносила тяжкие лишения и, несмотря на изнурение, героически дралась везде, где только встречалась с неприятелем. Грозные Альпы со своими снежными вершинами, отвесными ребрами, мрачными ущельями не испугали наших войск. Смело проходили они с артиллерией и вьюками там, где до них ступала только [125] нога дикой козы или привычного охотника. В одном месте попала многознаменательная надпись на скале: «Здесь прошел пустынный». Сколько раз приходилось взбираться на снеговые хребты и, дрожа от стужи, перебираться в брод выше колен через быстрые горные потоки. Часто темные облака охватывали колонну густым туманом? обдавали холодной влагой до того, что люди мокли как от проливного дождя. Окутанные сырой мглой — они все-таки продолжали карабкаться ошупью, не видя ничего вокруг себя. А снизу доносятся глухие

раскаты грома, сквозь густой туман сверкает молния; срываемые бурей огромные камни с грохотом катятся в бездну. Иной раз промокших до костей солдат застигает вьюга, засыпает снегом; мокрая одежда покрывается ледяной корой. А на ночлеге снег или голый камень, — и ни прута, чтобы обогреться, и ни крохи, чтобы поесть. Оставаясь по нескольку дней без продовольствия, солдаты добродушно и по-братски делились со своими начальниками ничтожными крохами, какие находили в ранцах убитых французов. При всем этом ни ропота, ни жалоб, ни уныния. Как и всегда, русский солдат был преисполнен до самозабвения чувством долга. Французы были лучше снаряжены и больше имели опыта в горной войне, зато русские брали отвагою и штыком, которым работали на славу, хотя и на голодный желудок.

Швейцарский поход, по справедливости, есть венец воинской славы и самого Суворова. Недаром Массена говорил, что он отдал бы все свои походы за один Суворовский в Швейцарии. Нужен стальной характер, огромный военный опыт, знание своего солдата, тесная связь с ним, магическое влияние на войска, — чтобы не становиться перед внезапно возникавшими, почти непреодолимыми препятствиями. В минуты крайних затруднений Суворов говорил: «Не дам своих костей врагам. Умру здесь, и пусть на могиле моей [126] будет надпись: Суворов — жертва измены, но не трусости»... Грандиозный поход русских поразил воображение современников: он казался им делом каких-то исполинов, а самого Суворова суевверные граубинденцы смешивали с горным духом Рюбецалем. Распространившаяся между горами легенда гласит, что будто много лет после смерти Суворова не раз видели его на высях С.-Готарда верхом на серой лошади; что в горных теснинах и ущельях верхней Рейсы неоднократно появлялась тень седого старика и огненными глазами осматривала утесы, обгаренные русскою кровью...

Примечания

¹ Пришлось ограничиться 7-ми-дневным запасом продовольствия; достигнув Швица и войдя в связь с Римским-Корсаковым, Суворов рассчитывал уже от него получать потом все необходимое.

² Мы не касаемся здесь разбора общего плана операции, принятого Суворовым. Все писатели, разбиравшие Швейцарский поход, обвиняют князя Итальянского за выбор пути через С.-Готард. Жомини, Венансон и Клаузевиц считают путь через Шплюген более выгодным, эрцгерцог Карл отдает предпочтение дороге через гору Бернардин. Мы, признавая план Швейцарского похода весьма сложным, на этот раз уклоняемся от выражения окончательного своего заключения. Для интересующихся чрезвычайно важным вопросом об оценке плана Суворова приведем мало известные письма адмирала графа Ф. П. Литке, профессора Г. А. Леера и доктора русской истории графа Д. А. Милютину.

«8-го апреля 1856 г. Прочел я снова все относящееся до Альтдорфа (*Т. е. Швейцарского похода Суворова*), и прежнее впечатление остается неизменным. — Завесть армию в кут мешка, откуда выход только через горы, по козьим тропинкам, — это такая чудовищная ошибка, что стоило бы сказать несколько слов в объяснение, как она могла случиться?»

Сказанное на стр. 18, 20 и 59 (Истории войны России с Францией), не удовлетворяя читателя, заставляет его только догадываться, что тут было что-то неладно, qu'il y a un dessous de cartes, и желание его узнать, как именно было дело, в этом случае очень законно. Если нельзя дать ему объяснения, то нужно было предложить хоть догадки. А коли и того нельзя, то сказать напрямик, что обстоятельство это, чуть не погубившее в конце всю армию, остается совершенно необъяснимым. Читатель успокоится тогда: «на нет и суда нет». А то он остается теперь в каком-то неприятном недоумении». Литке.

По поводу этого письма графа Литке к гр. Д. А. Милютину и слов, сказанных первым о Швейцарском походе Суворова, генерал Г. А. Леер 27-го мая 1887 г. сообщил следующее:

«Сколько раз мне ни приходилось читать сочинение гр. Милютина «Война 1799», я всегда оставался далеко не удовлетворенным теми обстоятельствами, которые он дает выбору Суворовым операционного направления на С.-Готард, предпочтительно перед направлением на Салуген. Последнее вело к предварительному соединению с войсками Линкена, Готце и Корсакова (одно из основных правил стратегии и тактики: сначала соберись, а потом дерись) и представляло вдобавок удобный путь. Первое, правда, угрожало правому флангу и сообщениям Массены, но при этом жертвовалось соединением с Линкеном, Готце и Корсаковым, или, вернее, оно становилось в зависимость от явления, всегда более или менее случайного, от победы, и вдобавок это направление представляло путь крайне неудобный, прорывавшийся у Альтдорфа, так как из долины р. Рейсы в долину р. Линты ведут только тропы».

«Несмотря на это, Суворов отдает предпочтение *первому* операционному направлению перед *вторым* и делает великую стратегическую ошибку (самый капитальный вопрос стратегии, это —

правильный выбор операционной линии, т. е. правильный выбор цели и направления), чем ставит армию в критическое положение, продолжающееся без перерыва в течение 16 дней, с 13-го по 30-ое сентября, и особенно резко обозначающееся в Шахентале, Муттентале и Линтале. Читая описание этих тяжелых минут, поражаешься ужасом и ожидаешь ежеминутной гибели наших войск. До этого, однако, дело не доходит, и войска наши спасаются *гигантскою энергиею* Суворова. В этом отношении Швейцарский поход Суворова не имеет ничего себе подобного во всей военной истории. Лучшим судьбою в этом деле является сам победитель Суворова, Массена, который высказал, что он готов был бы отдать все свои походы за один Суворовский — Швейцарский».

«Итак, что же по внутреннему своему содержанию представляет собою Швейцарский поход Суворова? По моему мнению, это — *гениальное искупление* (по энергии в исполнении) *великой стратегической ошибки*. Основываясь на нем, вероятно, Наполеоном I и была сделана характеристика Суворова, а именно, что *у него не было ума великого полководца, а была душа великого полководца*». (Этот отзыв, само собою разумеется, должен быть понимаем в смысле решительного перевеса гигантской воли Суворова над его тем не менее *великим умом*).

«Объяснениями гр. Милютин граф Литке не удовлетворяется, да и едва ли кто-нибудь будет ими удовлетворен (Ч. II, стр. 200-202), — что Суворов предпочитал действия самые быстрые и решительные (но это не исключает ни безопасности, ни удобства направления); что Суворов в этом положился на австрийцев, на полковника Вейротера, введшего его в заблуждение насчет пути через С.-Готард, Альтдорф и проч.».

«Все это не оправдывает Суворова, так как по своему ли плану полководец действует, или по внушенному ему извне, слава при успехе и порицание при удаче падают исключительно на него одного как на лицо, принявшее на себя ответственность за его исполнение».

Граф Д. А. Милютин, по поводу вышеизложенной заметки генерала Леера, между прочим, сообщил в своих письмах (из нынешнего его местопребывания на южном берегу Крыма, от 2-го мая и 21-го июля 1887 г., следующее. Что касается до замечания графа Литке, касательно Швейцарского похода Суворова, то гр. Милютин не признал нужным сделать во 2-м издании какое-либо изменение. Он находит вполне выясненным в своем рассказе все то, что гр. Литке считал недоказанным. При этом гр. Милютин говорит, что историк должен так излагать события, чтобы связь их и причины высказывались сами собою в самом рассказе, не нуждаясь в дидактических толкованиях и рассуждениях автора. С точки зрения теории стратегии, упоминает гр. Милютин, критический разбор генерала Леера может быть вполне основателен. С своей стороны, гр. Милютин и не принимал на себя роли защитника или панегириста Суворова, особенно в отношении стратегии. В качестве историка, он не считал себя призванным делать критическую оценку стратегических способностей нашего знаменитого полководца. Он писал историю чисто объективно, ставил себе целью *изобразить* верно и наглядно, что и как происходило и под какими влияниями. *Судить* же о том, следовало ли поступать так или иначе, хорошо или худо поступлено, — он не считал своею задачею.

³ Со стороны Глариса, Швица и Альтдорфа.

⁴ Т.е. Грязев.

⁵ На самом деле в плен был взят не Лекурб, а генерал *Лакур*, названный в подлинной реляции Розенберга *Лакург*, а в реляции Суворова превращенный в *Лекурб*. Известие Грязева об убитом генерале Лягурье возбуждает сомнение, хотя это известие имеется и в подлинных реляциях Розенберга и Суворова.

Возвращение Суворовских войск из Швейцарии, в 1799г.

(по запискам Грязева).

I. На квартирах в окрестностях Линдау.

[127] Швейцарский поход Суворова в 1799 г., столь сильно поразивший воображение современников и оставшийся высоко поучительным памятником для потомства, окончился, однако, неудачей для союзников: в октябре 1799 г. русские и австрийцы окончательно очистили Швейцарию (исключая Граубиндена), а французы заняли ее.

Какие причины привели к такому исходу? Все писатели, разбиравшие швейцарский поход, обвиняют русского полководца за неправильный выбор пути действий (операционной линии) через Сен-Готард — путь трудный, прегражденный противником, но зато короткий и выведший Суворова на фланг и даже в тыл расположения французского главнокомандующего Массены, на хребте Альбис, и угрожавший сообщениям неприятеля с отечеством, что фельдмаршалу следовало идти кружным путем через Шплуген или гору Бернардину, далее по долине верхнего Рейна, для предварительного соединения с австрийскими корпусами Линкена и Готце и русским Римского-Корсакова, и лишь затем атаковать Массену соединенными силами. Если бы подобная ошибка в действиях [128] Суворова действительно существовала, то прежде всех и яснее всех должен был бы ее сознать сам гениальный старик; он мог в ней не признаться, но не мог не отдать самому себе отчета во всем происходившем. Между тем, в переписке с австрийским главнокомандующим, эрцгерцогом Карлом, о возобновлении вторжения в Швейцарию, в октябре 1799 г., Суворов начертывает план, представляющий точную копию его первого, сентябрьского плана; очевидно, полководец вовсе не потерял веру в прежние приемы своей стратегии, а видел причины неудачи совсем в другом. Сравнение планов сентябрьского и октябрьского настолько важно, что мы остановимся на этом вопросе несколько подробнее.

Сентябрьский план действий фельдмаршала уже был изложен раньше (см. стр. 81-84); что же касается октябрьского, то обстановка сложилась следующим образом.

У Массены было около 60 тысяч. Большая часть этих сил (45 т.) располагалась по северной границе Швейцарии, от Базеля до Боденского озера, при чем около последнего, по реке Тур, войска были сосредоточены наиболее густо. Остальные 15 тысяч тянулись по длиннейшей линии от Боденского озера, в долине реки Линта, к долине верхнего Рейна до Сен-Готарда.

Войска союзников разделялись Боденским озером на две группы: первая (австрийцы эрцгерцога Карла, французские эмигранты принца Конде и русские войска Римского-Корсакова, всего до 60 т.) по Рейну к западу от Боденского озера, а вторая (австрийцев 16 т. и русских, Суворова, 15 т.) по долине верхнего Рейна к югу от Боденского озера до города Кур.

Предположения Суворова состояли в том, чтобы, оставив часть войск для обеспечения тыла, с 22-25 тысячами русских и австрийских войск своей группы, перейти через [129] верхний Рейн около Фельдкирха и наступать через Сен-Галлен к Винтертуру, т.е. во фланг и тыл главной массы французов; в то же время из группы, расположенной к западу от Боденского озера, корпуса Римского-Корсакова и принца Конде с частью австрийских войск эрцгерцога Карла должны были вступить в Швейцарию с северной стороны; по соединении всех сил на реке Туре, Суворов полагал продолжать наступление к Цюриху и отбросить неприятеля за реку Лимат.

В этом плане мы видим, что Суворов предполагает действовать двумя разделенными массами, от окружности к центру, против неприятеля, находящегося внутри этой окружности (выражаясь языком стратегии — «по наружным операционным линиям»); предварительного сосредоточения сил нет; важнейшую операцию действий — во фланг и тыл — фельдмаршал возлагает на массу, бывшую под его непосредственным начальством и долженствовавшую идти по кратчайшему направлению.

Не есть ли это точнейший сколок с его сентябрьского плана? Тогда он также предполагал одною частью, под своим начальством, идти через Сен-Готард во фланг и тыл Массены, расположившегося на хребте Альбис, около Цюрихского озера, а другой (Римского-Корсакова) — действовать с фронта от Цюриха. Замечательно, что те же самые писатели (Жомини и Клаузевиц), которые порицают сентябрьский план Суворова, одобрительно отзываются об октябрьском и признают, что не было достаточной причины отвергнуть этот последний план, а Клаузевиц считает весьма вероятным, что наступательные действия, предположенные русским полководцем, имели бы полный успех и французы скоро покинули бы все пространство к востоку от реки Лимат и Цюрихского озера. [130]

Положения теории горной войны совершенно сходятся с и планами Суворова. Для подтверждения

этого сошлемся на профессора генерала Г. А. Леера. В III части «Стратегии» (издание первое), на стр. 10, он указывает на опасность стратегических обходов в горах, но, в конце концов, говорит, что «в горных странах (какова Швейцария) главное давление должно быть перенесено преимущественно на фланги противника»; припомним, что Суворов в обоих планах (сентябрьском и октябрьском) прибегал именно к стратегическому обходу и направлял главный удар против фланга и тыла Массены. Далее, на стр. 12-й, генерал Леер говорит: «К особенностям горной войны следует отнести и неизбежный, по местности, разрыв стратегического фронта действующих войск, нарушение связи между отдельно наступающими по долинам колоннами». Это положение теории как раз и следует из образцов, данных Суворовым, относительно разделения своих сил, и нисколько не противоречит действиям великого полководца. Еще резче об этом говорит тот же писатель на стр. 22, излагая приемы действий атакующего в горной стране: «В таком случае опасно, да редко и можно будет, двигать главные силы по одному направлению совокупно, так как, войдя в узкую и длинную долину, они легко могут быть окружены и заперты неприятелем. Здесь придется уже наступать более широким фронтом по двум, трем долинам, по возможности, концентрически сходящимся»...

Итак, планы Суворова, как то можно было предвидеть и заранее, совершенно согласны с основаниями военной науки, черпающей эти основания именно из действий великих мастеров военного искусства. Однако, плану Суворова не суждено было осуществиться, несмотря на полную вероятность ожидать от него самых лучших результатов. Столковаться с австрийцами относительно совместных действий было трудно, [131] ибо даже самые политические цели союзных держав (Австрии и России) были так различны, что в действиях союзных армий не могло быть единства: рано или поздно и последняя связь должна была окончательно порваться. Уже 3-го октября фельдмаршал доносил императору Павлу: «Многочисленные уведомления нам подтвердили, что эрцгерцог во всем откажется, как то ежевременно чинить. По сему уважению теряем всю надежду...» Военный совет, собранный русским главнокомандующим, единогласно решил, что «кроме предательства, ни на какую помощь от Цесарцев нет надежды; чего ради наступательную операцию не производить; но для необходимейшего направления войск, остановиться на правом берегу Рейна».

Эрцгерцог Карл предложил Суворову съехаться в г. Штоках для личных переговоров о предстоящем наступлении, но умудренный опытом старик знал, что из подобных переговоров толку не бывает, а потому отклонил свидание, в письме же к графу Толстому, выражался так: «юный генерал эрцгерцог Карл хочет меня околдовать своим демонством». Суворов и в прежние войны тщательно избегал подобных личных переговоров с австрийцами, объясняя это так: «чорт ли с ними сговорит» и считал самым приличным «предоставить диалектику деньщикам».

Пока шли переговоры и переписка с австрийцами относительно предстоящих действий, войска Суворова стояли по квартирам в Линдау и окрестностях. Сюда к 9 октября пришли на присоединение и корпуса Римского-Корсакова и принца Конде. Пребывание в Линдау г. Грязев описывает следующим образом:

« 5-го октября в шесть часов утра выступили и, продолжая свой марш чрез город *Брегенц*, лежащий при обширном *Констанцском* озере, потянулись по берегу оною [132] и, не дошед за версту до города *Линдау*, остановились. Сей последний город есть прекраснейший: он лежит на острове Констанцкого озера, отделяющемся от матерой земли со входа длинным болотом, чрез которое сделан деревянный мост на сваях. Город обнесен каменною стеной и укреплен бастионами, валом и рвами так, что может похвастаться в числе крепчайших городов, не столько по укреплению, сколько по местному своему положению. Город богатый; он производит обширную торговлю посредством водяной коммуникации, как она распространяется ему позволяет; ибо здесь есть пристань, где нагружаются суда, назначаемые к отправлению, равным образом и для приходящих сюда. Соображаясь с характером Немцев, он есть веселейший во всей Швабии. В сие время было здесь много Швейцарцев, удалившихся из своего отечества для сохранения своих имуществ и спокойствия от обстоятельств бранных; много и французских эмигрантов, кои провождают здесь блаженную жизнь, но все они не иное что есть, как шпионы. Город сей исстари есть вольный и независимый, по поводу чего и всех жителей почитали якобинцами, и если они не обнаруживались совершенно, то единственно от того, что он всегда был занят войсками, с того времени, как принудили Французов его оставить; но их система будет здесь иметь всегда верное прибежище. Город имеет свой собственный гарнизон, составленный из жителей сей страны, который заключает в себе один полк, устроенный по образцу егерей; люди прекрасные ж одеты в короткий, темнозеленого цвета, мундир с черными к оному принадлежностями. По случаю нашего сюда вступления весь полк был собран и делал парадный марш чрез город. — В ночи случилось с нами здесь весьма неприятное происшествие, состоящее в следующем: как я уже сказал, что мы остановились на самом берегу Констанцкого озера, где, поделав себе из ветвей шалаши, благополучно [133] в оных расположились. Но умные наши начальники того не предвидели, или не умели взять предосторожности на щот озера, которое имеет свои отливы и приливы: В полночь, когда уже все войско предалось глубокому сну, последовал в озере большой прилив, вода вышла из берегов и затопила весь наш лагерь, и мы не прежде могли оное почувствовать как вода покрыла уже наши плечи; Надобно было видеть, какое волнение произвело сие обстоятельство во всем войске: всякой

спешил забирать свои вещи и муницию и бежать по воде далее в гору; но все это кончилось только одним испугом и беспокойством, с каким мы провели остаток ночи, и сверх того, вымочило платье и все вещи. Ночь была холодная и многие получили от того простуду, в числе коих и я пострадал весьма сильным ревматизмом во всей правой стороне, которою лежал на земле; но оный обнаружился уже в течение долгого времени и имел весьма вредные для меня последствия».

«8-го октября, по распределении присоединившегося к нам корпуса генерала Корсакова к нашим двум корпусам генералов Розенберга и Дерфельдена, основались: первого — главная квартира в местечке *Дорнбирне*, куда поступил и наш полк, а последнего — в городе *Брегенце*. И потому 8-го октября мы, снявшись с места, следовали по возвратному пути к местечку Дорнбирну, у которого и расположились в поде, поделали себе землянки и шалаши, которые защищали нас от холодного осеннего воздуха; ибо ни наших обозов, ни палаток при нас еще не было. Главная квартира фельдмаршала оставалась в городе *Линдау* и при оной авангард князя Багратиона. И так от сего числа до 21-го сего же месяца мы простояли здесь в спокойствии; а 9-го числа прибыла к нам и остальная часть Корсакова корпуса и, где следует по разделению, расположилась». [134]

Отношения между дворами Петербургским и Венским сильно обострились. Придерживаясь прямодушия в политике, император Павел в рескриптах своих нашему послу в Вене, тайному советнику Колычеву, и генералиссимусу Суворову выражал сильное неудовольствие на двуличность и уклончивость австрийской политики и, предвидя окончательный разрыв союза, заранее указывал меры к отделению русских войск от австрийских и даже на случай возвращения армии Суворова к границам России.

Суворов в переписке и в личных объяснениях с австрийскими начальниками держал себя весьма корректно; однако, эрцгерцог Карл, хотя втайне сознававший вину своего правительства и свою собственную относительно русских, имел причины к неудовольствию против них и особенно против самого генералиссимуса, ибо австрийское национальное самолюбие было затрагиваемо неоднократно. Один раз, во время пребывания русской главной квартиры в Линдау, сын главнокомандующего, Аркадий Суворов, сделал у себя танцевальный вечер, пригласив, между прочим, нескольких австрийских офицеров, и предупредил их, что будет великий князь Константин Павлович. Австрийцы приехали. Великий князь прибыл несколько позже и, увидев их, сказал, чтобы они сейчас же уезжали, потому что ему неприятно их присутствие. Офицеры отвечали, что, при всем своем глубоком к нему почтении, они не могут исполнить приказания, так как находятся на императорско-королевской службе, которая налагает известные обязанности, а потому избавят великого князя от своего присутствия, когда сочтут это приличным. После того они остались на балу еще около часа. Константин Павлович, вообще, не терпел австрийцев и явно высказывал им свое отвращение.

13-го октября в Линдау происходил у генералиссимуса прием. В зале находились множество русских офицеров и [135] между ними генерал-лейтенант Римский-Корсаков, разбитый под Цюрихом Массеною 14-го сентября 1799 г.; тут же были: присланный от эрцгерцога Карла генерал (вероятно, Колоредо) и от принца Конде — герцог Беррийский. Суворов вышел в приемную, обратился к герцогу, обошелся с ним очень любезно, расхваливал принца Конде и его корпус и жалел, что в последних действиях против французов эмигранты были расположены и употреблены не так, как следует. С этим же упреком он отнесся к австрийскому генералу, заметив, что не хотели ли их погубить? и потом сказал герцогу Беррийскому, что впредь ничего подобного не случится, и Конде будет сам себе хозяином. Затем он опять обратился к австрийцу: «Вы мне привезли приказание от эрцгерцога; в Вене — я у его ног, но здесь совсем другое, и получаю я приказания только от моего Государя». После такого сурового замечания, главнокомандующий стал обходить русских офицеров, хвалил отличившихся во время швейцарского похода, некоторых целовал, а к генералу, бывшему одним из главных виновников цюрихского несчастья, обратился с весьма жестким словом и дал ему совет — подать в отставку. Слышавший это Римский-Корсаков, ожидая и на свою долю какой-нибудь неприятности, постарался скрытно уйти. Суворов заметил это и обратился ко всем: «Вы видели, господа, что Корсаков ушел, хотя ни он мне, ни я ему не сказали ни слова. Он более несчастлив, чем виноват; 50 тысяч австрийцев шагу не сделали, чтоб его поддержать, — вот где виновные. Они хотели его погубить, они думали погубить и меня. Скажите эрцгерцогу, — прибавил генералиссимус, повернувшись к австрийскому генералу, — что он ответит перед Богом за кровь, пролитую под Цюрихом».

Во всех таких случаях Суворов был выразителем чувств русских войск. Вся армия, от генерала до солдата, [136] была так возмущена поведением союзников, что если бы Суворов обращался с австрийцами впятеро хуже, то это никому не показалось бы излишеством. Такого же взгляда держался и Павел Петрович. Разрыв был неизбежен. Грязев пишет:

«Здесь совершенно разрешилось, что военные действия, относительно Российского вспомогательного войска, прекратились; самая необходимость того требовала; расстройство во всех отношениях, большой урон в людях и лошадях, повреждение артиллерии и тяжелых обозов, недостаток в оружии и амуниции всякого рода и проч.; а главное, — возникшие между обеими союзными державами

неудовольствия; ибо все интриги и ковы Австрийского двора и его высокопovelительного Гофкригсрата нашему Двору были открыты, и фельдмаршал Суворов, испытавший их в полной мере, получил уже от Императора Павла I, касательно своей армии, повеление, — все военные действия прекратить и, отделясь от союзников, следовать для отдыха во внутрь Германии на квартиры, а потом постепенно приближаться к своим границам. Хотя Австрийский двор и другие, принимавшие в сей войне непосредственное участие, через ходатайство фельдмаршала сильным образом домогались возвращения нашей армии к продолжению военных действий; но фельдмаршал не принял на себя сего ходатайства и, отзываясь полученным им от своего Государя повелением, исполнял предписанное, зная, что и Государь Император, по духу своему и характеру, на оное не согласится; равным образом и вся наша армия, испытавшая на себе немецкие козни и злые намерения, к погублению ее клонившиеся, не желала продолжения сей губительной войны за дело нам неприкосновенное и нацию неблагодарную и вероломную».

Недовольный тем, что Суворов уклонился от влияния австрийцев относительно будущих военных действий, эрцгерцог [137] Карл, в письме от 11 октября, требовал, чтобы русские приняли на себя прикрытие Форарльберга и выслали 10 тысяч человек для занятия правого берега Рейна от Констанца до Шафгаузена, иначе сказать — русской армии предложено было стеречь австрийские границы. Русский полководец счел обидным для своих войск столь пассивное назначение, которое вовсе не могло быть соблазнительным и уж ни в каком случае не заставило бы отказаться от решения идти в Баварию на зимние квартиры. 17-го октября, почти накануне своего выступления из Линдау, Суворов написал эрцгерцогу весьма характерное письмо на французском языке. «Завтра двинусь я на зимние квартиры между Иллером и Лехом! Наследственные владения должны быть защищаемы завоеваниями бескорыстными; для этого нужно привлечь любовь народов справедливостью, а не покидать Нидерландов, не жертвовать двумя прекрасными армиями и Италией. Вам говорит это старый солдат, который почти 60 лет несет уже лямку, который водил к победам войска Иосифа II и Франца II, который утвердил в Галиции владычество знаменитого Дома Австрийского, который не любит болтовни Демосфеновой, ни академиков, только путающих здравый смысл, ни Сената Аннибалова. Я не знаю зависти, демонстраций, контр-маршей; вместо этих ребячеств — глазомер, быстрота, натиск: вот мои руководители!

«Если потеряно драгоценное время для освобождения Швейцарии, то можно скоро это вознаградить. Готовьтесь, ваше высочество, со всеми своими силами (за исключением разве некоторых отрядов) к зимней кампании, краткой, но упорной и решительной (*solide et nerveuse*); тогда уведомьте меня о своем плане, чтобы согласовать его с моим; лишь только откроется первый удобный путь, я готов буду со всею своею армиею действовать заодно с вашим королевским высочеством, как единая душа и единое тело. [138]

«В Италии оставил я неприятельских сил не свыше 20,000; остальные теперь просто мужики; но к будущей весне также превратятся в солдат. Теперь же пока можно наверное разбить какого-нибудь Шампионэ или Бонапарта.

«Пусть обе армии служат обоим Императорам, коалиции и целой Европе, как доблестные герои! Пусть готовятся к будущей весенней большой кампании. Иначе — будет опять Кампоформио. Уже видите вы новый Рим, следующий по стопам древнего: приобретая друзей, он вскоре удостоит и Германию титулом союзницы, также как Испанию, Голландию и, несколько прежде, Италию, с тем, чтобы в свое время, при первом поводе, обратиться их в подвластных, а цветущие государства — в свои провинции.

«Остаюсь на всю жизнь с откровенностью, искренностью, преданностью и глубочайшим уважением,

Вашего Королевского Высочества покорнейший и послушнейший слуга
Кн. Итальянский граф Александр Суворов-Рымникский».

Это письмо показывает в Суворове не только дальновидного военного, но также политика и вообще государственного человека.

II. В Баварии.

19-го числа корпус Дерфельдена начал выступление из Линдау. Как громом был поражен эрцгерцог Карл этим известием, — он никак не думал, что Суворов приведет в исполнение свою угрозу. Австрийский полководец просил, по крайней мере, отложить выступление дней на пять, пока подойдут его собственные подкрепления. Великодушный русский генералиссимус немедленно удовлетворил [139] просьбу своего немецкого товарища и приостановил на время движение своих войск. Только с 23-го по 25-е октября полки Суворова постепенно прибывали в г. Мемминген, откуда расходились по квартирам. В дневнике Грязева об этом читаем следующее:

«26-го октября марш в шесть часов утра до города *Мемингена*, очень изрядного, который пройдя,

остановились. Здесь нашли стоящим наш кирасирский ее Величества полк, бывший в корпусе генерала Корсакова, и здесь же находился Великий Князь Константин.

«27 — марш в шесть часов утра до города *Мундельгейма*, принадлежащего к Рейх, также очень изрядный, который прошед остановились. Отсюда некоторые полки, принадлежащие к нашему корпусу следовали прямо на назначенные им кантонир-квартиры, а первый корпус, по сему же предмету, следовал далее, дабы взять некоторое отдохновение, дожидаться своих тяжелых обозов, раненых и больных и сколько возможно - исправить свою муницицию.

«28 — пошли и мы с полком на свои квартиры. Главная квартира нашего корпуса, коим начальствовал генерал Розенберг, расположилась в небольшом городе *Кирхгейме*, принадлежащем графу Фукорту; он достоин замечания: по своему местоположению и особенно огромный замок владельца, стоящий отдельно от города на горе, окруженной со всех сторон непроходимым болотом, простирающимся на версту, по коему протекают множество ручьев, в различных направлениях соединяющихся между собою. От города до замка ведет чрез болото деревянный мост, утверженный на сваях, а в нескольких местах оного устроены подъемные части, который и составляет единственный вход в замок. Что ж принадлежит до оного, в коем расположился генерал Розенберг, ибо самого владельца не было, то он точно таков, какими иногда изображают их в романах: [140] его обширность, древняя архитектура, внутреннее расположение, башни, переходы, подъемные мосты, тайные ходы, подземелья и ворота, словом — все, напоминает те феодальные, рыцарские времена Швабии, в которые право сильного утверждало власть, могущество и богатство владетелей. Сверх сего, примечания достойна гидравлическая машина, посредством коей живущие в замке в разных местах пользуются водою, так что продовольствие оною никаким образом не может быть прервано. Все это вместе составляя чудесное произведение природы и искусства, могло бы быть еще улучшено и сделаться неприступным, если бы принадлежало не частному владельцу, а короне. Внутренность замка украшена богатою рукою и между прочим достойна внимания одна большая галерея, наполненная портретами, принадлежащими от самой древности к роду графов Фукортов и расположенных по порядку течения времени; между оными развешаны разные доспехи и оружия, как новых, так и самых отдаленных рыцарских времен, коими сия фамилия утверждала свое могущество и достояние. Взоры мои переходили с одного предмета на другой и терялись в их разнообразности. Здесь мужественный старец, украшенный сединами и облеченный с головы до ног доспехами, изображался на холсте; но всматриваясь в него более, кажется, видишь, что он, оживотворяемый духом мужества, со сверкающими очами, потрясает свое огромное копие и угрожает смертию. Над ним расположено все его блестящее вооружение, доказывающее своею тяжестью силу телесного его сложения и крепость его руки. Подле него стоит изображение юного героя, наследника его могущества и славы; во взорах его виден пламенный дух того же самого мужества, которое протекало в крови сего знаменитого поколения; над ним висят бранные его доспехи, кованные из стали с серебряною насечкою и таковой шлем с забралом, украшенный Гидрою, приосеняющею его своими [141] крыльями, огромный щит, булатное копие и широкий тяжелый его меч, с коим подвизался он на ополчение против врагов своих. Тут стоят изображения его родительницы, его супруги и прочих жен, принадлежащих к сему же поколению, в костюмах своей страны, показывающих свое изменение по содержанию времени. За ними следуют другие, подобные им рыцари; и потом видишь постепенное их умаление до нынешних времен, когда Монархическая власть ограничила бурные их порывы и когти Имперского Орла сокрушили их хищничество, дабы заменить его своим. Словом, не возможно описать в точности всех предметов, находящихся в сей огромной галерее, как и того восторга, коим наполнялось сердце мое при виде столь новых для меня явлений, на коих самая отдаленная древность положила свою печать.» «Весь наш полк расположился в близь лежащих селениях около города *Кирхгейма*; я с ротою в селе *Мерген*, отстоящем в трех верстах от замка, у доброго пастора сего селения, уже летами согбенного, который покоил и утешал меня как своего сына. Часто проводжали мы с ним вместе длинные осенние вечера; я рассказывал ему о наших трудах и сражениях в Италии, о наших подвигах в Швейцарии и опасностях в переходе Альпийских гор; рассказывал ему о милой своей родине, о ее могуществе и богатстве — и он слушал с таким же удовольствием, какое ощущал я и сам при сем повествовании». «Иногда ездил я в замок к почтенному своему начальнику генералу Розенбергу, который обращался со мною не так, как с подчиненным, но как со своим любимцем, оправдавшем в полной мере его отличие, которым он всегда меня удостоивал. Здесь-то однажды встретил я прямое изображение душевного спокойствия и унижение гордыни вместе с грызением совести; это были два лица, изображающие сию нравственную картину: первое был генерал Розенберг, проходивший [142] течение своей жизни со свойственным ему благоразумием, со всеми воинскими и гражданскими добродетелями на поприще отечественного служения; а последнее лицо был генерал Римский-Корсаков, приехавший навестить сего почтенного мужа. Надобно было видеть, какая противоположность находилась между ими; как унизилась сия неприступная гордость и самолюбие сего ложного героя! Казалось, что всякий рядовой воин, совершивший вполне свою обязанность, был спокойнее сего потерянного генерала: мрачная наружность и беспорядочное выражение мыслей ясно показывали, что душа его была поражена бедственным происшествием, случившимся с ним под Цюрихом; что он знает причину, доведшую его до такого унижения, и сознание обнаруживалось во всех его поступках».

Главная квартира Суворова была в Аугсбурге. Жили здесь весело и шумно; множество генералов, министров, путешественников стекались со всех сторон Европы в Аугсбург, чтобы видеть Суворова. Все благоговело перед героем, сделавшимся всеобщим кумиром; дамы добивались счастья поцеловать его руку, чему Суворов не особенно противился. Недурно жилось и войскам, так как баварцы сочувственно относились к Русским, а главное, по словам одного из участников похода (Старкова), «жители, получая от казны продовольствие, кормили нас, по силе своей, по возможности, хорошо».

Во время стоянки в Баварии получены были из Петербурга ордена в награду отличившимся в сражении при Нови, 4 августа 1799 года.

Раздача их была торжественно произведена 8 ноября или самим генералиссимусом, или корпусными командирами. Если принять в соображение дальность расстояния, отделявшего русские войска от Петербурга, и несовершенство путей сообщения, то мы увидим, что награды получены были довольно [143] скоро, — через 3 месяца; в новейшие кампании, уже при существовании железных дорог, бывала гораздо более поздняя присылка орденов.

Грязев свидетельствует, что 10-го ноября прибыли к русским войскам их тяжелые обозы. Дело в том, что перед выступлением из Италии в Швейцарию Суворов все тяжести, которые не возможно было тащить с собою через Альпийские горы по выючным тропинкам, отправил кружным путем через Верону, Тироль и Форарльберг. Таким образом тяжелые обозы совершили этот путь слишком в 2 месяца; в течение этого времени войска должны были обходиться без обозов и — обходились. Подобный факт дает указание, что война с ее суровой обстановкой и трудностями, которые необходимо преодолеть, неизбежно заставит отказаться от массы лишнего груза, таскаемого в обозах, доходящих в нынешних европейских армиях до гигантских размеров и создавшихся, может быть, под влиянием крайних кабинетных увлечений. Насколько войска, не сдерживаемые самым строгим образом свыше, способны набирать с собою множество совсем лишних вещей, показывает наивное восклицание капитана Грязева, что в числе обозов пришла и его «повозка и с нею мои борзые собачки; они были отлучены от нас с 4-го сентября». Значит, офицеры того времени иногда даже в военном походе не отказывались от своих помещичьих удобств.

Между тем обостренность отношений Венского и Петербургского дворов дошла до крайних пределов. Русский посол в Вене, тайный советник Колычев, ставил категорические требования австрийскому правительству, а первый министр императора Франца, барон Тугут, уклонялся от определенных ответов и старался, помимо Колычева, завести переговоры прямо с высшими сановниками в России, для чего воспользовался пребыванием в Петербурге эрцгерцога [144] Палатина с его свитой. Находившиеся в этой свите принц Фердинанд Виртембергский и Дитрихштейн («из гнезда совиного», как выражался Суворов), покушались своими наговорами очернить русского полководца и выставить его виновником возникших между обоими правительствами недоразумений; однако, они ни на волос не достигли своей цели, скоро принуждены были замолчать и уехать ни с чем.

До сведения императора Павла дошло, что Тугут тайно сносится с французской республикой, желая заключить сепаратный союз и захватить в собственность земли в Италии, лишив короля сардинского его владений в Пьемонте, отвоеванных у французов Суворовым. Австрийский генерал Цах прямо говорил:

«Пусть король совсем забудет о Пьемонте. В том то и беда, что самоволие Суворова дало вашему королю неуместные притязания. Тогда Павел Петрович рескриптом от 6 октября повелел Колычеву немедленно потребовать от Тугута положительных ответов на следующие вопросы: 1) на какие именно приобретения рассчитывает Венский двор в Италии? 2) какие его намерения в отношении короля сардинского? Тугут заявил, что ему нужно некоторое время для рассмотрения документов, касающихся Италии, и хотел прекратить разговор; но Колычев твердо высказал, что малейшее замедление в удовлетворительном ответе будет поводом к разрыву всех сношений, а русские войска возвратятся в Россию. Заметно смутившись, Тугут ответил, что доложит обо всем своему государю и не замедлит дать требуемый ответ. Прошло несколько дней, но обещанного ответа не было; да и надобности в нем не оказалось, ибо император Павел получил 10 октября известие о поражении Римского-Корсакова под Цюрихом и, считая главною причиною несчастья предательское преждевременное выступление армии эрцгерцога Карла из Швейцарии, отправил 11 октября письмо к императору [145] Францу, где, между прочим, значилось: «Видя из сего, что Мои войска покинуты на жертву неприятелю тем союзником, на которого я полагался более, чем на всех других, видя, что политика его совершенно противоположна Моим видам, и что спасение Европы принесено в жертву желанию распространить Вашу Монархию, имея, притом, многие причины быть недовольным двуличным и коварным поведением Вашего министерства (которого побуждения не хочу и знать, в уважение высокого сана Вашего Императорского Величества), Я с тою же прямою, с которою поспешил к Вам на помощь и содействовал успехам Ваших армий, объявляю теперь, что отныне перестаю заботиться о Ваших выгодах и займусь собственными выгодами Моими и других союзников. Я прекращаю действовать за одно с Вашим Императорским Величеством, дабы не действовать во вред благому делу».

Прочитав письмо во время аудиенции Колычеву, 25-го октября, император Франц не мог скрыть своего смущения; несколько успокоившись, начал оправдывать себя, уверял Колычева в искреннем желании

своем сохранить дружбу великодушного союзника, наконец, объявил, что употребит все старания для открытия настоящих виновников происшедших недоразумений и не оставит без наказания столь вредных козней. Тугут просто не хотел верить известию о внезапном решении императора Павла, сильно изменился в лице и старался выведать у Колычева, не может ли Суворов хотя повременить выступлением из Германии, в надежде, что гнев императора Павла смягчится и повеления его будут отменены. Тугут обещал, не далее как через несколько дней, дать самые удовлетворительные объяснения на прежние вопросы, предложенные Колычевым от имени Российского Монарха.

После первого испуга австрийский министр старался успокоить [146] себя мыслью, что Павел Петрович не решится привести своей угрозы в исполнение; но император Павел одновременно послал копию с вышеприведенного письма к Суворову при рескрипте, в котором давались соответствующие распоряжения; в конце рескрипта было добавлено: «Вы должны были спасать Царей; теперь спасите Российских воинов и честь вашего Государя». Генералиссимус получил этот рескрипт 28-го октября в Аугсбурге и немедленно начал готовиться к обратному походу в Россию. Согласно с повелением императора Павла, он обратился к курфюрсту баварскому Максимилиану-Иосифу с просьбою о присылке заимообразно миллиона гульденов (700,000 руб. по нынешнему курсу) на потребности похода, так как русским войскам приказано было платить за все. Курфюрст прислал 200,000 гульденов (140,000 руб. по нынешнему курсу), извиняясь, что, по затруднительным обстоятельствам, не мог ссудить большую сумму. Вот как дешево можно было вести войну в те времена! Особенно это обстоятельство резко бросается в глаза, если припомнить, что наша последняя война с Турциею в 1877-78 гг. стоила России от одного до двух миллионов в день.

Для облегчения русских войск Максимилиан согласился, чтоб они, по пути через Баварию, снабжались продовольствием не за наличные деньги, а под квитанции. В видах удобства совершения марша, русский полководец двинул свою армию по двум дорогам: корпуса Дерфельдена и Повало-Швейковского — на Регенсбург, Пильзен, Прагу, Тропау, Краков, Люблин; а корпуса Розенберга (сюда входил и Московский полк, в котором служил Грязев) и принца Конде — через эрцгерцогство Австрийское и Моравию на Линц, Будвейс, Иглау, Брюнн, Ольмюц, Ярославль и Замостье. Каждый корпус был подразделен на четыре отделения или эшелона, которые последовательно собирались в Аугсбурге и [147] выступали оттуда один за другим с 15-го по 22-ое ноября. Из этого мы видим, что и в то время Суворов основательно понимал такую простую вещь, что для удобства движения и продовольствования средствами страны значительной массы войск необходимо дробить войска на части. Напрасно некоторые приписывают Наполеону как бы открытие истины: «se diviser pour vivre et se réunir pour combattre», а тем паче Мольтке, который только перевел изречение Наполеона по немецки: «getrennt raarshiren und zusammen schlagen», т.е. врозь двигаться, а вместе драться; истина эта познавалась уже давно выдающимися полководцами и только формулирована Наполеоном.

III. Марш на квартиры в Богемии.

Дальнейший поход капитан Грязев описывает следующим образом:

«20-го ноября — выступили из своих кантонир-квартир и собравшись полком в городе Кирхгейме следовали до сселения *Брейтербрюн* 2½ мили и расположились по квартирам; ибо полевое наше кочевье кончилось.

«21-го — рано собравшись полком следовали к городу *Аугсбургу* 2½ мили. В городе была одна главная квартира, а роты расположились в самых ближайших селениях; я с другими двумя ротами в местечке *Обергаузен* в полуверсте от городского предместья. Любопытство повлекло меня тотчас в город. Он исстари есть вольный и независимый; обширен сам собою; но предместья еще более его увеличивают; весь обнесен каменною стеною и со многими воротами, при коих и внутри самого города содержали караулы Австрийцы. Положение его ровное при реке Лех; он правильно [148] устроен и имеет множество великолепных зданий; отправляет знаменитый торг как своими, так и пространными произведениями во все места Германии, Швейцарии и Италии, ибо служит складкою товарам даже и из Леванта и, сверх того, вексельные его дела весьма значительны; имеет множество различных заводов, фабрик и искусных художников всякого рода. В нем примечания достойны: Академия, обширная ратуша со своей великолепною залою, коей главное богатство составляют живописные картины величайших художников; гидравлическая машина, посредством коей весь город во многих местах пользуется водою; четверо ворот машинальных, отворяющихся и запирающихся сами собою, которые однакож от небрежения испорчены и не могут уже действовать как бы надлежало; на средней и обширной площади города стоит колоссальная бронзовая статуя Императора Августа, как первого основателя города; древних и новых огромных церквей и монастырей обоего пола изобильно; великолепный гостиный двор, коего лавки наполнены прекраснейшими

товарами; театр не очень большой, но все его составляющее превосходно, которой мы в свое время не преминули посетить; играли оперу «Donau Weibchen» — «Дунайская Русалка»; после оной комедию «Das Burgers Gluck» — «Мещанское Счастье» и потом балет «Walds Tochter» — «Лесная Дщерь» — в Венгерском вкусе; за вход в партеры 30 крейцеров — 15 копеек, — и кончилось очень поздно. Я намерен рассказать небольшую шалость, которую мы оставили на память жителям сего города, что здесь были некогда Русские, которые умеют бить веселых французов и забавлять мрачных немцев, и эта шутка, по молодости пашей, а потому и — малодушию, нас много забавляла. По окончании театра согласились нас четверо зайти в гостиницу поужинать, где было довольно весело, и мы, уже в два часа ночи, отправились за город на свои квартиры. Но как [149] ночь была темная, то мы наняли двух проводников с большими горящими факелами и велели вести себя на свой ночлег; но к несчастью, сами не знали куда и не могли растолковать своим проводникам, ибо мы забыли имя того селения, в котором расположены наши роты. Провожатые наши, идучи впереди нас с факелами, также не могли догадаться, куда нас вести, и приводили, по словам нашим, к разным воротам города, так как селение находилось вне оною, и здесь встретилась нам первая забава на счет немецкого педантства; ибо при всех воротах находились австрийские караулы и ворота были заперты на замках. При подходе к оным нас окликали и мы требовали, чтобы нам отпирали ворота. Надобно было всякой раз ожидать очень долго, пока часовой выкрикивал унтер-офицера, который, расспросив нас, уходил опять в караульную, брал фонарь и ключи, потом отпирал ворота и потом по выходе нашем опять запирали оные. Но как мы не могли найти настоящего пути к нашему селению, то опять возвращались к воротам, которые нам с такою же медленностию отпирали, и мы таким образом выходили чрез шесть ворот из города в разные стороны и столько же раз возвращались в оной и наконец без успеха должны были в нем остаться. Факелы сгорели; проводники наши утомились; мы заплатили им за труды и отпустили от себя. Оставшись одни и не зная куда приклонить свою голову, ибо ворота у всех домов были заперты и мы должны были дежурить на улице, хотя и начинало уже рассветать, как нам пришло на мысль за свою неосторожность мстить спокойным жителям, погруженным в глубоком сне, и вот каким образом: у каждаго ворах дома снаружи находились проволоки, проведенные каждам жильцом от своего колокольчика, висящего у его дверей, и таковых проволок, оканчивающихся рукоятками, у каждаго ворот было столько, сколько находилось в трехэтажном [150] доме особых жильцов, то есть, по шести, по осьми и более. Мы, разделившись по обеим сторонам улицы, решились тянуть за проволоки и звонить во все колокольчики, сколько их у каждаго ворот находили, и с сердечным удовольствием видели, как немецкие головы в колпаках высовывались из окон своего жилища и встревоженным голосом восклицали: Wer da? Wer da? — кто там? — но мы, не отвечая им, перебежали к другим воротам и продолжали свое занятие, утешаясь беспокойством пробуждающихся жителей. Таким образом пробежали мы несколько главных улиц в городе, и когда уже довольно рассвело, мы нашли свой настоящий выход из города и возвратились на свои квартиры. Мы не могли без смеха вспомнить о своем ночном приключении и притом взглянуть на самих себя; ибо дым от горящих факелов, обращаясь на нас с воздухом, так нас закоптил, что мы похожи стали на трубочистов: и вот наказание, которое мы понесли за свое малодушие, но которое чрез долгое время утешало нас и даже не участвовавших в оном. Весьма бы любопытно было знать о происходившем в городе между жителями, когда они увиделись между собою и с немецкою точностию рассказывали друга другу причиненное каждому и в одно время беспокойство; ибо таковых могли быть сотни; но мы не имели уже удовольствия слышать о последствии сего происшествия потому, что того же утра должны были следовать далее и не посещали уже города».

«24 — марш до местечка *Изманинг*, 3 мили. Не доходя до оною верст за семь находится увеселительный замок курфирста Баварского *Шлейсгейм*, довольно изрядной, но здание не обширное; при оном есть большой зверинец, в коем олени ходят стадами, есть дикие козы и много других зверей. Тут же встречены мы были самим курфирстом Максимилианом¹, [151] со всею своею фамилиею и весьма небольшою свитою, приехавшим нарочно из Мюнхена, своей столицы, отстоящей отсюда в осьми верстах, чтобы видеть победоносные российские войска. Конная его гвардия одета в белые короткие мундиры с римскими шишаками и широкими палашами. — Я с ротою стоял в деревне *Унтерферинг* в 10 домах. 25-го ноября ездил я с товарищами в город Мюнхен, и любопытство наше было удовлетворено в полной мере. Мюнхен хотя и не обширнее, но прелестнее Аугсбурга в рассуждении своего устройства и великолепия. Положение его на реке *Изер*. Тут была Никольская ярмарка и многолюдство было видимо повсюду. Дворец курфирста украшает город, в нем примечания достойна картинная галерея, вмещающая в себе образцовые произведения лучших художников. Архитектура церквей и домов большею частию древняя; торговля весьма изобильная. Театр обширной и содержится от Двора; почему вольность зрителей приметно ограничена, не так как в прочих местах Германии, что мне крайне понравилось; потому что при тишине зрителей можно [152] чувствовать и пьесу, и слышать музыку. Играли оперу «Парис и Елена». Первая певица пела чрезвычайно хорошо и пленительно; балет составляли Олимпийские игры, все декорации знаменитого художника Гонзаго², который умел уже заставить удивляться себе и в нашей столице С.-Петербурге; но оркестр превосходнее прочего. Далее шли через г. Мюльдорф, где перешли реку Инн, крепость Бургхаузен, где перешли реку Зальцах и, вступив здесь в эрцгерцогство Австрию, продолжали марш до крепости Браунау, куда подошли 30-го ноября, а 20-го декабря достигли до небольшого порога

Шардинг, 3 мили; я с ротою в деревне *Фильзасинг* в 16 домах.

«3-го и 4-го декабря отдохновение. — Последнего числа ездил я с товарищами в город *Пассау*, отстоящий от Шардинга в 12 верстах. Почтовая коляска, парюю в шорах, которую мы наняли на целый день, хотя и с немецкою медленностию, но покойным образом доставила нас туда к обеду. Город сей принадлежит к Баварии, где находится и духовный бишов, в качестве правителя. Положение его самое прелестнейшее, на равнине, проходящей между гор, которую с двух сторон обтекают реки *Дунай* и *Ин*, где сия последняя имеет свое начало из первой. Хотя он не так обширен, но правильно расположен и укреплен по одной стороне примыкающей к нему горы. Небольшой театр, декорации не богаты, но представление занимательно. Играли комедию: «*Die grosse Seelen oder Landsturm in Tiroll*». — Со мною случилось здесь весьма странное и внезапное происшествие, которое я намерен рассказать подробно. Расположившись быть в театре, мы не пошли в партеры, но разумеется, для тону, взяли в первом ряду ложу. Случай [153] поместил возле нас одну молодую даму, и как после объяснилось, это была графиня Рацбах, коей супруг находился тогда в отсутствие. Одна ее родственница, женщина не молодых лет, и ливрейный служитель, составляли всю ее свиту. Прелестная приманчивость сей графини заставляла нас невольным образом устремлять на нее наши взоры более, нежели на другие представляющиеся нам предметы. Она, казалось, заметила это и по окончании первого действия, на своем отечественном языке, обратилась ко мне с своим разговором, как к ближайшему подле нее сидящему. Первый вопрос ее был: «конечно, мы Русские, посетившие сей город из любопытства?» Я удовлетворил оному в полной мере и прибавил к тому, что мы не только в том не раскаиваемся, но и почитаем сей день счастливейшим в нашей жизни, встретясь со столь прелестною дамою, как она. Во всякое другое время такое объяснение было бы неприлично, но здесь поместилось оно кстати. — Она благодарила меня за такое приветствие и взаимно объяснила свое удовольствие, что видит русских и услышав незнакомое ей наречие, она тогда же нас узнала, и сверх того находит нас не такими, как она предполагала. — Здесь должен я сделать небольшое отступление от моего романического повествования и дать заметить, что действительно нас русских, как отдаленных жителей хладного Севера, почитали не только вовсе необразованными, но если смею сказать, ниже людей, населяющих остальную часть просвещенной Европы, то есть, разумели за диких варваров, исполненных неимоверною жестокостию и не знающих кроме своего собственного наречия, а может быть и наружность нашу полагали не столько благовидною. Вот общее предубеждение сего края, а потому и сей графини, которая, как кажется, весьма удивилась, найдя нас людьми обыкновенными и свободно изъясняющимися не только на ее природном, но и на французском языках, [154] из коих сей последний она также в продолжение своего разговора со мною употребляла. — Теперь займемся продолжением: я понял смысл последних ее слов и с оскорбленным честолюбием, подавшим мне сверхъестественную способность к объяснению, старался всеми мерами вывести ее из сего обидного для нас заключения. Будучи убеждена самыми ясными доказательствами, она извинялась в прежней своей мысли и относила ее не к себе собственно, но к общему расположению умов своего края. Потом разговор наш обратился на действия театра, и она увидела из моих суждений, что мы не только с ним знакомы и имеем вкус, но и умеем ценить все вещи так, чего они действительно стоят. Я рассказал ей о наших театрах и блестящих его представлениях, каковые действительно были в незабвенные времена Императрицы Екатерины II в С.-Петербурге. Она слушала все с удивлением и приветливое ее со мною обращение постепенно увеличивалось. Это сделало, признаюсь, и на меня большое влияние. Но занавес опустился и сцена переменялась. Театр кончился, и мы сочли обязанностию поблагодарить прелестную графиню за ее приветливость, которая, как мы говорили, останется навсегда воспоминанием случайного нашего посещения города Пассау, и в особенности столь приятной встречи и с такою особою, как она. — Нет, возразила графиня, я хочу, чтобы сие воспоминание было для вас еще живее, и потому прошу вас пожаловать ко мне на ужин. Можно ли было отказаться? Мы взглянулись между собою — и дали слово, прибавив к тому приличные деликатности. Есть ли у вас экипаж? спросила она. — У нас есть коляска, отвечали мы ей. — Так прошу же вас ехать за мною. — Мы проводили ее до кареты и в восхищении полетели за нею. Дорогою удивлялись мы столь нечаянному случаю, познакомившему нас со столь прелестною женщиною, и решились им воспользоваться. Двое моих товарищей относили [155] сие счастливое обстоятельство более ко мне, судя по непрерывному ее занятию со мною, и любопытны было видеть, чем все это кончится? Наконец, мы подъехали к дому, вышли из коляски, и тот же человек проводил нас в покои, не богато, но опрятно и со вкусом убранные. Графиня встретила нас с живейшею радостию и заняла различными разговорами. Здесь открылась мне совершенно прелестная женщина, удобная восхитить душу смертного всеми возможными благами на земле для него определенными. Большие, голубые глаза ее с быстротою молнии перебежали с предмета на предмет; алые уста ее не умолкали; слова текли рекою; она обращала свое внимание на все случаи жизни, но более всего интересовалась узнать многие подробности о нашем отечестве и оставалась всегда удовлетворенною. Нас позвали к столу, и мы в разговорах не чувствовали, как оный кончился. Время было довольно уже поздно и напоминало нам об отъезде: но все что-то невольным образом нас останавливало. Так-то влияние прелестной женщины действует над нами! Хотя она была для нас не иное что, как блестящий метеор, долженствующий скоро исчезнуть: но как я чувствовал со стороны графини какое-то пред моими товарищами преимущество, то мне более их не

хотелось расстаться с нею. И действительно я не обманулся. Мы собирались уже к отъезду, но графиня еще нас удержала и доказала чрез то, что желания ее были подобны нашим. Наконец, мы стали прощаться со всеми приличными выражениями признательности к ее добродушному поступку и графиня платила нам за то всю взаимностию. Но вдруг сцена переменится: графиня обращается ко мне и с неизъяснимою нежностью говорит, что ежели мои товарищи столько уже неблагосклонны, то просит меня уделить ей еще несколько минут и остаться с нею и что экипаж ее во всякое время готов к моим услугам. Я колебался и не знал, что ей [156] отвечать; но товарищи мои предварили меня и предложили свое согласие, что они отъехав пришлют ко мне коляску и будут ожидать меня в гостинице, где мы остановились. Дело сделано, и товарищи мои отправились. Мы остались одни. Разговор наш сделался свободнее и живее; одне мысли лились за другими; они коснулись до нашего сердца, как оно не в состоянии бывает иногда противиться своим влечениям; как в таком случае не уважает оно своими обязанностями и предается таким приятным чувствованиям, которые оставляя на нем неизгладимую печать, напоминают вместе с тем и о его заблуждении. Это было слишком ясно; рассудок мой умолк; я видел только одну графиню; чувствовал одно только ее очарование и не мог ему противиться... Так страсти господствуют над нами и одно мгновение блаженства поглощает целые века страдания! — О, человек! какие гибельные несовершенства, какие непростительные слабости, при всем твоим разуме, при всех твоих добрых качествах вмещаешь ты в себе! — Я не распространяюсь здесь более о сем чудном происшествии, как о таком предмете, на которой благоразумие опускает свою завесу и скрывает его от глаз невинности. — Наконец, с трогательными выражениями, с пламенною нежностью мы расстались. Я возвратился к моим товарищам, с великим нетерпением меня ожидающим; немедленно сели мы в почтовую коляску и поехали в Шардинг, куда только что к свету следующего утра успели. В продолжение нашего пути мы ни о чем более не говорили, как о странном происшествии, совершившемся с нами и о таинственной его развязке — но между друзьями нет тайны. Со всем тем товарищи мои, как люди с подобными слабостями, много завидовали преимуществу, которое случай бросил на меня столь внезапно. Обстоятельство сие долго забавляло нас собою, и наконец, покоряясь общему порядку вещей, обратилось в сладостный [157] сон, коего мечты занимают нас только до определительного времени».

5-го декабря полк выступил из Шардинга и следовал через местечко Пейербах, города Эфердинг, Линц, Фрейштадт к м. Каплиц, что уже в Богемии.

В Линце 8-го декабря была дневка, офицеры посетили местный театр и обедали у президента города, графа Аугсбурга.

IV. В Богемии.

В то время, когда русские войска решительным образом удалялись с театра войны, Англия сильно встревожилась разрывом союза между Россией и Австрией. Имея интерес постоянно ссорить между собою державы европейского континента, участвуя всегда в коалициях одних государств против других (преимущественно против Франции), доставляя для подобных войн деньги и желая прежде всего ослабить наиболее опасного своего врага, Францию, Англия опасалась, чтобы Венский двор не заключил отдельного мира с Французской республикой. Поэтому английским послам в Петербурге и Вене, Витворту и Минто, предписано было всеми способами содействовать примирению обоих императорских дворов и продолжению войны общими силами. Состоявший при армии Суворова английский уполномоченный Викгам не раз имел с ним, сначала в Линдау, а потом в Аугсбурге, рассуждения о плане будущей кампании. Лондонский кабинет принял план генералиссимуса с таким живым участием, что немедленно же сообщил его в Петербург и в Вену, как собственное свое предложение, обещал выдавать денежные субсидии на содержание 80,000 русских войск с тем, чтобы главное начальство над ними было [158] вверено Суворову, а король Георг III в собственноручном письме, от 16 ноября, выразил желание, чтобы Павел Петрович показал, еще раз свою снисходительность к Венскому двору и «справедливое свое негодование принес в жертву своим же собственным благим целям». Русский император, вынужденный покинуть Австрию на произвол судьбы, вместе с тем не мог желать успеха и Французам; гнев его на Венский двор уже был обезоружен видимым раскаянием, с которым Франц принял известие о возвращении русских войск; просьбы Венского двора об отмене этого решения казались государю желанием загладить прошедшее и возобновить расторгнутый союз.

Павел с радостью готов был забыть все и, в уважение ходатайства короля Великобританского, согласился возобновить переговоры о будущей кампании, с тем, однако же, чтоб Австрия отказалась от своих честолюбивых притязаний; государь поставил два неперемные условия: смену барона Тугута и восстановление в Италии прежнего политического разграничения, существовавшего в начале 1798 г. Не ожидая ответов на свои требования, император Павел решил все русские войска, бывшие за границей,

оставить там на зиму и 20-го ноября отправил по этому предмету надлежащие повеления. Но еще ранее получения Высочайших повелений Суворов решился остановить движение своих колонн. Дело в том, что зима была необыкновенного сурова во всей Германии; русские войска в течение короткой стоянки своей в Баварии не успели ни отдохнуть, ни обмундироваться, а теперь, после нескольких недель похода оказалось необходимым починить обоз. Генералиссимус счел нужным дать армии отдых недели на две и расположил полки по квартирам в Богемии и в верхней Австрии. Войска каждой колонны заняли полосу от 2 до 5 миль в обе стороны от дороги; главная квартира Суворова была в Праге. [159]

9-го декабря было получено Высочайшее повеление, от 20-го ноября, а 10-го главнокомандующий донес императору Францу, что воля императора Павла исполнена, и в заключение добавил: «По первому мановению, войско Русское готово опять выступить в поход, и я, со своей стороны с радостью пожертвую последнею каплей крови для пользы благого дела»...

О пребывании в Богемии капитан Грязев повествует так:

«2-го декабря марш до города Будвейса, 4 мили, где назначено быть главной квартире корпуса генерала Розенберга, а в местечке Весели, за 3 мили от оногo, — штабу нашего полка для расположения на винтер-квартирах⁷. Первый кор-пус генерала Дерфельдена остановился главной квартирой в городе Праге, столице Богемии, где и фельдмаршал Суворов находился. Город Будвейс не велик и мало примечания достоин. Площадь и лавки изрядно устроены; есть маленький театр, но весьма не важный; играли комедию «Edelmana und Burger»; за вход в партер 20 крейцеров. Я с ротой стоял в деревне Буревихах, в 20 домах.

«12-го отдохновение.

«13-го следовал полк с ротами прямо в назначенные им под квартиры селения. Я со своею ротой занял деревни: Гамер, Вулков, Вал и Понедрашко, в коих 58 домов, расстоянием от Будвейса 4½ мили, а от Весели одна миля, Все сии селения принадлежат владетельному князю Шварценбергу, богачейшему во всей Богемии, коему и город Крумау с его окрестностями принадлежит же. Здесь места весьма лесисты, низки и изобильны озерами, приносящими большой доход своему владельцу посредством рыбной ловли. Я расположился в селении Гамер, в доме управляющего сим имением, скупова старика, который всякую минуту давал мне чувствовать разницу между ним и добрым пастором в Швабии, у которого я некогда проводил свое время приятно, [160] а здесь кроме скуки я ничего более не чувствовал; единственная моя отрада состояла в том, что я часто ездил с борзыми своими собаками и травил много зайцев, ибо снега здесь не глубоки; их осталось у меня только три, а прочие разными случаями убыли.

24-го, по ордеру генерала Розенберга и шефа нашего полка, свидетельствовал я все роты инспекторским смотром, относительно получаемого ими на нижних чинах казенного жалованья, мунических, годовых вещей и заграничных за разные сражения денежных дач; равным образом производил проверки в людях, в бессрочных и срочных вещах, их состояние и убыли против положенного по штату, а в заключение и артельные экономические суммы. По сему случаю все роты было сближены между собою. Такая доверенность начальника в моем капитанском чине, тогда как у нас находились полковой командир и штаб-офицеры, весьма лестна, но она же доставляла мне и врагов, чему основанием были мое беспристрастие и законная точность, с коими проходил я мое служение на поприще военном. Сие-то самое, будучи моею отличительною чертою, доставляло мне то преимущество, которым я пред всеми моими товарищами пользовался и был уважаем моим начальником. Итак, кончив сию трудную и критическую операцию и учинив по оной все надлежащие отчеты, я возвратился в скучный Гамер свой.

«Здесь, между прочими моими упражнениями, сделал я свое собственное замечание о войсках иностранных, для примечания оных нашим Русским; замечание, основанное на самом опыте, а как оно касается только до военной части, то не излишним почитаю приобщить его к моим запискам³.

«Дисциплина в войсках иностранных, как австрийских, [161] так и французских, при всей своей системе равенства и свободы у последних, основана на одних правах и законах. Чрезмерно строгое взыскание употребляется в большой силе, иногда и несоразмерное преступлениям; но все сии наказания не иначе приводятся в исполнение, как по форме суда; частных же, подобных нашим, совсем нет в употреблении. Это происходит от того что иностранные войска составлены из людей свободных, а наши — из подданных; с первыми потребно иметь более осторожности, а наши терпеливы и безответны. Порядок и опрятность видны даже и в самых военных действиях и, в особенности, в войсках австрийских, что походит более на педанство. В сражении против неприятеля потребны не пудра, не глянец на ремнях, не блеск металлических вещей: но мужество, отважность, стойкость. Да и самая их муниция есть весьма затруднительная для воина, обращающегося в непрерывных действиях, как-то: белого цвета мундиры, панталоны и все ремни вообще требуют великого сбережения от всякой нечистоты, дабы сохранить их в своих видах; почему случалось мне заметить, что они не столько заботятся о военных своих подвигах и славе, сколько о чистоте своей муниции; ибо всякий почти раз на роздыхах упражняются в чищении оной мелом, равным образом и бессрочных вещей, от чего ружья у них, правду сказать, в великой исправности; но к сему надобно добавить и другую правду что огнестрельное их оружие в доброте далеко превосходит наше, заготовляемое пополам со злоупотреблением; сверх сего затрудняются они еще нащот своих голов и ног, ибо носят косы и всегда во

всякое время под пудрою, как и мы, а ноги их стянуты до колена черными суконными щиблетами с пуговицами и в башмаках, как и наши, что для воина вовсе неудобно, особенно во время военных действий, где часто случается переходить ему топи, болота, реки, грязь, камни и тому подобное; [162] ноги его всегда мокры, не так как бы могли быть сбережены в свободных сапогах, и от того подвергаются непрерывным болезням, убылям, от замещения коих терпят все состояния государства и земля лишается рук ее возделывающих, внутреннее богатство и сила оскудевают и: прочее и прочее, подобно как и у нас. Одно спасение Австрийцев, в рассуждении сохранения целости их мундиров, есть серого сукна шинели до колена которые они почти завсегда на себе имеют, кроме парадных маршей, тогда скатывают их во всю длину в трубки и перекидывают через плечо, и в сем случае они гораздо спокойнее и полезнее наших размашистых плащей, потому что шинель надевается в рукава, спереди застегивается пуговицами и перетягивается портупеею, и так далее, надевается поверх оной патронная сума; небольшие каскеты, а частию и трехугольные шляпы, как и у нас, украшают несчастные головы. Полки их различаются, как и у нас, разноцветными лацканами; но эта пестрота в войске и глазам, и хорошему вкусу, и устройству противна: еще к щастию что у них покррой мундиров одинаковой, а не как у нас разнообразной. Что ж принадлежит до венгерских полков, составляющих не малую часть австрийского войска, то и они имеют те же самые мундиры, с тем только различием что все вообще, как конница так и пехота, имеют вместо белых панталонов голубого цвета гусарские чикчиры с выкладкою снурком, а вместо щиблет короткие в обтяжку полусапожки; равным образом и голов своих не пудрят, но волосы свои заплетают вместе с лавержетом в длинные косы и сзади закалывают гребенками и носят длинные виски на подобие вьющихся локонов по обеим сторонам; на головах имеют кивера, а гренадерские их полки огромные медвежьи с шерстью каски, придающие им более мужества и важности, нежели наши сахарные головы. Венгерцы сами по себе есть [163] люди прекраснейшие, рослые ж стройные, каких только может произвести природа. О французской одежде не могу сказать ничего постоянного; она так разнообразна и пестра, как души их, которые весьма трудно объяснить. Что ж принадлежит до характера и тех и других, то думаю, всякому известно, какая большая разница находится между Немцем и Французом, а как характер имеет непосредственное влияние и на действие духа, то по поводу сего могу утвердительно сказать что ни те, ни другие не могут равняться в духе с нашими русскими воинами; ибо в них нет той уверенности, или лучше сказать, самонадеянности, той отважности, решимости и стойкости, коими Россиянин заставляет удивляться себе. Относительно офицеров австрийских, можно сказать что они при весьма медлительном исполнении своей обязанности, оказывали всегда более снисходительности к человечеству, нежели твердость своего характера, но снисходительности пристрастной и порочной; ибо чрезмерная их склонность к корыстолюбию делала их более слабыми, упустительными, а потому и преступниками верности к своему отечеству: и вот главные их догматы добродетели и человеколюбия! О образованности их можно сказать то же что Бог дал миру все пополам; между тем имеют они среди себя хороших тактиков и инженеров, но все пахнет от них флегматизмом и педанством. Таланты сии превосходны, отличительны; но они видны тогда, когда блестят на опыте. Образ жизни их одушевляется более празностию и приметным занятием самих с собою и сварливостию, где не могут при том скрыться их гордость, тщеславие и низость душ. Главные их начальники или баричи, или дослужившиеся, или фавориты двора и вельмож, а потому мало имеют познаний в военном искусстве, или оное бывает ослаблено временем, или педантизмом, или медлительною осторожностью, бываемою столько гибельною для подчиненных, или собственными [164] своими видами. Будучи впрочем сыны одного отечества, питомцы одной матери земли, их чувства и склонности есть общие, частным же в них может почтяться одна наружность. Сверх того, говоря о главных австрийских начальниках, надобно добавить и то что они во всех своих военных действиях есть невольники так называемого придворного военного совета, имеющего непосредственную власть в распоряжениях оными. Совет сей состоит из старых избранных генералов, оставивших уже поприще своего отечественного служения, я не говорю: опытных; ибо значение сего слова требует многого. Сей-то совет, или Гофкрикрат, на случай военных действий назначает главнокомандующих и, сообразно положению дел своих против неприятелей, предписывает им планы расположения и действия их армии, так что главнокомандующий или какой отдельный начальник не в праве уже нарушить сии предписания, хотя бы неприятель тогда же переменял свою позицию и действия. В таком случае всякой начальник обязан относиться о том в совет и ожидать от него новых предписаний, коими бы мог руководствоваться. Такое стесненное положение военных начальников часто ввергало их и всю подведомственную им армию в величайшие опасности и влекло за собою гибельные последствия, что и видели мы неоднократно на самых опытах в первую их кампанию в Италии, когда великий гений Франции умел пользоваться как австрийскою медлительною, посредством своих быстрых движений, так и предписаниями венского военного совета, посредством золота. Тайна сия всем сделалась известною, с помощью которой сей блестящий метеор пролетал обширные владения своих врагов, совершал над ними невероятные победы, брал тысячами в плен, стеснял их в одну точку и наконец давал законы в Вене, столице Германии, с императорского престола, доселе знаменитого своим могуществом, и император Рима, сложив [165] с себя сие достоинство, учинился рабом наглого Корсиканца. И может ли что быть безрассуднее упомянутых предположений военного совета, тогда как военные действия есть не иное что как быстротекущая машина, действующая согласно направлениям неприятеля; одна минута ранее, одна минута

позже, определяет судьбу сражения, или поглощает тысячи невинных жертв, или спасает их. Не видели ли мы сему опыт над собою, когда с отважностью стремились мы овладеть неприступными укреплениями Нови и должны были отступать, потому что не приспело еще время поколебать твердую его позицию? Но когда сия решительная минута настала, тогда только совершился план нашего великого полководца и победители провозгласили: ура! Но обратимся к продолжению моих замечаний.

«Нижние воинские чины Австрийской монархии не принадлежат ни к каким существенным членам оной; они не иное что суть, как раболепные исполнители самовластия, но они могли бы быть и хорошими воинами, если бы примеры начальников сопровождали их к славе, если бы привычка видеть себя всегда побежденными, быть только странствующими узниками своих врагов, не ослабила в них дух воинственного мужества и не влила бы в них яд хладного флегматизма и равнодушие ко всему унижающему. Но Австрия имеет еще в недрах своих надежных воев. Венгерцы, исполины мужества и испытанной верности, могли бы быть всегда главною подпорой престола и защитою областей; но будучи стеснены в своей свободе, ограничены в деятельности, подчинены немецкому самовластию, они не могут распространяться в сфере своей предприимчивости, которою природа их окружила, не могут оказать твердость своего духа и крепость своей руки так, как бы им желалось; но всякий знает их, сожалеет о них, а между тем Австрийцы торжествуют над ними, и монархия терпит. Венгерское войско состоит из [166] одних нижних чинов; но начиная с субалтер-офицера до высшего класса, все — природные Немцы. Неужели венгерское дворянство не способно отличать себя на поприще военном вместе со своими соотечественниками? Неужели не заслуживает оно стать на ряду с своими притеснителями? Нет! о том и думать обидно: но одна политика, одне интриги немецкого правительства отдалили его от соревнования быть полезными своему отечеству и монархии и, может быть, еще что-нибудь другое, которое скрывается за завесою непроницаемой тайны».

«О французских войсках надобно сказать что сия великая, славящаяся своим просвещением нация, со времени происшедшего в ней переворота, когда нравственность ее изменилась, когда все священные обязанности в отношении к Богу, к престолу и к ближнему среди ее разрушились, она превратилась в лютых хищников и кровожадных зверей, утоляющих свои страсти и заблуждения самым варварским образом, несвойственным ее просвещению. Но говоря собственно о воинских ее качествах, надо отдать справедливость что Французы дерутся славно, твердо и искусно; начальники их отважны, единодушны; диспозиции их основательны, тонки; движения их быстры и могли бы быть для них полезны, если бы Русские, своим преимущественным стремлением, необоримым мужеством и твердостью характера не опровергали их; никакой продолжительный огонь не может их принудить оставить их своего места, кроме русского штыка. Впрочем, не знаю, какой другой народ, кроме русского, может противостоять Французам? Со временем, кажется, увидим мы событие сего моего заключения. Каких следствий, какого переворота должна ожидать волнуемая Европа! Стало быть, мы имеем многим чем возвышаться пред прочими просвещенными нациями: благосостояние монархии во всех отношениях, неисчерпаемое богатство, могущество, [167] твердость, неприкосновенность достояния всех сословий, в особенности дворянства, незыблемое спокойствие и все гражданские и воинские доблести, суть те преимущества, которых лишены многие общества под солнцем обитающие; и дай Бог нам завсегда так прожить, как мы ныне под сению мудрого своего правительства наслаждаемся; так будущее столетие провести, как сие протекло и мы будем всегда гордиться именем Россиянина!

«Сим оканчиваю я мои слабые замечания и применение войск иностранных к Русским.

«Здесь же прилагаю я записку всем нашим полкам, бывшим в продолжение достославной кампании в Италии и Швейцарии, не исключая и корпуса генерала Римского-Корсакова, потом с нами соединившегося. Все полки и батальоны стоят под именами своих шефов, которые тогда ими командовали.

Кавалерия.

Корпуса Корсакова полки: 1) Лейб-Кирасирский ее Величества. 2) Кирасирский Воинова. 3) Драгунский Шепелева. 4) Драгунский Гудовича 6-го. 5) 2-й Драгунский Свечина. 6) Гусарский Головина. 7) Гусарский Боуера. 8) Татарский Барановского.

Корпуса Суворова Донские Казачьи полки: 9) Грекова.. 10) 1-й Денисова. 11) Семерникова. 12) Молчанова. 13) Поздеева.

Корпуса Корсакова Донские Казачьи полки: 14) Астахова. 15) Курнакова 1-го. 16) Сычева. 17) Курнашева. 18) Кумшацкого.

Инфантерия.

Корпуса Суворова Гренадерские сводные батальоны: 6) Грязева, бывший Ломоносова. 2) Калемина. 3) Дендрыгана. 4) Оленина. 5) Шкапского. [168]

Корпуса Корсакова Гренадерские сводные батальоны: 6) Трейблута. 7) Чижова. 8) Потапова. 9)

Рахманова.

1) Гренадерский Розенберга полк, из корпуса Суворова.

2) Гренадерский Палицына полк, из корпуса Корсакова.

Корпуса Суворова Мушкатерские полки: 1) графа Каменского 2-го. 2) Ласунского 1-го. 3) Быкова. 4) Милорадовича. 5) Барановского. 6) Ферстера. 7) Велецкого. 8) Швейковского 1-го.

Корпуса Корсакова Мушкатерские полки: 9) Тучкова 1-го. 10) Эссена 3-го. 11) Фон-Гартунга. 12) Дреммеля. 13) Швейковского 2-го. 14) Пршибышевского. 15) Селехова. 16) Фертша. 17) Брунова. 18) Измайлова. 19) Графа Разумовского.

Корпуса Суворова Егерские полки: 1) Князя Багратиона. 2) Чубарова, потом Миллера.

Корпуса Корсакова Егерские полки: 3) Алфимова. 5) Гангеблова. 5) 2-й Титова.

Артиллерия.

Одна рота конной Богданова. Пять рот Сиверса баталиона. Две роты Капцевича батальона. Две роты Маркеля батальона. Одна рота пионеров и саперов.

Сверх сего, по инженерной и квартирмейстерской части, комиссариатские, штабные, врачебные и гражданские по дипломатическому отделению чиновники и несколько волонтеров.

На зимних квартирах в Богемии русские пробыли более месяца и успели хорошо отдохнуть, оправиться и починить обозы. Один из участников похода (Старков) так рассказывает о стоянке в Богемии: «Тут нас (ратников) обмундировывали, выдали холст на рубашки, башмаки, и на многих шили мундиры и шинели: выдали и жалованье, и за прошедшее давно порционные деньги. Квартиры наши у соплеменников были роскошны. И до сего часу моей жизни помню доброе, милое их к нам, Русским, расположение, и забыт [169] это был бы тяжкий грех душе нашей. Многим из ратников жители насильно, так сказать, втерли от себя белье, чулки, платки и прочее, что было только нужно ратнику; а кормили... истинно на славу. Мы отдохнули; позабыли прошлое, в Альпийских горах перенесенное, — и были бы готовы идти с радостью на врага».⁴

Сам Суворов писал Растопчину про зимние квартиры. «Мы здесь плавали в меде и масле.»

Пребывание генералиссимуса в Праге оживило столицу Богемии: в главную квартиру русской армии приезжали офицеры повеселиться и взглянуть на обожаемого вожда. ОТЕЛЬ барона Вимера, который он занимал, сделался rendez-vous для высшего общества, обратился в подобие дворца владетельной особы, куда все стремилось: иностранные генералы, министры, дипломаты искали расположения русского полководца, ловили каждое его слово; везде ему устраивались торжественные встречи, хотя он этого избегал; всякое общественное собрание жаждало иметь его своим гостем. Старик охотно принимал приглашения, казался веселым и беззаботным. Русские святки не были забыты в Праге, и Суворов заводил [170] разные игры: жмурки, фанты, жгуты, хороводные песни; сам пел и заставлял петь по-русски немецких дам. Важные австрийские сановники, сам напыщенный граф Бельгард и англичанин лорд Минто, принуждены были принимать участие в этих забавах. Суворов пускался в танцы, пугал игры и смеялся от всей души. Образ жизни его и обращение отличались такими же странностями, как и прежде. Например, бывали у него утренние приемы и обеды; гости приглашались присутствовать на богослужении в его домовую церковь. За стол садились обыкновенно между 8 и 9 часами утра; стряпня была просто невозможная, переносимая только привычными людьми. Выйдя к гостям, эксцентричный хозяин обыкновенно целовался со всеми и каждого по очереди благословлял; за столом ел и пил больше всех, ведя оживленный разговор, причем сам говорил тоже больше всех; беседа часто сворачивала на военные заслуги хозяина, который в этих случаях не отличался скромностью, извиняя себя примером древних римлян, которые прибегали к самовосхвалению для того, чтобы возбуждать соревнование в слушателях. Обед продолжался часа полтора или два. По окончании обеда Суворов вставал, давал всем свое благословение и отправлялся на несколько часов спать.

В церкви Суворов бывал часто, выстаивал непременно всю службу, молился очень усердно, поминутно крестясь и делая земные поклоны, пел на клиросе, дирижируя певчими. Вообще повсюду он держал себя одинаково непринужденно, сообразно со своими взглядами и привычками. Но эти взгляды и привычки нередко во многом расходились с общепринятыми и, кроме того, беспрестанно проскакивали совсем уже необычные причуды и выходки.

Однажды в Праге ему представлялся австрийский генерал большого роста; этим генералом Суворов почему-то был [171] недоволен⁵. Когда доложили об австрийце, генералиссимус поспешно вышел в приемную, схватил стул, встал на него, поцеловал генерала и, обратившись к присутствующим, сказал: «это великий человек, он вот меня там-то не послушал», а потом повторил свои слова по-немецки. Генерал побледнел, а Суворов перестал обращать на него внимание.

В Праге же один из местных вельмож давал бал; русскому главнокомандующему была приготовлена пышная встреча; вся лестница уставлена сверху до низу растениями; нарядные дамы образовали с обеих сторон шпалеры. Князь Итальянский пошел по лестнице, раскланиваясь на обе стороны; наверху его встретили музыкой, и одна из дам запела: «слався сим, Екатерина». На грех, эта дама была беременна. Сначала Суворов слушал с видимым удовольствием, потом подошел к певице, перекрестил ей будущего ребенка и поцеловал ее в лоб, отчего она вся вспыхнула. Начались танцы. Высокопочитаемый гость ходил и смотрел на танцующих; но когда заиграли вальс, и пары понеслись одна за другой, он подхватил своего адъютанта и пошел с ним вальсировать не в такт, в противоположную сторону, беспрестанно сталкиваясь с танцующими. Обходя затем разные комнаты, наполненные гостями, он заметил картину, изображавшую знаменитое отступление Моро (в 1796 г.). Суворов посмотрел на нее и спросил хозяина, не желает ли он видеть на самом деле, как Моро ретировался. Хозяин не понял вопроса, но из вежливости отвечал утвердительно. «Вот как», сказал Суворов, побежал по комнатам, спустился с лестницы, сел в карету и уехал домой. Потом говорили, что вся эта неприличная сцена была разыграна Суворовым, потому что хозяйка дома была дочерью Тугута. Все сходило с рук знаменитому чудаку, привлекавшему [172] внимание Европы и находившемуся в апогее своей славы. Отовсюду получал он знаки уважения и новые почести. Вдова бывшего герцога Курляндского охотно согласилась выдать свою дочь за сына Суворова Аркадия. Курфюрст Саксонский прислал в Прагу своего придворного живописца Шмита, чтобы написать портрет генералиссимуса для Дрезденской галереи. Курфюрст Баварский прислал орден св. Губерта. Сам император Франц, как будто желая загладить прежние несправедливости, выражал в рескрипте от 3-го декабря Суворову свою признательность и оставил ему на всю жизнь звание австрийского фельдмаршала с соответствующим жалованьем в 12,000 гульденов. Известный английский адмирал Нельсон прислал русскому полководцу письмо, в котором писал: «В Европе нет человека, который бы любил вас так, как я; все удивляются, подобно Нельсону, вашим великим подвигам, но он любит вас за презрение к богатству». Считая себя по наружности весьма похожим на Суворова, Нельсон радовался такому сходству и по этому случаю прибавил в своем письме: «Знаю, что мои подвиги не могут равняться с вашими; но верно мы с вами в родстве, и я прошу вас никогда не лишать меня драгоценного имени любящего вас брата и искреннего друга». На это эксцентричное письмо Суворов отвечал в том же духе: «Рассматривая портрет ваш, я действительно нашел сходство между нами; это лестно для меня; но еще более восхищаюсь тем что мы сходимся умом и мыслию»...

Наступил 1800 год, вместе с тем новое столетие. Император Павел послал собственноручное поздравление полководцу, пользовавшемуся в это время его неограниченной милостью.

«Князь! писал русский государь. — Поздравляю вас с новым годом и желая его вам встретить благополучно, зову вас к себе. Не Мне тебя, герой, наградить; ты выше мер [173] Моих; но Мне чувствовать сие и ценить в сердце, отдавая тебе должное.

«Благосклонный

«Павел».

Окруженный знаками царских милостей, общего почтения, любовью армии и всей России, Суворов казался бодрым и веселым. Смотри на него в это время, никто не подумал бы, что видит перед собою семидесятилетнего старика, удрученного глубокими страданиями душевными и уже близкого к могиле. Он представлялся беззаботным для того только, чтобы скрыть душевные свои раны. Во всех заметках, писанных генералиссимусом в Праге, слышится какое-то грустное разочарование. Он чувствовал, что поприще его кончено!

Армия тоже встречала новый год. Обычные визиты существовали и тогда. Так, Грязев в своем дневнике пишет:

«1-го января 1800 г., в городе Будвейсе. Утро проведено в обыкновенном чинопочтении, как долг нашей службы требовал. Вечером был редут, но не могу сказать, чтобы он занимал нас собою, хотя впрочем был многолюден по причине годовой ярмарки здесь продолжающейся.

«2-го — отправился обратно из Будвейса и возвратился опять в скучный Гаммер свой.

«3-го — получил от полка объявление, что я Высочайшим государя императора Павла I приказом, последовавшим прошлого 1799 г., октября 24-го числа, произведен в майоры, с назначением командиром сводного гренадерского батальона, составленного из двух флигель-рот нашего и таковых же двух Екатеринославского, что ныне генерала Палицына, полков, который батальон находился в первом корпусе и стоял на квартирах близ города Праги. Сие возвышение, как новая милость моего Государя, исполнила душу мою неизреченною радостью; ибо вместе с сим возвышением получил [174] я новые чувства и новые силы к служению признательному Монарху и отечеству. Между тем должно было оставить полк и отправиться к своему батальону для принятия оного от прежнего его командира полковника Ломоносова; почему следующие дни и употребил я на приуготовление всего того, что было нужно для сдачи командуемой мною роты в полку и для отправления своего в путь.

«6-го — сдал свою роту капитану Штегеману. Привычка к людям, разделявшим все труды мои со мною и на кровавом поле брани доказавшим мне свою доверенность, преданность и любовь, много подействовала надо мною в сей день моей разлуки с ними — но должно было повиноваться обстоятельствам и новой призывающей меня обязанности.

«Прага, столица Богемии, есть город весьма обширный, правильно устроенный, великолепный и богатый, с регулярными укреплениями. Положение его при большой реке Молдау, через которую сделан прекраснейший каменный мост, считающийся во всей Германии редкостью. Река сия разделяет город на две части, но первая превосходней последней. Было бы что заметить здесь более, но время было столь для меня дорого, что я считал каждую минуту, долженствующую меня приблизить к моей новой обязанности.

«13-го, чрез местечко Бернаун, до местечка Лоховиц 5 миль, где расположен был штаб моего батальона, а роты оной составляющие в окружных селениях. Прежнего командира сего батальона, Ломоносова, я здесь не нашел; он на-ходшгся за болезнию в отлучке и потом отставлен от службы с награждением генерал-майорского чина.

«14-го и 15-го, занимался осмотром всех частей, составляющих батальон и нашел их в совершенном расстройстве: люди и состоящая на них казенная муниция, срочная и бессрочная, доведены до самого ничтожного положения; многие неудовлетворены положенными и награжденными денежными [175] дачами, артельные экономические суммы расхищены, казенный обоз, лошади и упряжь в самом жалком состоянии, ротные командиры и многие офицеры, находились за ранами в отлучке; ибо сей батальон, будучи во всю кампанию в авангарде князя Багратиона, много потерпел и за большими убылями, как офицеров, так и нижних чинов, на лицо состояло не много. Но все это вместе не должно было расстроить его до такой степени, в какой при обозрении моем он оказался, если бы начальник его имел лучшее об нем попечение, словом такое, какое бы по долгу службы иметь надлежало. Но он, при помощи своих канцелярских друзей и прочих пособий, умел только пользоваться чинами, орденами, а о чести и действительных отличиях вовсе не помышляя, не радел и о своей обязанности⁶. Такое положение батальона и его прием, в рассуждении ответственности, много затруднял меня и многим мог доставить неприятности, судя по строгости, введенной в образ военной нашей службы; но и обязан был со всею подробностью о приеме батальона и его положении отнестись рапортами, к частному начальству, в инспекторский департамент и в собственные руки государя императора. Но я решился не упускать из виду ничего из правил, определяющих порядок службы и обязанность каждого чиновника. Продолжал свои исследования, соображения, проверки и заготовлял все нужные по сему предмету бумаги, дабы в свое время исполнить все то что от меня требовалось».

V. В Россию.

[176] Но в это время совершился уже окончательный разрыв России с Австрией, и Суворов получил повеление выступить с армиею в отечество.

Дело в том, что Лондонский кабинет во чтобы то ни стало подстрекал Австрию к продолжению войны с Францией, усиленно предлагал поддержку и субсидии, соглашался на присоединение к Австрии части Пьемонта, обещал употребить свое ходатайство, чтобы русский император удержал, в случае надобности, Пруссию от всяких враждебных покушений против Австрии. Рассчитывая на покровительство английского министерства, барон Тугут скоро оправился от своего первого испуга, явившегося следствием категорических требований императора Павла, и вместо определенного ответа относительно видов венского двора на Италию старался многоречием, льстивыми уверениями, темными фразами доказывать Колычеву, что мера ожидаемых вознаграждений не может быть определена заранее, а должна соразмеряться с будущими успехами оружия, что самое восстановление королевского престола во Франции, хотя и составляет предмет желаний австрийского правительства, однако, не полагается непременною условием. Под видом самой дружеской откровенности, хитрый дипломат начал говорить русскому послу⁷, что секретные статьи договора, заключенного в декабре 1794 года по случаю раздела Польши, давали Австрии полное право на вознаграждения в Италии; для безопасности владений австрийского дома, будто бы, необходимо, чтоб он был преобладающею державой на Аппенинском полуострове, в доказательство чего Тугут приводит и распространение в Италии вредных революционных [177] мыслей, и мятежный дух народа, и слабость мелких итальянских владетелей, которые не в состоянии оградить себя от честолюбия Франции. Все это клонилось к тому, чтобы доказать необходимость присоединения к австрийским владениям значительной части восточного Пьемонта с крепостями Александрией и Тортоною. Кроме того, австрийский министр признавался в намерении отделить от церковных владений легатства Равенское, Феррарское и Болонское; чтобы оправдать это притязание, министр пустился в самые утонченные объяснения, понизил голос и так запутал свои фразы, что Колычев уже вовсе не мог ничего понять.

Теперь Тугут перестал заботиться о русской помощи и даже рад был лучше совсем отделаться от

слишком взыскательного союзника, чем отказаться от заветных своих замыслов. В длинной ноте, представленной в половине ноября, австрийский первый министр выражал, что, присваивая себе вышеупомянутые области, венский двор поступает даже великодушно, настолько велики пожертвования Австрии, понесенные ею в течение продолжительной войны. По этому поводу император Павел заметил, что при таком расчете дом Австрийский, после еще нескольких лет войны, делается неминуемо обладателем целой Италии»...

Около этого же времени еще раз подтвердился крайний эгоизм Австрии и пренебрежение ее к России. Суворов в одном из донесений императору Францу просил, между прочим, чтобы при размене пленных не были забыты русские (4 генерала, 150 штаб и обер-офицеров и до 4000 нижних чинов), попавшие в руки неприятеля в Италии и Швейцарии. Тугут отвечал, что венский двор не считает себя обязанным выменивать тех пленных Русских, которые попали в руки неприятеля в Швейцарии, ибо они там состояли на субсидиях Англии, которая поэтому и должна о них заботиться. Крайне удивленный таким отзывом, Суворов [178] представил императору Францу простой арифметический расчет: в Италии, говорил он, я оставил в руках неприятеля не более 300 Русских, а в Швейцарии до 1000 человек, большею частью больных и раненых; между тем как у неприятеля взял в Италии 80,000 пленных и, сверх того, вывел из Швейцарии до 1400 Французов, которых также сдал в Куре на руки Австрийцам. При такой соразмерности, очевидно, русские войска заслужили, чтобы их товарищи, хотя и принадлежавшие к корпусу Корсакова, были также выручены из плена.

Наконец, Тугут прямо высказал Колычеву, что продолжительное пребывание русской армии в австрийских владениях будет слишком обременительно для края. Это же должен был лично объяснить Суворову граф Бельгард, посланный к нему в Прагу под видом необходимости переговорить о плане будущей кампании. Можно было заранее предвидеть, что посольство графа Бельгарда, человека вполне преданного Тугуту, притом склонного к интригам и весьма несговорчивого, не будет иметь никакого успеха. Поэтому английский посланник лорд Минто, поспешил сам отправиться в Прагу, чтобы исправлять то, что будет портить Бельгард.

Русский полководец принял его вежливо, но весьма холодно и недоверчиво, даже не вошел с ним ни в какие суждения о плане будущей кампании и на все доводы отзывался, что свои мнения представит предварительно на одобрение Российского императора, а потом уже чрез Колычева сообщить венскому двору. Бельгард заявлял, что русская армия не может оставаться в австрийских владениях: но Суворов отвечал, что не в состоянии самовольно переместить ее без особого на то Высочайшего повеления Российского императора, для облегчения же обывателей согласен только распространить квартирный район. Спокойные ответы Суворова выводили из терпения Бельгарда; в пылу досады [179] он заносчиво высказывал, что Австрия вовсе не имеет надобности в русской армии и выставит одна до 230,000 собственных войск. Суворов все выслушивал хладнокровно и повторял те же ответы; Бельгард выходил из себя, спорил, кричал, угрожал, но все было напрасно: генералиссимус, узнавший, что многие винят его в разрыве, запаса двойным терпением, «дабы не было поклепа, что я великого монарха в неудовольствие привел на венский двор». Так и уехал Бельгард из Праги, даже не выведая мыслей Суворова, но наслушавшись от него горьких истин. При удобном случае поверенному Тугуту было сказано, что затруднения в продовольствии войск — только предлог, чтобы сжить русские войска; во время святочных игр ему пришлось проглотить от Суворова такую фразу: «играли Неаполем, мстили Пьемонту, а теперь хотя играть Россией». О присланных с Бельгардом военных предположениях из уст в уста передавался отзыв, что эти планы кампании «красноречивы, но искусственны; прекрасны, но не хороши; блистательны, но не основательны».

Впрочем, все переговоры и предположения о будущей кампании должны были остаться безо всякого результата, ибо в рескрипте Суворову от 27-го декабря император Павел, между прочим, ясно выразил: «идите домой немедленно». Никакие политические подходы венского двора, никакие ухищрения Англии не могли и впоследствии изменить решения Павла Петровича: он с негодованием увидел, что все якобы его союзники, постоянно пользуясь его помощью, относятся враждебно к выгодам России и с полным пренебрежением к Русским. Так, наглость поведения Австрийцев в известном деле под Анконою превосходит всякие пределы.

Анкону осаждали совместно австрийцы (ген. Фрелих), русские (граф Войнович) и турки. Фрелих, не взирая на протесты Войновича, предложил французскому коменданту [180] Анконы сдать крепость на самых выгодных для французов условиях и заключил 2-го ноября капитуляцию без согласия своих союзников. Первая статья капитуляции гласила: «Имея в виду что капитуляция, подписанная 8-го минувшего июля месяца в городе Фано, между республиканскими войсками и начальником Российско-Турецкого отряда, была сим последним нарушена; предпочитая самую смерть бесчестному договору с властями, не признающими прав общенародных; ; принимая с другой стороны во внимание положение, в котором находится Анконский гарнизон; наконец, в уважение сделанного генералом Фрелихом четвертого и последнего предложения о сдаче крепости, командующий Анконскою дивизиею и войсками, к ней принадлежащими, объявляет, что не иначе соглашается вступить в переговоры, как только с названным генералом императорско-королевской армии». Фрелих против этой статьи написал: «Согласен». В чем

состояло мнимое нарушение капитуляции города Фано — неизвестно.

Выпустив 3-го ноября тайно французов из крепости, Фрелих ночью ввел туда свои войска, а русских и турок запретил туда впускать. Тогда Войнович в ту же ночь приказал своей флотилии послать в гавань пять судов, высадив команды, поднять на моле, карантине и на судах флаги русский, турецкий и австрийский. Едва это было сделано, как явились многочисленные команды австрийцев, силою спустили русский и турецкий флаги, обезоружили поставленных при них часовых, арестовали одного из русских офицеров и везде подняли австрийский флаг. Когда Войнович потребовал от Фрелиха объяснений, то австрийский генерал хладнокровно отвечал, что не давал приказания употребить силу, а велел только снять часовых и спустить флаги. Тогда начальник Войновича, командовавший Средиземною эскадрой адмирал Ушаков, сам написал Фрелиху, но последний отвечал, что [181] по множеству занятий не имеет времени входить в подробные объяснения. Подобного оскорбления не мог уже перенести Российский монарх.

Дружественные отношения Павла I к Англии в конце 1799 г. также нарушились. Еще во время совместной экспедиции русских и англичан в Голландию русский генерал Эссен часто жаловался государю на малую заботливость английских начальников о русских войсках. Однако, русский граф Воронцов, пробывший шестнадцать лет послом в Лондоне, почти переродившийся в англичанина и уже теперь ближе принимавший к сердцу интересы Англии, чем России, опровергал донесения Эссена, выставлял его клеветником, человеком беспокойного характера, и, напротив, превозносил заботливость английского правительствa, его дружелюбное расположение к русским. Эссен был отставлен от службы. Впоследствии истина донесений Эссена обнаружилась самым неотразимым образом. 7-го ноября эскадра Бреера с русскими войсками прибыла к английскому порту Дилю, но ей не позволили высадить солдат на берег. На другой день эскадра подняла паруса и пошла в Портсмут, где 10-го ноября Бреер получил извещение, что русским назначено зимовать на острове Джерсей и Гернсей, ибо граф Воронцов не решался высаживать войска в самой Англии, во избежание неприятных столкновений (?). Так как Джерсей и Гернсей не доступны для больших кораблей, то английское адмиралтейство обещало прислать транспортные суда; но их пришлось ждать очень долго. Кроме того, никаких помещений на островах не было, относительно же постройки барачков англичане сделали распоряжение лишь в последнюю минуту, и русские около шести недель оставались в виду Портсмута в тесном заключении на кораблях; только 24-го декабря началась перевозка людей на острова, но по недостаточному числу транспортов не окончилась даже и к новому столетию. [182]

Не на радость высадились русские на твердую землю. По словам самого Воронцова, «они находились в сущей нагости; уже гораздо за сроки носили изветшалую совсем одежду; а иные уже более года должны бы получить оную»... Итак, целую зиму солдаты находились без одежды и обуви, терпели недостаток в самом необходимом в союзной стране, которая не имела достаточного сбыта для своей громадной мануфактурной промышленности.

В это же время возникли недоразумения с Лондонским кабинетом при расчетах субсидий, которые англичане обязались выдавать на содержание русских корпусов Римского-Корсакова (в Швейцарии) и Гермона (в Голландии). Современные карфагеняне прибегали к таким торгашеским уверткам и вошли в такие мелочные подробности, лишь бы заплатить возможно меньше, что Павел Петрович приказал предоставить англичанам всю должную им сумму 463,000 фунтов стерлингов «и затем не входить уже с ними ни в какие расчеты, ни объяснения»... Графу Воронцову предписано было объявить лорду Гренвиллю, что Российский император «подает помощь союзникам своим, а не торгует наемными войсками и не продает своих услуг»... Русским войскам и флоту повелено было возвратиться в отечество, Воронцову же Растопчин написал в таких выражениях: «Его величество, усматривая из неоднократных донесений ваших разные представления вопреки воле его, приказал вам сказать, что если исполнение оной вам в тягость, то не возбранено вам просить увольнения от службы»...

Таким образом отношения России к союзным Австрии и Англии были обострены до последней степени; напротив, началось сближение с прежним противником, Францией, где 18-го брюмера (29-го октября) совершился политический переворот, и во главе государства стал молодой 30-ти летний [183] генерал Бонапарт, сумевший завязать сношения с императором Павлом.

14-го января 1800 г. армия Суворова двинулась из Богемии в Россию двумя колоннами по тем же дорогам, которые были назначены еще в Аугсбурге: левая колонна состояла из корпусов Розенберга и Ферстера, а правая — Повало-Швейковского; каждая колонна по-прежнему была разделена на несколько эшелонов (отделений); батальон майора Грязева входил в состав левой колонны, в корпус генерала Розенберга. Обе колонны выходили в Тешене на одну дорогу и через три перехода опять расходились в разные стороны: левая — на Краков, Опатов, Люблин к Брест-Литовску; при этой колонне следовал сам Суворов; правая — на Тарнов, Замостье к Владимиру-Волынскому.

О начале движения Грязев повествует так: «16-го января, получил ордер выступить с батальоном из занимаемых им квартир в поход для следования в Россию. Эта новость сколько меня опечалила, столько же и обрадовала: первое потому что я лишаюсь исправить все беспорядки в батальоне и командовании оным по прекращении военных действий, а последнее потому что возвращение на милую родину оканчивало все

наши бедствия и соединяло нас с любезными нашему сердцу». Шли небольшими переходами, по 3 и 4 мили (21 — 28 верст) и 31-го января эшелон, в котором следовал батальон Грязева, дошел до города *Тропау*. «Я, говорит Грязев, со штабом батальона расположился в деревне *Камерау*. Здесь кончилась Моравия и начинается Силезия, тут же и граница Пруссии, где встретили мы прусские войска, в которых увидели мы своих образцов в отношении уродливой формы нашего обмундирования.

« 3-го февраля, в Кракове генералиссимус Суворов сдал начальство над армиею старшему из генералов Розенбергу [184] и, простившись с войсками трогательным приказом, отправился в Петербург». Об этом приказе упоминает только Старков в своих воспоминаниях, но в архивах не удалось его отыскать даже Д. А. Милютину.

Тот же Старков (стр. 268) отзываясь таким образом о населении страны, пройденной в это время: «На пространстве от селения Роза-Долин, в Богемии, до границ России, народонаселение вообще состоит из Славян, и редко можно было встретить целое село из дейчеров. Но в городах, местечках и даже в значительных селениях, лучшими угодьями земли владеют дейчеры. Их хотя мало числом, но значительность и мочь их, как народа господствующего, велика; они сыты по всем житейским отношениям. Нижнего пласта народ славянский большею частию беден, не просвещен, по трудности к тому способам. Вельможи чисто славянского рода (а их много) по большей части почти одейчерелись, и могучий числом и доблестями род Славян мало-помалу тлеет в ничтожестве».

Эшелоны левой колонны, направленной на Брест-Литовск, вступали последовательно в пределы отечества с 29-го февраля по 14-е марта, эшелоны правой колонны приходили во Владимир (Волынский) с 11-го по 24-е марта. Все части армии имели на границе дневку и потом расходились прямо по квартирам.

Описывая дальнейшее движение, Грязев, между прочим, пишет что было. «9-го марта, марш до местечка *Кобрин* 32 версты, принадлежащего нашему великому полководцу генералиссимусу, князю Итальяскому, графу Суворову-Рымникскому, где он и сам тогда по болезни своей находился, в противном случае ему надлежало бы уже быть в С.-Петербурге, где признательный монарх готовил для него почести, достойные его подвигов; и сюда прислал своего лейб-медика». [185]

Действительно, тотчас по выезде из Праги Суворов почувствовал, себя серьезно нездоровым, а в Кракове должен был даже остановиться и приняться за лечение. С трудом дотащился он до Кобрин и хотя написал в Петербург, что он остановился только на 4 дня, но остановка потребовалась в 10 раз длиннее. С живым участием принял Павел Петрович печальное известие о болезни своего полководца: «Молю Бога, да возвратит мне героя Суворова», писал ему государь. — По приезде вашем в столицу, узнайте вы признательность к вам государя которая однако же никогда не сравняется с вашими великими заслугами, оказанными мне и государству». Растопчин писал со своей стороны: «Мы все ждем вас; дай Бог, чтобы здоровы пожаловали с героями, спасшимися от злодеев, холода, голода, трудов и Тугута».

Суворову готовился настоящий триумф. Для его особы были отведены комнаты в Зимнем дворце; в Гатчине должен был его встретить флигель-адъютант с письмом от государя; придворные кареты приказано выслать до самой Нарвы; войска предполагалось выстроить шпалерами по обеим сторонам Петербурга и далеко за заставу; они должны были встречать генералиссимуса барабанным боем и криками «ура» при пушечной пальбе и колокольном звоне, а вечером приказано зажечь во всей столице иллюминацию.

Известия о царских милостях оживили славлюбивого Суворова и способствовали облегчению его страданий более, чем пособия медицины. Он уже встал с постели и, по случаю Великого поста, ежедневно ходил в церковь, пел на клиросе, громко читал Апостол, клал земные поклоны и вообще соблюдал все церковные обряды. По временам припоминал он свои боевые подвиги, диктовал заметки о последней кампании, мечтал о будущей войне и средствах успокоения Европы. Но когда изнуренные силы напоминали старику [186] преклонные его лета, тогда он уныло говорил: «Нет, стар я стал; поеду в Петербург, увижу государя, — и потом умирать в деревню»... Наконец, с разрешения медиков, Суворов тронулся в путь; но уже не по прежнему в простой кибитке, а в дормезе, лежа на перине. Казалось, что великий полководец все-таки достигнет вполне заслуженного им торжества. Однако столь полезный слуга своего отечества и государя, работавший с замечательною удачей 40 лет на боевом поприще, был несчастлив в личной своей жизни: неудача в супружеском счастье, постоянные интриги тайных врагов, противодействие завистников (Потемкин воспрепятствовал ему получить чин фельдмаршала за Измаил), все это заставляло испытать множество огорчений. Теперь он должен был испытать самый тяжкий последний удар. Злые языки подшепнули Павлу Петровичу что, будто бы, один Суворов не хочет подчиняться его новым уставам и утвержденному Высочайшею волею порядку службы. В пример высокомерия и непослушания приводили, что в Италии Суворов имел при себе дежурного генерала, который установлен только при особе императора. По этому поводу Суворову написан был рескрипт от 20-го марта: «Господин генералиссимус, князь Итальянский, граф Суворов-Рымникский. Дошло до сведения Моего, что во время командования вами войсками Моими за границею, имели вы при себе генерала, коего называли дежурным, вопреки всех Моих установлений и Высочайшего устава; то и удивляюсь оному, повелеваю вам уведомить Меня, что вас

понудило сие сделать»...

Изнемогавшему полководцу был нанесен смертельный удар. Болезнь возобновилась сильнее прежнего. В литовской деревушке, близ Вильны, в бедной крестьянской хате лежал знаменитый полководец на простой лавке, покрытый полотном. Убитый духом, он молился, стонал, и по временам из груди больного вырывались тяжкие восклицания: [187]

«Боже, за что страдаю!... Зачем не умер я в Италии!».

Дальнейший путь был крайне медленен. В Стрельне, 20-го апреля 1800 г., встретили его многие из Петербурга, окружили дормез, подносили ему фрукты и цветы, дамы поднимали детей под благословение. Но все приготовления к торжественной встрече были отменены.

Тот, кто когда-то победоносно, среди грома военной обстановки, въезжал в Измаил, Прагу, Милан, Турин и пр., теперь как бы тайком проникнул в столицу своего отечества; в закрытой карете, едва шевелясь на перине, медленно проехал русский герой по пустынным улицам Петербурга до Коломны и остановился в доме Хвостова, на Крюковом канале, между Фонтанкой и Екатерининским каналом. Присланный от государя генерал не был допущен до постели больного и оставил записку, в которой сказано, что генералиссимусу не приказано являться во дворец.

Старков приводит рассказ Багратиона, посланного императором Павлом справиться о здоровье Суворова: «Я застал Александра Васильевича в постели; он был очень слаб; впадал в обморок; терли ему виски спиртом и давали нюхать. Пришедши в память, он взглянул на меня; но в гениальных глазах его уже не блеснул прежний огонь. Долго смотрел он, как будто стараясь узнать меня; потом сказал: «а! это ты Петр; здравствуй!» и замолчал. Минуту спустя, он опять взглянул на меня, и я донес ему все, что государь повелел. Александр Васильевич, казалось, оживился; но с трудом проговорил; «поклон мой... в ноги... Царю... сделай... Петр!.. ух... больно!..» застонал и впал в бред».

Жизнь медленно угасала, как будто не решаясь покинуть великого человека. Перед последним причащением Св. Тайн, Суворов сказал: «долго я гонялся за славой, все мечта: покой души у престола Всемогущего». Наступила агония. Непонятные [188] звуки вырывались из груди больного в продолжение всей предсмертной ночи, но и между ними внимательное ухо могло уловить то, чем жил он на гордость и славу России; то были военные грезы, боевой бред; умирающий полководец бредил войной, планами новых кампаний и чаще всего поминал Геную. К утру он успокоился и, наконец, умолк навсегда: 6-го мая, в день Иова многострадального, во втором часу дня, Суворов испустил дух. Скорбь была всеобщая и глубокая, не выражалась она только на официальных сферах. «Петербургские Ведомости» не обмолвились ни единым словом, в них не было даже простого извещения о кончине генералиссимуса, ни о его похоронах, которые были назначены на 11-е мая. Военные почести приказано отдать по чину фельдмаршала, тогда как Суворов числился генералиссимусом. Он похоронен в Благовещенской церкви Александро-Невской лавры, с левой стороны, у окна: на плите пола надпись золотыми буквами: «здесь лежит Суворов»⁸. В это время его бывшая армия только что расположилась на квартирах после возвращения из похода, продолжавшегося более 1½ года. До нее дошла весть о смерти любимого вождя. Помнится, пишет Старков, — недель через шесть после прихода нашего в г. Ольгополь, пронесся слух, что Александр Васильевич, отец русского воинства, возведший его на высочайшую степень славы победы над врагами, отошел в вечность. Гений, единственный в мире полководец, не имевший равного себе по достоинству в военных соображениях, человек праведник, безгранично любивший свое отечество, Россию, преданнейший и бескорыстный слуга Царям — скончался! Многие из стариков ратников просили священников отпевать панихиды по усопшем нашем отце; и было много из нас, если не заказывавших панихид, [189] то молившихся: Господу Богу о упокоении души праведного. Кончилась надежда ратников; но не кончилась и *не кончится слава* между воинами русскими о нем, отце нашей, *о великом Суворове*!»

Из Англии русские войска возвращались в Россию постепенно и окончательно прибыли в начале сентября 1800 г. эскадра генерала Ушакова из Средиземного моря возвратилась 26-го октября в Ахтиар (нынешний Севастополь). Так как лондонский и венский дворы решительно отказались выменивать русских пленных, то первый консул Бонапарт решил просто освободить их, чтобы тем выразить свое уважение к императору и вместе с тем почтить доблести русских войск, которым одолжены враги Франции прошлогодними своими успехами. При этом французский посланник объявил, что Бонапарт отпускает пленных совершенно безусловно, не выпрашивая себе взамен никакого возмездия со стороны Российского монарха. Всех пленных оказалось до 6.800 человек.

Французское правительство оказывало им самое полное внимание. Первый консул приглашал офицеров приезжать в Париж и снабжал их деньгами. Он не хотел иначе отпустить русских, как одев их совершенно заново, снабдив их полным вооружением и всеми военными принадлежностями. Какая противоположность с союзниками англичанами!

Англичане тем временем захватили остров Мальту и подняли в Ла-Валетте британский флаг. Такой поступок, нарушавший положительный договор и противный всем прежним обещаниям лондонского

кабинета, был принят Павлом Петровичем за формальное объявление войны со стороны Англии, и тогда же повелено было во всех портах России наложить амбарго на английские суда и товары.

Так как император Павел образовал северный союз [190] (Россия, Пруссия, Швеция и Дания) для обуздания хищничества на морях со стороны английского флота, то Англия решила прибегнуть к оружию, чтобы расторгнуть этот союз. Тогда Павел Петрович, не ограничиваясь оборонительными мерами, вошел в тесное соглашение с Бонапартом и задумал нанести удар владычеству англичан в Ост-Индии. Но 11-го марта 1801 года, посреди своих приготовлений, Павел I скончался.

Примечания

¹ Эту встречу Д. Милютин (т. II, стр. 335) неправильно относит ко времени стоянки русских войск на квартирах в Баварии, а не ко времени их похода, как это было в действительности. Д. Милютин описывает смотр курфюрста следующим образом: «Курфюрст Баварский изъявил желание видеть русские войска в строю. Ближайший к Мюнхену полк, гренадерский Розенберга (Московский), стоял в Нимфенбурге. Князь Андрей Иванович Горчаков, который временно командовал этим полком, не решался было показать его в оборванных мундирах; но курфюрст просил так настоятельно, что князь Горчаков вынужден был вывести свой полк на смотр. Бодрый и воинственный вид солдат заставил позабыть их лохмотья». Так как на квартирах в Баварии Московский полк стоял верстах в 100 от Мюнхена, а смотр курфюрста состоялся совсем возле его столицы, то ясно, что смотр был произведен на походе. Д. Милютин не указывает, из какого источника заимствовал свои сведения об этом смотре, поэтому можно предполагать, что все написано со слов самого кн. Горчакова, который мог и позабыть, при каких именно обстоятельствах факт произошел, — помнил только, что в Баварии.

² Это тот самый Гонзаго, который работал у императрицы Марии Феодоровны при постройке зданий в Павловске и разбивке Павловского парка.

³ Замечания Грязева составляют весьма важный документ для истории военного дела в те времена.

⁴ Вообще в славянских землях Австрии к Русским относились крайне сочувственно, имя же Суворова было окружено ореолом славы. Тот же Старков рассказывает, как в 1805 г. (после поражения Русских и Австрийцев Наполеоном под Аустерлицем) ехал он через Галицию и в м. Мысленицы остановился в заездном доме, послав просить тамошнего австрийского начальника дать лошадей. В обширной комнате этого дома было человек пять стариков солдат австрийских, пехотных и драгун. Вслушавшись в их разговор, узнал я что они, горюя о потерянном сражении и о занятии Французами Вены, толковали — отчего и как потеряна их столица. Я вмешался в их разговор, и они говорили мне: «Виноват Макк! виноват Вейн-Ротер!» «Эх, говорили седые усачи, — в Италии с бойцом Шуворовым (Суворовым) били ль мы Французов; с Лавдоном (Лаудоном) били ль мы Турок! а те раз нас побили?.. Не стало их, и нас био.» И слезы у седого драгуна показались. Я спросил: в котором полку он служил в Италии. — «Служителем в регименте Коррачая», отвечал он. Все они превозносили Александра Васильевича Суворова.

⁵ Может быть это был граф Бельгард?

⁶ Кажется, здесь Грязев несколько увлекается в характеристике своего предместника: Ломоносов был храбрый человек, поработал много; не мудрено, что не успел еще исправить крайнего расстройства своего сводного батальона. Что касается «канцелярских друзей», искательства, то оно было вообще в обычаях того времени: сам князь Багратион подавал руку известному Прошке — слуге Суворова.

⁷ Донесение Колычева, от 1 (12) ноября 1799 г.

⁸ Плита эта ничем не огорожена, и всякий попирает ногами могилу русского великого человека.

Суворовская Пражка в Тульчине.

[191] 24-го апреля 1895 г., по почину преосвященного Димитрия, епископа подольского и брацлавского, совершено было архиерейское служение — панихида по генералиссимусе князе Италийском, графе А. В. Суворове-Рымникском, в д. Кинашеве (Подольской губернии), на месте того дома, в котором проживал фельдмаршал Суворов в 1796 году, при сборе его войск под Тульчином. При богослужении присутствовали войска 2-й бригады 19-й пехотной дивизии, которые приняли участие в крестном ходе к *Суворовской кринице*. Во главе крестного хода шествовало местное духовенство, вместе с преосвященным, а сзади двигалась огромная толпа народа. *Суворовская криница*, заключающая в себе воду превосходного качества, была расцвечена флагами. Владыко освятил воду, после чего сел в экипаж и направился к «Суворовской Пражке», отстоящей на $\frac{3}{4}$ версты от криницы. Народ направился туда же. На южном бастионе «Пражки», откуда открывается чудный вид на окрестности, была отслужена краткая лития с провозглашением вечной памяти, а войска произвели салют со всех трех бастионов и четырех рavelинов, сохранившихся от «Пражки» по сие время.

Но что же такое Суворовская «Пражка» и чем замечателен был сбор войск под Тульчином в 1796 году?

По окончании похода 1794 года, завершившегося штурмом польской Праги, блистательным и кровопролитным, повлекшим за собою полное умиротворение и третий раздел [192] Польши, Суворов, в январе 1796 года, приехал в Петербург, где удостоился самого милостивого приема у Императрицы. Но Суворову не место было при дворе. Вскоре он был назначен начальствовать войсками в губерниях Брацлавской, Вознесенской, Екатеринославской, Харьковской и Таврической Области. В марте фельдмаршал прибыл в Тульчин, избранный им для местопребывания главной квартиры армии, и здесь развил до полноты свою знаменитую систему воспитания и обучения войск, которая составляет совершенно оригинальную, самостоятельную школу. Здесь же великий военный педагог придал окончательную редакцию своему военному катехизису, известному под названием: «Наука побеждать, или деятельное военное искусство».

Предвидя уже войну с французами¹ и зная, что он будет назначен предводить русскими войсками, фельдмаршал сделал характерную и весьма существенную прибавку к своему катехизису: «Безбожные, ветреные, сумасбродные французишки убили своего царя!.. Они дерутся колоннами — и мы, братцы-ребята, должны учиться драться колоннами». И Суворов начал учить войска водить в атаку в колоннах. Итак, руководимый Суворовым сто лет назад, тульчинский лагерный сбор составляет довольно важную страницу в истории русского военного искусства.

По словам очевидца («Воспоминания суворовского солдата»), армия под Тульчином расположилась четырьмя лагерями вдоль ручья Сельница; впереди левого фланга была раскинута церковная палатка. Обыкновенные ученья производились по полкам, а по субботам бывали большие ученья, на которые собирались все войска; такие ученья назывались примерами. Руководил ими сам фельдмаршал, и тут-то он [193] и практиковал свои сквозные атаки и другие гениальные приемы воспитания. В сентябре месяце войскам производились ночные ученья, а закончился лагерь взятием штурмом укрепления.

Место для этого укрепления фельдмаршал назначил сам, в трех верстах к северо-востоку от Тульчина, под лесом, сам дал и размер постройке; исполнителем был, вероятно, состоявший тогда при Суворове инженерный полковник Фалькони (голландец); на работы назначалась вся пехота, для указаний — пионеры. Через две недели от начала работ укрепление было готово и названо фельдмаршалом «Пражкой», в воспоминание о Праге, предместья Варшавы, взятом штурмом 24-го октября 1794 года. Оно состояло из четырех бастионных фронтов, длиною около 100 сажен каждый, с рavelинами перед куртилами. В середине укрепления сплели из хвороста башню, на которую взлезал Суворов, чтобы лучше наблюдать за ходом ученья. Волчьи ямы шли кругом в три ряда.

Для штурма войска вышли из лагерей в боевой амуниции, но без ранцев, и выстроились кругом «Пражки». Подъехал фельдмаршал; войска чести не отдавали, так как предполагалось, что находятся в виду неприятеля. Суворов объезжал полки, здоровался, говорил: «Старайтесь, ребята, Пражку взять», и сам приказал, каким полкам идти на приступ и в каком именно направлении, а небольшую часть пехоты и артиллерию разместил по валам в укреплении для обороны.

Пока делались все эти распоряжения, наступили сумерки; взвилась сигнальная ракета, полки двинулись на приступ, «ура» не умолкало ни на одну минуту, батареи открыли огонь; наконец, атакующие бросились бегом, пошла стрельба из ружей, войска вскочили на валы и частью бросились в к башне, где был Суворов, а частью начали раскапывать [194] бруствера, как это делалось и в действительности, на штурме

настоящей Праги, для прохода артиллерии и конницы атакующего. Пражка была взята, фельдмаршал благодарил солдат, которые на другой день получили по кружке водки. В настоящее время, хотя «Суворовская Пражка» частью еще сохранилась, ее можно видеть в одной версте от дороги из д. Нестерварка в д. Кришинцы, но северный фас уже весь изрыт добыванием глины, остальные начинают запахивать крестьяне. Вероятно, скоро будет изрыто и распахано все укрепление и «Суворовская Пражка» исчезнет с лица земли.

Примечания

¹ Про Бонапарта Суворов выражался: «Ох далеко шагает мальчик; пора бы унять его».

Посещение пути Суворова через Альпы.

[195] Посещение полей сражения или вообще мест и путей, где происходили военные действия, имеет чрезвычайную важность. При подобных личных осмотрах разъясняется многое, что до тех пор оставалось темным и непонятным при чтении исторического сочинения, автор которого не имел достаточных материалов (особенно часто это замечается относительно условий местности), или не мог вдаваться в подробности, иногда совершенно необходимые.

В 1895 г. мы посетили те места в Швейцарии, где ступала нога великого Суворова и его богатырей в 1779 г.; для лучшего уяснения дела переход через С.-Готард был совершен нами пешком, только в направлении обратном тому, в котором шел Суворов, т. е. мы шли с севера на юг.

Ущелье р. Рёйс (Reuss), где находится знаменитый Чертов мост, действительно мрачно, особенно в сумерки: оно узко, черные каменные громады не только сдавливают его своими отвесными стенами, но местами даже нависают над бурным горным потоком. У самого южного входа в ущелье р. Рёйс довольно спокойна и почти не представляет препятствия для перехода в брод (ширина не более 10 саж., русло не глубоко, течение не быстро, берега плоски, дно ровное), но дальше, немного южнее Урнер-лох (отверстие в скале, вроде туннеля), река, стесненная скалами, превращается в водоворот: пенясь, падает с высоты 75 фут., мечется по огромным камням, разбиваясь в мелкую пыль, которая [196] ветром разносится в стороны и даже несет на мост; здесь переход через Рёйс невозможен, да если бы и удалось перейти, то нельзя было бы подняться по отвесным скалам левого берега.

В настоящее время Урнер-лох настолько расширен, что огромные дилижансы альпийской почты проходят свободно; сидящие на верхних местах из предосторожности должны, однако, наклонять головы; туннель длиной около 80 шагов освещается двумя окнами, прибитыми по середине к стороне Рёйса. Но 100 лет назад здесь было не то: величина Урнер-лоха позволяла пройти только вьюку, окон не было, темнота делала это дефиле чрезвычайно мрачным. Чертов мост представляется теперь весьма солидным, в виде одной смелой арки, перекинутой с одного берега реки на другой. Старый мост, по которому проходил Суворов, находился рядом с новым (с нижней, северной стороны), был несколько меньших размеров и не столь высоко поднят над ложем реки. В 1889 г. он обрушился, — странное равнодушие швейцарцев к памятникам старины! Хорошо еще, что существуют прекрасные фотографии этого моста — вид его не пропадет для истории. Кроме того, мост этот изображен на известной батальной картине, находящейся в Петербурге в Зимнем дворце и воспроизводящей бой между русскими и французами 14-го сентября 1799 г. Картина в общем верна, если не принимать во внимание, что, согласно с правилами прежней школы батальной живописи, солдаты изображены одетыми строго по форме и весьма чисто — вероятно, однако, герои Суворова, после многих походов и боев, были далеко не в таком виде; но так как картина обнимает только Чертов мост и лишь небольшое пространство около него, то весьма трудно судить по ней об общем ходе дела.

14-го сентября 1799 г. дело происходило так. Французы [197] Лекурба расположились на левом берегу Рейса для защиты Чертова моста; на правом берегу для защиты Урнер-Лоха выставили небольшой отряд с пушкой. В голове колонны Суворова шел батальон полка Мансурова. Как только солдаты сунулись в Урнер-лох, французская картечь положила первых смельчаков на месте. Очевидно, нельзя было нарушать основного правила горной войны, т. е. атаковать теснину в лоб; надо было прибегнуть к обходу. Тотчас 300 охотников, под начальством полковника Трубникова, пошли вправо по скалам для обхода левого фланга Урнер-Лоха. Где же именно они пошли? Не могли же они полезть прямо вверх по отвесам? Дело в том, что в скалах этих находятся две, если можно так выразиться, расселины: ближайшая к Урнер-Лох лежит всего в нескольких шагах от нее, и Трубников не мог здесь подняться, ибо французы легко перестреляли бы всех солдат по одиночке на выбор; другой прорыв, крутой но с мягкой почвой, выдерживающей упор ноги, находится, примерно, в 250 метр. к югу; конечно, именно тут и взошли охотники Трубникова, обошли с востока (т.е. левый фланг) Урнер-Лох, чем и заставили французов очистить ужасное дефиле и сбросить пушки в Рейс. Подобным же образом, т. е. при помощи обхода, оттеснили мы французов от Чертова моста. История говорит, что 200 чел. Кашкина полка, под начальством майора Тревогина, перешли Рейс в брод выше Чертова моста, поднялись на скалы и обошли неприятеля с его правого фланга. Теперь является вопрос, где же именно они перешли реку и где поднялись на скалы? При взгляде на водопад, который кипит выше моста, и на скалы, поднимающиеся отвесно на огромную высоту (около 350 метр.), становится ясною невозможность перехода р. Рейс в непосредственном соседстве моста. Нет сомнения, что для этого было выбрано место при входе реки в ущелье, где она [198] течет спокойно, а скалы левого берега сравнительно доступны, поэтому подвиг Тревогина (за ним также перешел батальон Свищева) представляется вполне естественным, не заключающим ничего сверхчеловеческого.

На скалах правого берега Рейса, против Чертова моста, нарисован огромный черный крест с белым обводом. Жители знают, что это память о русских, но вряд ли здесь сохранилось точное понятие о существе дела. Кондуктор дилижанса объяснял при нас наивным путешественникам (французам и англичанам), что здесь 450 чел. русских ошиблись дорогой, и так как была зима и снег, то все они сорвались со скал и погибли в Рейсе. Быть может, многие из русских столь же мало знают о бое при Чертовом мосте? А стоит знать, ибо атака эта вследствие целесообразного применения обходов представляет образец искусства горной войны, в которой Суворов взял верх над такими мастерами, как: Массена, Лекурб, Гюден.

Осматривая местность, поражаешься, как близко отстоит один берег от другого, следовательно весь бой был вестен на коротке, противники, так сказать, почти осязали друг друга. Какая огромная разница сравнительно с боем настоящего времени, когда поражения начинаются с таких расстояний, что противники еще и не видят друг друга! Не следует забывать, что во времена Суворова меткий ружейный выстрел был только на 60 шагов.

В настоящее время вход в ущелье Рейса укреплен швейцарцами. Именно, на правом берегу, в том месте, где находится упомянутый второй прорыв скал, обтесана на скале стена, за которой несомненно устроено помещение для батареи, ибо в стене имеются 5 амбразур; из трех торчали маленькие стальные пушки, кажется, системы Гочкиса; в стене устроена железная дверь, ведущая во внутреннее [199] помещение; доступ к стене и к двери прегражден железной решеткой; от последней отогнуты вперед острые концы на манер штурмфалов. Какой имеют путь отступления защитники этой батареи — не видно; быть может, они уходят в туннель железной дороги, который проходит как раз над батареей.

На противоположном, левом берегу, на небольшой высоте, находится земляное укрепление, чисто отделанное и совсем не маскированное; оно обстреливает плоское пространство перед собою до д. Андермат и подступы к ущелью. Когда мы проезжали мимо, то в широкую ружейную бойницу (в каменной стенке) смотрел часовой; иногда он прогуливается открыто на дорожке, ведущей к укреплению, и без билета никого не пропускает.

Урнер-Лох запирается железными воротами с двойным рядом бойниц. На левом берегу р. Рейс, около самого Чертова моста, в скале имеется железная дверь в рост человека; но значение ее мы узнать не могли.

На левом же берегу реки на высоте, на конце хребта Бецберг (Bazberg), упирающегося в Рейс, находится довольно обширное укрепление, отлично расположенное относительно окрестной местности, но совершенно не маскированное; оно обстреливает на далекое расстояние долину р. Рёйс (также и деревню Оспенталь), по которой Суворов в 1799 г. пришел от С.-Готарда в долину Realper-Reuss'ы, ведущую к проходу Фурка в долину Роны, деревню Андермат и далее в долину Унтер-Альп; вероятно, оно может обстреливать и долину Обер-Альп по которой в том же году пришел с 6,000 чел. генерал Розенберг, высланный Суворовым для обхода позиции у С.-Готарда.

К описанному укреплению ведет от Чертова моста специально военное шоссе (зигзагами), сделанное превосходно и охраняемое часовым. Узкая, но хорошо сделанная дорожка, [200] тоже зигзагами, соединяет верхнее и нижнее укрепления. Много труда и денег потрачено на проложение этих дорог и, на первый взгляд, трудно определить, что стоит дороже: дороги или укрепления?

На пути от Чертова моста к дер. Андермат показывают старую церковь (ей лет 400), а в самой деревне весьма старинный дом; они, несомненно, видели Суворова, подобные места невольно наводят на размышление и увлекают думы в отдаленное прошлое истории.

Вода в р. Рёйс и его притоках прекрасная, холодная и чистая, как кристалл; биваки русских были здесь очень хороши, но вряд ли наши солдаты могли воспользоваться многим в отношении продовольствия, так как окрестные жители весьма бедны.

Долина р. Рёйс, ведущая от д. Оспенталь к С.-Готарду, вообще удободоступна и, спускаясь от С.-Готарда, русские могли идти свободно. Только в одном месте протягивается поперек долины горка, которая до крайности ее стесняет, ветер дует тут, как в коридоре, р. Рёйс клубится водопадом. На этой позиции французы могли задержать Суворова, но их путь отступления был бы совершенно открыт, а потому и самое предприятие рискованно.

От упомянутой горки до вершины С.-Готарда (высота 2,114 метр.) долина имеет вид негостеприимный: ни де рева, ни кустика; только маленькая травка, мох и голые камни; по сторонам дороги встречается снег; птиц нет; тишина нарушается лишь шумом низвергающихся со скал ручьев, да свистом альпийских сурков.

На вершине С.-Готарда, у самого Осписа (прежний монашеский приют L'ospizio, а теперь здесь гостиница «Monte Prosa»), позиция фронтом на юг, очень сильна; равно как и другая, немного ниже, за ручьем Соречиа.

13-го сентября 1799 г. Суворов с 10,000 чел. атаковал [201] эти позиции в лоб, вопреки указаниям горной войны, советующей в подобных случаях обходы. Потеря была 1,200 чел. и бой без всякого результата. Но когда Багратион по скалам обошел левый фланг французов, то они легко очистили позицию.

Каким же образом Суворов допустил подобную ошибку? Неужели он не знал элементарных оснований горной войны?... Дело объясняется так: от Розенберга, посланного в обход к дер. Ундермат, известий не было; влияние его атаки ничем не обнаруживалось на позиции у С.-Готарда, занятой генералом Гюден; Розенберг, почему-то, совершив обход, остановился отдыхать, ожидая атаки Суворова (это было странно, ибо, обыкновенно, атакующий с фронта ожидает обходящего, а не наоборот). Вследствие этого русский фельдмаршал заключил, что противник его, Лекурб, оставив против него только заслон (Гюдена), обрушился со всеми силами на Розенберга. Желая спасти последнего, а для того отвлечь Лекурба на себя, Суворов и повел свои энергичные лобовые атаки. Много пролилось здесь русской крови, окрасившей воды стремительного горного потока и соседние скалы. Здесь-то и стоит небольшая каменная постройка, в которой собрана часть русских костей; о ней многократно писалось в наших газетах. Мы видели эту, якобы, часовню. Каких-либо работ по возведению памятника, однако, не заметили. Правда, мы шли совершенно в облаках и притом, желая познакомиться со старой дорогой, преимущественно по крутым тропинкам, а не по кружному извилистому шоссе. Спору нет, что памятник на С.-Готарде необходим; но вместе с тем невольно приходит на мысль, что не существует памятника нашему великому полководцу в Москве, в сердце России, где подобный памятник мог бы иметь глубокое воспитательное значение.

С.-Готард теперь тоже укреплен: около Осписа, возле [202] озера, на высоте 2,100 метр. над уровнем моря расположено сильное укрепление; оно не маскировано.

Дорога от С.-Готарда к Айроло круто спускается по довольно мрачному и труднодоступному ущелью Валь Тремола. Французам в 1799 г. легко было защищать его против русских, наступавших от Айроло; но в восточной стороне ущелья пролегают тропинки, которыми Багратион и пользовался, чтобы постоянно, на всех позициях, обходить левый фланг французов; это было сделано артистически. Напр., сильная позиция в 2-3 километрах к западу от д. Айроло была ловко обойдена им с левого фланга. Теперь эта позиция усилена двумя солидными укреплениями, возвышающимися одно над другим; они обстреливают деревню Айроло, южный выход с.-готардского туннеля, железнодорожную станцию и на далекое расстояние долину р. Тичино. Когда идешь от С.-Готарда, то укрепления видны отлично, со многими подробностями, но с фронта, т. е. с юго-восточной стороны, они хорошо маскированы и мало заметны. Несколько скорострельных пушек малого калибра в стальных башенках поставлены совсем открыто, без всякой присыпки землей. Может быть это было сделано временно для практической стрельбы.

Действительно, вскоре мы заметили швейцарские мишени, изображающие пехоту. Щиты мишеней обрезаны по краям изображенных на них фигур; такое устройство мишеней мне чрезвычайно понравилось, так как оно более приближается к действительности. Мишени были поставлены в три ряда, вероятно для изображения цепей и поддержек; далее на горе была поставлена мишень орудия (нарисовано вместе с прислугой), а затем обозначен общий резерв, в виде большой сплошной мишени, на которой начерчено шесть больших кругов, один возле другого, с внутренними кругами, на манер наших офицерских мишеней. [203]

Пушечные выстрелы повторялись эхом в горах много раз, уподобляясь раскатам грома. Надо полагать, что действительный бой в такой местности весьма величествен.

Ружейная стрельба производилась из магазинки и сопровождалась характерным, частым звуком. Стрелки были одеты в синеватые полотняные блузы и такие же шаровары; на поясе по две патронных сумки, на голове берет. В этом одеянии стрелки сильно напоминали простых рабочих и не имели вовсе воинского вида; мы встретили их потом в мундирах с галунами и в тех же беретах, но впечатление было не лучше — очень мешковаты; это относится как к солдатам, так и к офицерам.

Из предыдущего рассказа видно, что укрепления расположены именно на тех местах, где были даны бои Суворовым в 1799 г.; он был учителем швейцарцев в этом деле; они не забыли истории и воспользовались ею надлежащим образом.

Как кажется, имеются еще укрепления для обороны проходов: Обер-Альп, где прошел в 1799 г. Розенберг, и Фурки, как весьма важного подступа со стороны Роны. Через Фурку мы проезжали, но укреплений не заметили; через обер-Альп вовсе не удалось проехать. Говорят, что укрепленные местности, кроме того, минированы, чтобы взрывами завалить дороги в минуту необходимости и тем на некоторое время уничтожить доступы в страну.

Немцы о Суворове

[204] В последнее время на немецком языке стали появляться сочинения, или специально посвященные Суворову и его деяниям, или же разрабатывающие эту тему отчасти, для доказательства своих теоретических положений. Вообще, Суворов начинает занимать военную литературу западной Европы, она стала говорить о нем иначе, чем до сих пор, стала признавать его и воздавать ему должное.

Недавно (в 1896 г.) в газете «*Militär-Wochenblatt*» появилась статья Гюнтера «*Suworoff in Italien und der Schweiz 1799*». Автор, хорошо ознакомленный с источниками, приводит из них выдержки, интересные для русских читателей, тем более, что сочинения, из коих извлечены эти отрывки, или вовсе не были известны русским историкам (напр., нигде у нас не упоминают о сочинении Dr. Fr. Lusser, «*Leiden und Schicksale der Urner*», Altdorf 1845), или сделались теперь библиографической редкостью (напр. статья Штутгергейма, напечатанная в «*Oesterreichische Militär-Zeitschrift*» за 1812 год).

Гюнтер, как и большинство писавших о Суворове, останавливается на его чудачествах. Известно, что 17-го (28-го) апреля 1799 года, всего на десятый день от начала своего итальянского похода, Суворов занял Милан, столицу Цизальпинской республики, казаками и частью австрийских войск генерала Меласа, а 18-го (29-го) апреля, в Светлое Христово Воскресенье, совершил торжественный въезд в этот [205] город. Об этом событии Гюнтер приводит такой рассказ. Для занятия Милана Мелас, не дожидаясь прибытия русских, а также остальных своих дивизий, отправил поспешно дивизии Кайма и Фрелиха. Когда Суворов узнал об этом, то немедленно послал к Милану полк казаков. Мелас, очевидно, был низкого мнения о дисциплине русских варваров, ожидал беспорядков и, желая помешать грабежам со стороны казаков, отделил за ними полковника Соммарива с несколькими эскадронами; этою мерой он рассчитывал поддержать в Милане порядок и спокойствие (!?).

18-го (29-го) апреля депутация с ключом от города встретила Суворова еще далеко в поле. Фельдмаршал поцеловал ключ, передал его для того же всем присутствующим его свиты и, когда церемония была окончена, поспешил к городу. Когда Меласу доложили о прибытии главнокомандующего, он вышел к нему навстречу с опущенным оружием и намеревался отрапортовать о сделанных распоряжениях; но русский полководец, не слушая систематического доклада австрийца, взял его за голову и крепко, сердечно обнял. Затем Суворов, а за ним Мелас и свита въехали в город и проследовали по нескольким улицам. Вдруг фельдмаршал увидел церковь, дверь которой была открыта. Быстро спрыгнул он с лошади, протиснулся сквозь толпу, пробежал к главному алтарю и распростерся на полу. Полежав несколько минут, он вскочил, благословил свою свиту, выбежал из церкви, сел на лошадь и поехал к назначенной ему квартире. Толпы народа стояли по пути, массы любопытных смотрели из окон. Суворов благословлял всех правой рукой, на которой висела плеть. Во время этого торжественного шествия главнокомандующий сидел верхом на казачьей лошади, оседланной изношенным немецким седлом и чепраком с шелковой бахромой. На ногах его были маленькие сапоги, на которые нависали спустившиеся с [206] колен чулки. Короткие штаны из белой полосатой материи слегка удерживались под коленками пряжкой; пуговицы никогда не были застегнуты порядком. Ветер надувал пузырем его рубашку без воротника с расстегнутым воротом. Сверх рубашки был надет открытый белый камзол с короткими фалдами. На голове небольшая черная кожаная каска с шелковой кисточкой. Он беспрестанно погонял свою лошадь плетью.

В параллель со вступлением в Милан приведен рассказ очевидца о въезде Суворова в Альтдорф 15-го (26-го) сентября¹. В 6 часов вечера въехал в город Суворов в фантастическом одеянии; за фельдмаршалом следовало несколько сотен казаков и много пехоты. Он был в рубашке с черным открытым камзолом и в брюках, расстегнутых с боков. В одной руке он держал кнут, а другою благословлял, как епископ, всех встречных. Ландман Шмид вышел к нему навстречу из своего дома; фельдмаршал потребовал от ландмана поцелуя в знак мира, а от сопровождавшего Шмида почтенного пастора Рингольда потребовал благословения, которое принял, благоговейно преклонив колена. Потом он сказал на ломаном немецком языке речь, в которой объявлял себя спасителем и освободителем Швейцарии, что он пришел освободить швейцарцев от неверных и тиранов.

По мнению Гюнтера, Суворов все свои якобы чудачества проделывал от чистого сердца и с любовью; впечатления были различны. Некоторые из современников (а за ними и некоторые историки), благодаря подчас выходкам великого [207] полководца, судили о нем несправедливо и не признавали его гения; на пылких же итальянцев оригинальное поведение русского фельдмаршала производило сильное, электризирующее действие: оно сослужило большую службу во время итальянского похода, и если бы не помеха со стороны австрийцев, то принесло бы и еще больше пользы. На спокойных, расчетливых, да

вдобавок ограбленных (французами и австрийцами) жителей швейцарского кантона Ури ни суворовские речи, ни благословения не произвели особенного впечатления; австрийцы, с первой минуты появления Суворова в Вене, приветствовали его с восторгом, но, по мнению Гюнтера, тут играла роль не только давнишняя слава фельдмаршала — в нем видели олицетворение воли Императора Павла I ниспровергнуть революцию и ввести во Франции прежний порядок вещей, а потому жители Вены одинаково чувствовали бы всякого, кто бы ни был прислан вместо Суворова, хотя бы заурядного генерала Германа, которого русское правительство действительно прежде предполагало послать. Да австрийцы, первоначально, когда обратились за помощью к Императору Павлу, и не думали, что главнокомандующим будет назначен Суворов, иначе интриги первого австрийского министра барона Тугута против неутомимого фельдмаршала начались бы гораздо раньше; дипломаты думали найти в русском генерале послушный инструмент для исполнения предначертаний Тугута и вполне ему подчиненного высшего придворного совета (гофкригсрата).

О военном искусстве Суворова, Гюнтер отзываясь с полным почтением и говорит, что оно именно и было той же самой тайной ведения войны, которая принадлежала Наполеону; основы были те же, на которых немецкая армия построила свой беспримерный успех во время войны против французов в 1870-1871 гг.

Прибыв в Италию, Суворов отправил несколько русских [208] офицеров для обучения австрийских войск действию штыком. Хотя эта мера оскорбила австрийцев (чему могут научить грубые, необразованные варвары столь цивилизованную армию?), но она была далеко не бесполезна; напротив, оказала в высшей степени благодетельное освежение австрийских идей, оцепенелых в формализме: солдат же австрийский действительно не имел никакого понятия об употреблении штыка. Следовательно, если Суворов хотел из подобного материала ковать орудие для подавления революции, то он должен был потрудиться в поте лица.

Из приведенного факта нельзя выводить заключения, что Суворов пренебрегал огнестрельным оружием; многие придерживаются такого взгляда, основывая его на любимой поговорке русского полководца «пуля дура — штык молодец»; но это совершенно неправильно, ибо фельдмаршал высказывал неоднократно свои воззрения относительно полезности огня (напр. при преследовании) совершенно такие же, как признаны всеми 60 лет спустя при появлении «тактики игольчатых ружей».

Контр-атака, бывшая до сих пор в австрийской армии неизвестным тактическим приемом, была введена Суворовым, как действие необходимое и самое обыкновенное.

Понятия русского генералиссимуса о тактике маршей вполне сходятся с нашими современными. Хотя он делал очень большие переходы, но в то же время заботился об удобстве солдата. В австрийской же армии, напротив, удобство солдата нисколько не принималось в расчет, а правила Суворовские (напр. о привалах) были совершенно неизвестны и никогда до 1799 года не применялись. Она шла как улитка и, хотя люди были на ногах с раннего утра до позднего вечера, проходила не больше 15 километров в день. Один старый ветеран австрийской армии так рассказывает [209] о существовавших в ней порядках²: «По воскресеньям или праздничным дням были церковные парады. С раннего утра люди в полной амуниции представлялись поочередно капралу, фельдфебелю и офицеру. Делали смотры сомкнутому и разомкнутому строю, сабельным приемам, мерили косы и т. д. Во время маршей поступали так: людей поднимали еще до рассвета и водили по дворам и квартирам колонновожатых, капитанов, майоров; пересчитывали, пересматривали, учили приемам и, наконец, отправляли на полковой двор, чтобы начать марш. При вступлении на новый ночлег опять повторялось то же самое. Новобранцы, т. е. те люди, которые еще не прослужили четырех или пяти лет, запирались в сараи и амбары, человек по 30-50-ти; их сторожили старшие товарищи с заряженными ружьями». Ясно, насколько русский полководец быстрым полетом своих идей опередил современников.

Относительно швейцарского похода оказывается, что австрийские офицеры генерального штаба, сопровождавшие Суворова, так же мало знали страну, как и он сам. Австрийский генерал Готце, который давно уже командовал войсками в швейцарских горах, ввел Суворова в заблуждение относительно дорог. Эбель свидетельствует (*Anleitung die Schweiz zu bereisen*, 2 Auflage, Zurich 1804), что проход через Кинцингкульм (знаменитый марш от Альтдорфа в Муоттаталь) был, так сказать, открыт Суворовым. Замечательно, что при начале швейцарского похода 12-го (23-го) сентября, когда Суворов находился уже в Дачио, т. е. всего в 10 верстах от Айроло, где стоял французский передовой отряд Лекурба, последний доносил своему главнокомандующему Массене о слухе, будто русские появились только в нижней Левентине — ясное доказательство, что французы [210] были бы застигнуты врасплох, если бы русские не были задержаны в Таверне по нераспорядительности австрийского интендантства. Отсюда естественно возникает вопрос — правильно ли военные ученые упрекают Суворова за выбор в швейцарском походе линии действий через С.-Готард, а не через Бернардин или Шплюген, вопрос, который следует разобрать весьма тщательно.

Гюнтер не считает нужным останавливаться на том, следует ли считать Суворова побежденным в Швейцарии? Ни при каких грозных обстоятельствах не падал дух полководца и его войск; непоколебимые,

полные мужества, отправились они в обратный путь на далекую родину. Везде, где старый фельдмаршал имел возможность проявить свою проницательность, виден величайший гений полководца.

В заключение Гюнтер, как и многие писатели, выставляет вопрос: «кто оказался бы победителем, если бы Суворов встретился в Италии с Бонапартом», вопрос, по существу дела, совершенно праздный. Автор вышедшего недавно G. v. Binder-Krieglstein (в 1896 г.) в Австрии превосходного сочинения «Geist und Stoff im Kriegl» задается тем же вопросом. Так как в полководце он на первом плане ставит энергию, то, не вдаваясь в сравнение Бонапарта с Суворовым относительно тонкостей искусства их в стратегии и тактики, он доказывает, что, вообще говоря, Суворов по силе энергии должен быть поставлен выше Бонапарта. В то время, как у последнего в Италии были республиканские войска, состоявшие из граждан, одушевленных идеей борьбы за отечество, у Суворова были вербованные австрийские войска, а также русские, хотя и доброкачественные, но дравшиеся за чуждый интерес. Бонапарт был единственным распорядителем своей армии, состоявшей из французов; Суворов командовал войсками союзными, из них большая часть австрийцев; [211] не только его действия стеснялись распоряжениями гофкригсрата, но последний прямо ему мешал, отдавая приказания австрийским генералам помимо главнокомандующего, в смысле, противоположном его планам. Армия Суворова была подготовлена на основаниях линейной тактики, обветшавшей, уже отжившей свой век; Бонапарт же имел войска, воспринявшие начала нового военного искусства, начала тактики перпендикулярной. Бонапарт боролся с противниками ничтожными; Суворов имел против себя и войска хорошие, и прекрасных генералов (Моро, Макдональд, Лекурб, Гюден, Массена...). Несмотря на столь невыгодные условия, Суворов свою необъятную энергию сумел вдохнуть в предводимые им войска и заставить их проявить необычайные усилия. Сражения, данные Суворовым, чрезвычайно кровопролитны для обеих сторон, что и служит, по мнению автора «Geist und Stoff», внешним доказательством энергии полководца и его войск; до крайнего максимума напряжение энергии достигает в трехдневном сражении на Треббии.

Биндер-Кригльштейн преклоняется пред обширным образованием Суворова, его глубоким знанием военного дела, и вполне основательно доказывает, что русский фельдмаршал вовсе не заслуживает клички hoher Naturalist (неотесанный самородок), которою окрестил его Клаузевиц.

Примечания

¹ В статье Гюнтера указано 25-го сентября, но это не верно, ибо 25-го (14-го) сентября русские перешли Чертов мост и заночевали в долине р. Рейс, причем даже авангард Милорадовича был верстах в 16-ти от Альтдорфа; в этот последний пункт русские, после боя с Лекурбом, вступили только на другой день 15-го (26-го) сентября.

² «Das Schicksal oder 30 Jahre in der Garnison», Graz 1839.

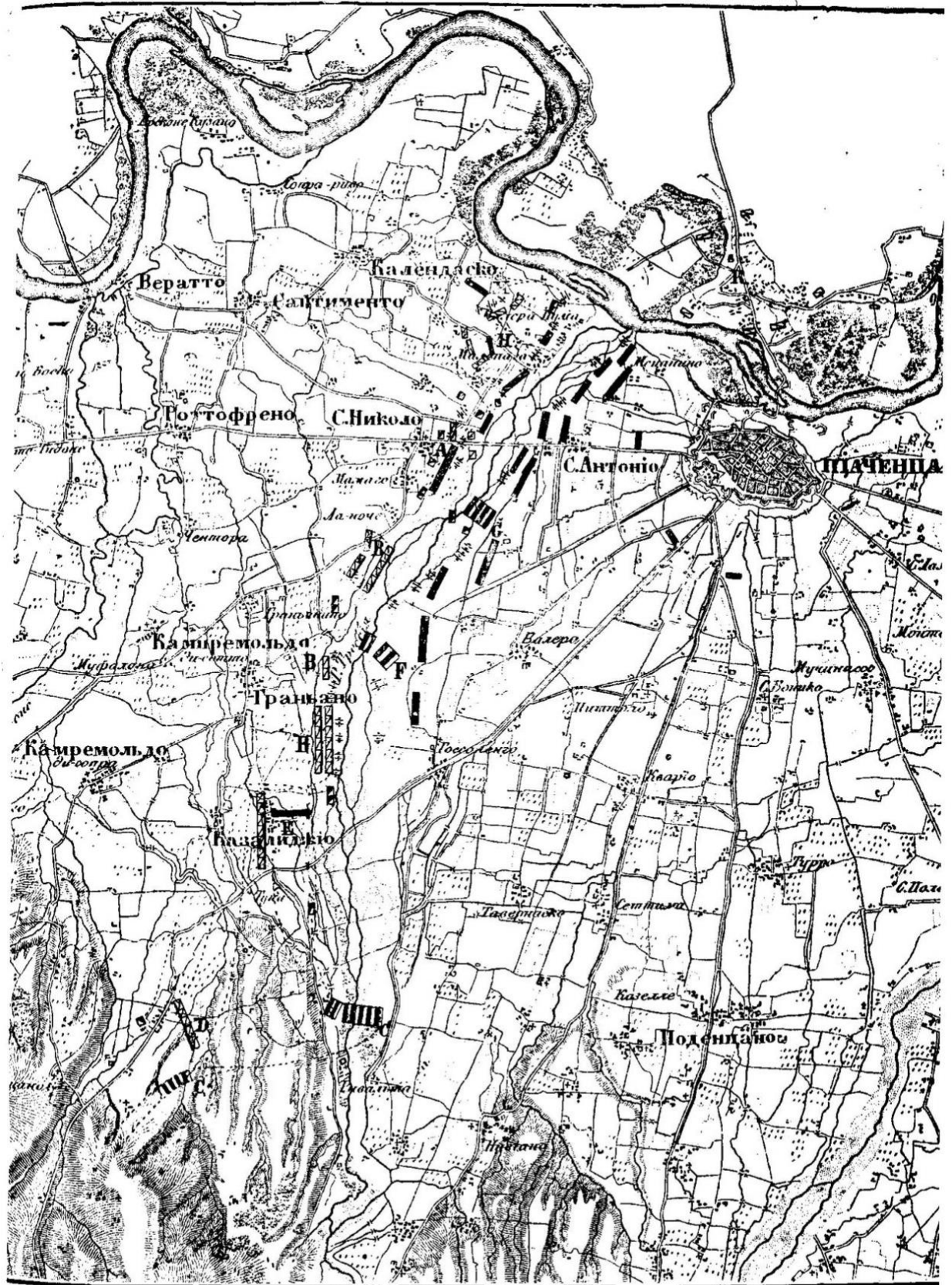
Иллюстрации, приложенные к изданию

М о р о,
Главнокомандующій «Итальянской» арміи.

Ма в д о н а л ь д ь,
Главнoкoмaндующій „Неаполитанскoй“ арміи.

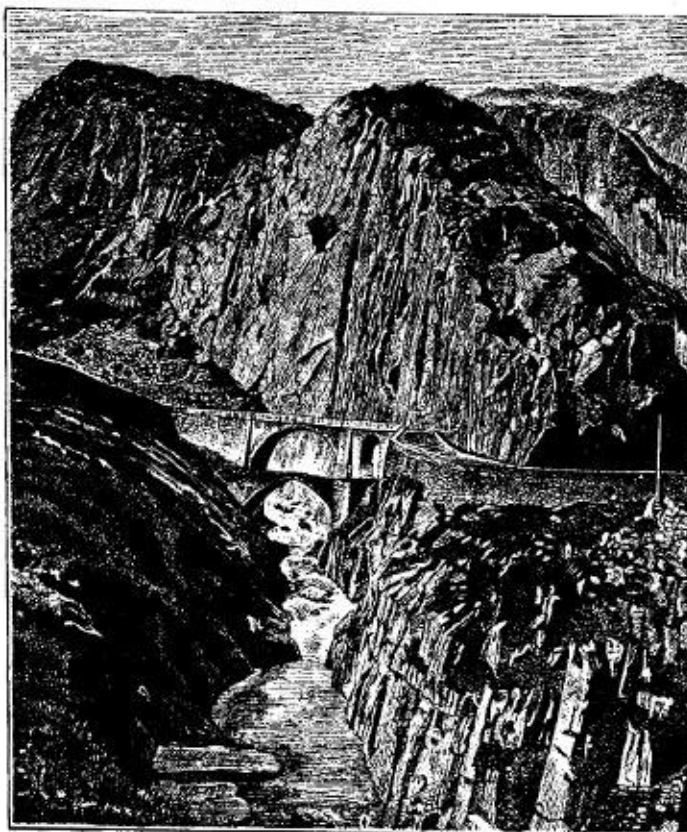
Планъ сраженія при Треббїи 8 іюня 1799 г.
 (снимокъ съ подлиннаго плана).

Массена,
Главнокомандующий «Швейцарской» армии.

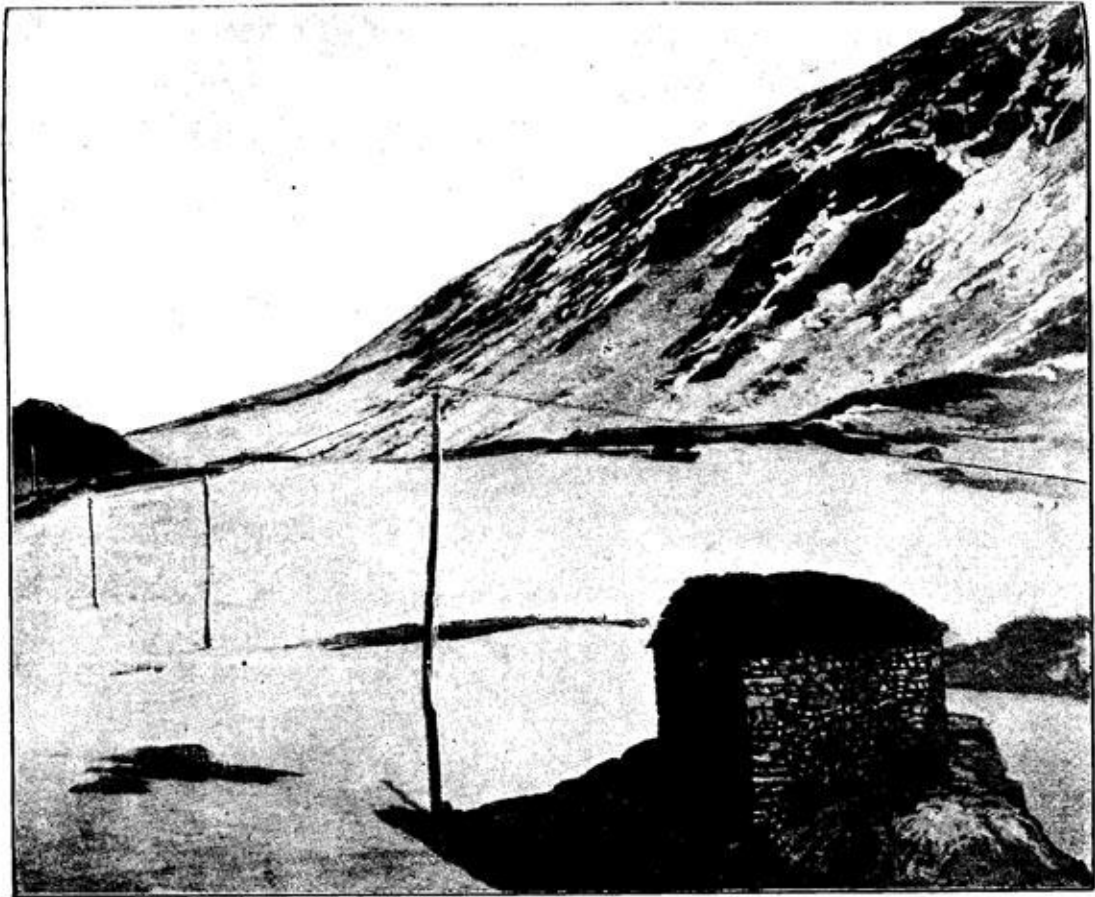
Эрцгерцогъ Карль,
Главнокомандующій Австрійской арміи въ Швейцаріи въ 1799 г.

Чертовъ мостъ.

(Выше виденъ новый мостъ, ниже—старый, Суворовскихъ времянь.)

Овчарня, въ которой сложены кости русскихъ, павшихъ при атакѣ
С. Готарда въ 1799 г. (по фотографіи 1895 г.).